М. П. СОКОЛОВСКИЙ.

К вопросу об элиминации бактерий из брюшной полости.

II. Всасывание из брюшной полости.

(*Обзор литературы*).

Изучением путей всасывания из серозных полостей мышц соединительной ткани и тому подобное занимаются уже давно. Так большинство исследователей XVIII века высказывались за то, что всасывание из брюшной полости происходит при посредстве вен. Всасывание венами признавалось такими авторитетами как Haller и Puisch. Hunter был первый среди исследователей середины 18 века, который усомнился в значении вен при всасывании и в свою очередь высказал предположение, что при всасывании главную роль играют лимфатические сосуды. Magendie вновь установил важность вен при всасывании из брюшной полости, он совершенно отрицает роль лимфатических сосудов при всасывании и является одним из самых ожесточенных защитников всасывания венами. Им было опубликовано много работ по этому поводу (Memoire sur lis organes de l'absorption chez les mammiferes. Paris 1809. Memoire sur le mecanisme de l'absorption. Journal de physiologie 1821. г.). В своих Elements de physique он таким образом резюмирует свои исследования. В своих 150 опытах произведенных им вместе с Dupuytren он никогда не наблюдал, чтобы всасывание жидкости происходило по лимфатическим путям. Bischa также произвел несколько опытов для изучения всасывания из брюшной полости. (Traite des membranes 1827 i Anatome generale). Он установил, что всасывание совершается по лимфатическим путям и может происходить и после смерти опытного животного.

Пути всасывания ядов и других веществ на конечностях изучалась несколькими исследователями и вызвали оживленную дискуссию. Bischoff высказался, что всасывание ядов введенных в конечности происходит по лимфатическим сосудам. Он перевязывал кролику брюшную аорту, на рану ноги он наносил несколько капель раствора стрихнина. Симптомы отравления наступали очень быстро, хотя конечности были парализованы. Этот опыт по Bischoff доказывает, что всасывание происходит по лимфатическим путям. Henle, Emert, Schnel Behr в анологичных опытах получили противоположные результаты. При перевязке брюшной аорты не наблюдалось симптомов отравления стрихнином, тогда как если аорта не была перевязана отравление наступало очень быстро. Наблюдение вышеупомянутых исследователей были проверены Медером. Этот автор перевязывал брюшную аорту. На ноге, на кожную рану наливался раствор железисто-синеродистого калия. Через известные промежутки времени исследовалась моча. В моче краска могла быть обнаружена через 15 минут. Конечности опытного животного были парализованы. У контрольного животного у которого аорта не перевязывалась краска в моче также обнаруживалась через 15 минут. Но Meder заметил, что если перевязать все анастомозы соединяющие art. inter-

costalis urt mammaria с ветвями a. epygastrica, то в пузыре не бывает никаких следов железисто-синеродистого калия. Следовательно всасывание из нижних конечностей происходит по кровеносным. а не по лимфатическим сосудам. Медер ставил также опыты со стрихнином. Опытное животное не гибнет если разрушить анастомозы, но если их не нарушать, а аорту перевязать животное гибнет через короткий промежуток времени.

Coolin указал на быстроту всасывания по лимфатическим сосудам из желудка кишек и соединительной ткани. Для изучения всасывания по лимфатическим сосудам автор вставлял серебряную канюлю в Ductus thoracicus у места впадения его в шейные вены. Когда из канюли устанавливался ток лимфы в желудок опытного животного вводились легко обнаруживаемые соли: железисто-синеродистый калий или иодистый калий. Через 18 минут введенные в желудок вещества уже определялись в лимфе грудного протока. Подобные результаты дали опыты над овцами и быками, у которых несмотря на присутствие четырех желудков всасывание солей происходит по лимфатическим сосудам приблизительно через такой же промежуток времени. Если ввести иодистый калий в кишки, то всасывание происходит еще более быстро. Так одному барану было введено 10 грамм I. K. в duodenum. Иод был обнаружен в лимфе Ductus thoracicus через 6 минут. Такие же результаты дали опыты с железисто-синеродистым калием.

Для того, чтобы узнать происходит ли всасывание по лимфатическим сосудам из интерстициальной соединительной ткани Colin произвел такой опыт. У лошади он вставлял канюлю в лимфатический сосуд расположенный около сонной артерии. Затем 3—4 грамма железисто-синеродистого калия в растворе ин'ецировалось под кожу головы лошади. Через 5—6 минут эта соль могла быть обнаружена в лимфе. Через 15 минут количество ее было уже значительным. Эти опыты доказывают, что лимфатические сосуды всасывают соли, красящие субстанции не только из пищеварительного канала, но и из интерстициальной соединительной ткани.

Recklinghausen изучал всасывание из брюшной полости. Его работа была напечатана в 1863 году, следовательно он может быть причислен к старым авторам. Многие факты впервые им подмеченные остались непоколебленными до сих пор. Recklinghausen экспериментировал на кроликах и морских свинках. Опытному животному ин'ецировалось в брюшную полость молоко, масло, кровь быка, куриный желток, тушь, киноварь. Через определенные промежутки времени от 3—12 часов исследовалась брюшная, грудная полости и диафрагма, на основании своих 16 опытов автор пришел к заключению, что все вышеозначенные вещества очень скоро могут быть обнаружены в лимфатических сосудах диафрагмы, главным образом расположенных в сухожильной части ее. В брюшной полости обнаруживался эксудат и явления воспаления брюшины. Чем дольше животное оставалось живым после ин'екции, тем интенсивнее были явления перитонита. Рассматривая наблюдаемые явления Recklinghausen рассуждает таким образом. Прежде всего нужно исключить, не зависят ли явления всасывания лимфатическими сосудами диафрагмы всех вышеприведенных веществ от того, что благодаря перитониту брюшинный эндотелий настолько повреждается, что всасывание может происходить патологическим образом. Рассматривая свои опыты автор пришел к заключению, что всасывание лимфатическими сосудами диафрагмы происходит также и в тех случаях, где явления перитонита не успели еще развиться. Recklinghausen приходит к заключению, что все вышеупомянутые вещества всасываются в сухожильной части диафрагмы вследствие физиологических условий, господствующих в брюшной полости.

Для изучения явлений, которые происходят при всасывании в самой диафрагме автор поставил ряд других опытов. Recklinghausen воспользовался тем, что диафрагма кролика в своей сухожильной части тонка, хорошо проходима для света и благодаря этому может быть рассматриваема под микро-

скопом. Из сухожильной части диафрагмы вырезался кусок, натягивался и укреплялся при помощи нескольких булавок над круглым окном в пробковой пластинке. На натянутую, таким образом, диафрагму наливалось молоко. Препарат покрывался покровным стеклом и рассматривался под микроскопом при увеличении от 300—400.

Рассматривая препарат можно хорошо заметить, что молочные шарики всегда с большой скоростью устремляются к одному пункту. Рассматривая эту точку, можно убедиться, что молочные шарики уходят в этом месте в глубину, так как они вдруг делаются совершенно неясными и незаметными. В этом пункте наблюдается как бы водоворот жидкости, с которым молочные шарики прогоняются в глубину. Следуя дальше за отдельным молочным шариком, можно ясно наблюдать, как он проникает в лимфатический сосуд. Иногда можно видеть, как отдельный большой молочный шарик совершенно закупоривает отверстие. После легкого встряхивания всего препарата шарик проталкивается внутрь и тогда опять можно видеть водоворот жидкости у этого отверстия. Величина этого отверстия по Recklinghausen вдвое больше красного кровяного шарика.

При исследовании препаратов диафрагмы после обработки растворами азотно-кислого серебра, автор в начале не нашел никаких изменений на месте бывших водоворотов. Тогда Recklinghausen поступил таким образом, он хорошо заметил место одного из водоворотов по расположенному по его соседству кровеносному сосуду и тогда под покровное стекло пустил каплю раствора серебра. На том месте, где прежде был виден водоворот, теперь удалось отметить более обширную и расширенную точку.

Лимфатические сосуды диафрагмы выстланы эпителиальными клетками, которые по виду почти не отличаются от остального эпителия брюшины. Только по величене эти клетки относительно меньше. Большая точка на месте водоворотов равна по величине двум красным кровяным шарикам. Удалось установить, что это отверстие находится то на боковой стенке лимфатического сосуда, то оно соединяется с лимфатическим сосудом при помощи небольшой ветви. Ввиду этого Recklinghausen думает, „что поверхностно лежащие лимфатические сосуды брюшной поверхности сухожильной части диафрагмы соединяются с брюшной полостью, при помощи отверстий по величине вдвое больших, чем красный кровяной шарик. Эти отверстия находятся в том месте, где эпителиальные клетки связаны между собою".

Recklinghausen задает вопрос, для чего могут служить эти открытые соединения лимфатических сосудов сухожильной части диафрагмы с брюшной полостью и приходит к заключению, что их функция заключается в том, чтобы выводить жидкости нормально няходящиеся в брюшной полости в незначительном количестве. Эта жидкость по Recklinghausen добытая из брюшной полости при помощи капиллярной пипетки, мутна на вид. При рассматривании под микроскопом эта муть зависит от множества телец похожих на лимфатические тельца в крови и на гнойные шарики.

Причина движения жидкости в брюшной полости по направлению к диафрагме зависит оттого, что давление в брюшной полости выше чем в грудной. Recklinghausen поставил такие опыты. У кролика после перевязки крупных сосудов удалялась вся нижняя половина тела, из брюшной полости удалялись все внутренние органы желудок, кишки, печень и т. д. Обработанный таким образом кролик укреплялся вертикально на стойке головой вниз. На диафрагму наливалось молоко или кровь.

После известного промежутка времени исследовались лимфатические сосуды диафрагмы и Ductus Hioracicus. При всех опытах было обнаружено, что лимфатические сосуды диафрагмы и грудного протока были переполнены молочными шариками или кровью. Автор указывает, что так как животное предварительно было убито кровеносные сосуды не участвовали в явлениях всасывания. Чтобы окончательно исключить участие кровеносных сосудов Recklinghausen перевязывал на шее vena subclavia, v. jugularis и v. anonyma.

Перевязка этих крупных вен нисколько не влияла на всасывание лимфатическими сосудами. Recklinghausen в своей работе совсем не рассматривает вопрос о том, не принимают ли участие кровеносные сосуды при явлении всасывания инородных порошков из брюшной полости.

В этой старой работе Recklinghausen поставлены на разрешение два вопроса. Эти оба вопроса несмотря на то, что прошло более чем 50 лет, еще до сих пор, не разрешены несмотря на многочисленные исследования.

Первый вопрос касается собственно гистологии брюшины и сухожильной части диафрагмы. Открытые Recklinghausen stomata возбудили живой интерес гистологов. По этому вопросу имеется много работ. При том часть авторов вполне подтверждают открытое соединение лимфатических сосудов диафрагмы с брюшной полостью тогда как целый ряд других отрицает это наблюдение.

Второй вопрос, который возбудил Recklinghausen касается путей всасывания инородных порошков и жидкостей из брюшной полости. Сам Recklinghausen думает что всасывание инородных порошков происходит по лимфатическим сосудам. Но он не рассматривает принимают ли участие кровеносные сосуды при всасывании. Также и этот второй вопрос очень важный для практической медицины, в частности хирургии, до сих пор еще не разрешен.

В настоящее время мы имеем прекрасную работу Колосова, по структуре плевро-перитонеального эпителия (эндотелия). И всякий кто касается брюшинного эпителия не может обойти эту основательную работу. По возможности кратко постараюсь и я изложить основные выводы Колосова. Но раньше постараюсь изложить работу предшественников Колосова.

Исследования Ludwig Schweiger-Seidel, Дыбковского, Dogil, Klein, Panvie Bizzozero. Salvioli, Arnold. Mac Calluk и др. показали, что брюшинный эпителий (эндотелий), придерживаясь этого названия по Колосову, состоит из одного ряда плоских клеток. Эти клетки имеют почти гомогенную протоплазму, в которой можно отметить мельчайшия зернышки расположенные по близости клеточного ядра. Ядро имеет по большей части круглую или овальную форму. Границы этих плоских эпителиальных клеток при рассматривании под микроскопом неокрашенных препаратов незаметны. При обработке препаратов слабым раствором солей серебра границы этих клеток обозначаются ввиде черных линий.

Образование этих черных межклеточных линий зависит от присутствия особого как бы цемента связывающего эти клетки. Этот цемент немецкие авторы называют Kittsubstanz. Свойство эвого цемента заключается в его способности редуцировать растворы серебра и поэтому окрашенные растворами серебра препараты эпителия на свету красятся в черный цвет. Предполагают, что этот межклеточный элемент состоит из альбуминов, которые от соприкосновения с растворами серебра на свету переходят в черные альбуминаты. Консистенция этого цемента жидкая и полужидкая. Брюшинный эпителий состоит не только из этих плоских однослойных клеток. По исследованиям Дыбковского, Ludwig Schweigger-Seidel и особенно Kleina на брюшном эпителии млекопитающегося и человека находятся еще маленькие неправильные. круглые или овальные клетки. Эти клетки расположены по одиночке чаще небольшими группами среди плоских эпителиальных клеток. При патологических изменениях брюшины, например воспаление, число этих клеток увеличивается. Klein считает их за „эндотелиальные зародышевые центры". Panvie считает эти клетки за лейкоцитов. Он отмечает что эти клетки главным образом скопляются у описанных им отверстий лимфатических колодцев (Le puits lymphatique). Tourneux и German наоборот считают, что эти маленькие клетки никаким образом нельзя смешать с лейкоцитами, от которых они отличаются по виду ядра. У этих клеток ядро в отличие от лейкоцитов всегда овальной или круглой формы с одним блестя-

щим ядерным тельцем. Ядро такого вида характерно для эндотелия (эпителия). Турне и Герман считают эти клетки за центры образования (les centres de formation) обыкновенных плоских эндотелиальных клеток. Лимфатические колодцы Panvie, по мнению этих исследователей, ни что иное как углубления на серозном покрове брюшины. Эти углубления высланы большей частью маленькими эндотелиальными клетками. Никаких открытых соединений с брюшной полостью с лимфатическими сосудами в этом месте не имеются.

Recklinghausen как раньше нами было изложено, был возбужден вопрос о присутствии stomatu т. е. межклеточных отверстий в брюшном эпителии (эндотелий) После него целый ряд исследователей Oedmansson, Dybkowsky, Ludwig Schweigger-Seidel, Toldt, Klein, Dogiel и др. подтвердили наблюдения Reckliughausen но с другой стороны ряд других исследователей Афанасьев, Walter, Tourneux и Herrmann Mac Calum, и др. отрицают открытое соединение брюшной полости с лимфатическими сосудами, stomata представляются на препаратах обработанных растворами серебра, то в виде черных точек, то черных кружков со светлой серединой (эти фигуры по Колосову первый описал Oedmansson), Tourneux Herrmann и др. считают stomata как исскуственное образование зависящее от обработки препаратов растворами серебра. Появление этих фигур зависит по их мнению от неравномерного распределения серозных жидкостей на поверхности брюшины. Эти фигуры по их мнению бывают в незначительном количестве, если предварительно серозную оболочку основательно отмыть дистиллированной водой. Швейгер-Зейдель и Догель открыли stomata особого рода на septum cysternae lymphatical magna у лягушки. Турне и Герман Фоа отрицают присутствие этих отверстий.

Резюмируя выводы вышеизложенных работ Колосов говорит, что обратывая брюшинный эпителий (эндотелий) растворами серебра большинство исследователей получали фигуры ввиде пятен или кружков. Эти образования были крайне непостоянны; самого различного вида круглые овальные или совсем неправильной формы. Чаще всего stomata располагались в межклеточных линиях, где соединяются между собой по нескольку клеток. Их назначение как при нормальных, так и патологических состояниях с достоверностью неизвестно.

Работа Колосова основана на исследовании брюшного и сосудистого эпителия (эндотелия) у целого ряда животных. Он исследовал эпителий позвоночных всех классов. Из млекопитающихся им были изучены: человек, собака, кошка, кролик, морская свинка, мышь, крыса, еж, баран, корова; из птиц: голубь, курица, ястреб; несколько представителей класса рептилий Lacerta agilis, viridis, Anguis fragilis u Emys europaea у амфибий; Rana esenleuta u temporaria, жаба triton custatus, triton taematus, salamandra, axolotl у рыб: окунь, щука, и плотва.

Спорным вопросом в структуре плевро-перитониального эпителия (эндотелия) являются межклеточные промежутки. Связь между клетками, как было изложено раньше, зависит от присутствия между ними особого вещества цемента kittsubStanz В этих же межклеточных пространствах находятся и описанные выше stomata. Чтобы лучше изучить связь между эпителиальными клетками Колосов предположил, что если равномерно растянуть подлежащия ткани, то исследовать межклеточные пространства будет более удобно. Особенно удобным об'ектом он считает легкие амфибии и тонкостенные кишки мелких млекопитающихся или ящериц. Равномерное растяжение подлежащей ткани производилось посредством раздувания. В трахею или просвет кишки ввязывалась тонкая стеклянная трубка и при помощи ее препарат перед окраской, раздуванием равномерно растягивался. Точно также можно растянуть при помощи стекляной трубки брыжейку, сальник или диафрагму, если закрыть одной из этих перепонок один конец стекляной трубки, а из другого конца равномерно вдувать воздух.

Если эти предварительно растянутые препараты окрасить слабым раствором серебра то картина под микроскопом будет такова. Межклеточные пространства представляются не ввиде беспрерывных черных линий, а ввиде линии, на которой находятся, то черные точки, stigmata по терминологии Arnold, то черные кружки со светлой серединой stomata.

Величина и количество этих stigmata и stomata зависит от степени растяжения. Чем больше было растяжение, тем больше этих stigmata и stomata и тем значительнее их величина.

Предварительное тщательное обмывание дестиллированной водой нисколько не уменьшает количество этих образований. Правда если препарат перед окраской не обмывался дестиллированной водой, то повсюду на его поверхности можно видеть неравномерные черные пятна. Появление этих пятен зависит от окраски серозных жидкостей, находящихся на поверхности препарата и содержащей альбумины, которые на свету при соприкосновении с растворами серебра переходят в черные альбуминаты. Но метод серебрения препаратов для изучения тонкой структуры клеток совсем не удовлетворяет Колосова. Он предложил свой способ фиксированья и окраски осмиевой кислотой (технику этого способа см. в Zeitschr. f. wiss. Mikroskopie u f. mikrosk. Technik Bd. IX Heft 1 и 3).

При исследовании препаратов плевро-перитонеального эндотелия (эпителия) окрашенного осмиевой кислотой по этому методу можно видеть что каждая отдельная клетка состоит из двух различных частей. Во первых из поверхностного слоя, образованного тонкой гомогенной пластинкой и во вторых из слоя более глубокого образованного из малозернистой протоплазмы, в которой находится ядро с двумя ядерными зернышками, лежащими эксцентрично. Эти обе части клетки находятся по отношению друг к другу в самой интимной связи и вместе образуют одно неразрывное целое. Осмиевой кислотой каждая из этих частей эндотелиальной клетки красится особо. Поверхностная часть, которую Колосов назвал покровной пластинкой окрашивается в бледно-серый цвет. Вторая протоплазматическая часть клетки окрашивается в более или менее интенсивный черно-серый цвет. Ядро клетки окрашено в серый цвет, ядерные тельца в черный цвет.

Связь клеток друг с другом по Колосову такова. Более глубокая протоплазматическая часть в каждой отдельной клетке соединяется с соседней клеткой при помощи многочисленных коротких отростков. Покровная пластинка, которая ничто иное как метаморфозированная протоплазма, является как бы придатком клетки. Покровные пластинки двух соседних клеток не соединены друг с другом при помощи отростков. Края этих пластинок только прилежат друг к другу. Правда в более глубокой части покровные пластинки соединяются друг с другом при помощи очень тонких протоплазматических нитей.

Каждая отдельная клетка представляется в виде многоугольной усеченной пирамиды, основанием которой лежит на подлежащей ткани а вершиной является покровная пластинка.

Отростки которыми клетки соединяются между собой имеют вид мешкообразных или конических, протоплазматических выростов, которые перекрещиваются с подобными же образованиями соседних клеток и таким образом клетки соединяются друг с другом.

Маленькие протоплазматические клетки построены по такому же плану как и остальные клетки брюшинного эндотелия (эпителия). Только покровная пластинка на этих клетках менее заметна. Часто особенно у амфибий даже совсем не различима. Соединяются эти маленькие клетки с соседними при помощи таких же анастомозов как выше было описано. Эти маленькие клетки находятся у многих видов животных, но их совершенно нет у птиц и у рыб. Отсутствие этих клеток у двух последних видов показывает, что они не являются необходимыми составными частями брюшинного эндотелия (эпителия) и им поэтому нельзя приписать функций зародышевых центров

для эндотелия, как то делает Tourneux Herrmann, Колосов считает их продуктом деления обыкновенных плоских клеток.

Колосов обнаружил еще одну особенность плевро-перитониального эндотелия (эпителия). Исследуя препараты окрашенные по его методу осмиевой кислотой, он заметил что у всех исследуемых им животных на свободной поверхности брюшинного покрова расположены крайне нежные короткие волоски длиною приблизительно равные 2-м. Рассматривая поверхность каждой клетки можно видеть эти волоски ввиде густых точек равномерно расположенных по всей поверхности клетки. На слабо окрашенных покровных пластинках они хорошо видны окрашенными в серо-черный цвет. Также хорошо видны эти волоски и на неокрашенных препаратах, если их рассматривать в физиологическом растворе или в серозной жидкости взятой из перикардия. Благодаря их нежности они видны особенно резко.

По исследованиям Колосова этими волосками покрыт эндотелий полостей брюшины, плевры, перикардия и tunica vaginalis testio. В tunica vaginalis testis эти волоски более коротки и не так густо расположены. Сальник также покрыт этими волосками. Сказать что либо о физиологическом назначении этих волосков крайне трудно. При исследовании свежих препаратов в физиологическом растворе при температуре тела Колосову ни разу не удавалось видеть движения этих волосков. Мельчайшие кусочки бузины, положенные на поверхность париэтальной брюшины или плевры у живого животного также не двигались.

Присутствие волосков на клетках плéвро-перитониального эндотелия (эпителия) не позволяет предположить что клетки соединительной ткани и брюшинного эндотелия имеют одинаковое происхождение. Строение этих клеток дает полное право считать их за настоящий эпителий, для которого характерно присутствие особого придатка на свободной поверхности, покровной пластинки, присутствие вторичного придатка волосков и органическая связь между клетками при помощи анастомозов.

Waldeger на основании своих эмбриологических исследований приходит к заключению, что брюшная полость зародышевой жизни животного покрыта низким цилиндрическим эпителием, который скоро исчезает, а эндотелий выстилающий позднее всю брюшную полость образуется из подлежащей соединительной ткани. Правда Waldeger в своих последних работах изменил свой взгляд. Теперь он считает что разница между зародышевым эпителием и клеточным покровом, одевающим впоследствии брюшную полость заключается только в меньшем размере клеток.

Но до сих пор несмотря на происхождение брюшинного эндотелия (эпителия) из архибласта некоторые исследователи считают, что элементы эндотелия происходят из соединительной ткани клетки. По исследованию Колосова плевро-перитониальный эпителий и зародышевый эпителий имеют совершенно одинаковое строение.

Еще раньше было известно после работ Grunau, Schweigger-Seidel Dogiel, Klein, что у самок лягушек с наступлением половой зрелости брюшинный эндотелий (эпителий) покрывается волосками. По исследованию Колосова эти волоски существовали и раньше, но затем они увеличились вследствие раздражения от разростшегося яичника, который как известно у лягушек, тритона и аксолотлей занимает почти всю брюшную полость.

Переходя к вопросу о stomata и stigmata Колосов прежде всего останавливается на вопросе о существовании особого гипотетического жидкого или полужидкого цемента kittzubstanz он совершенно отвергает его существование по следующим соображениям. Присутствие черных линий между клетками при серебрении препаратов об'ясняется тем, что как было указано выше покровные пластинки эндотелиальных клеток не соединены друг с другом при помощи протоплазматических отростков, а только соприкасаются друг с другом. Между клетками следовательно находятся свободные про-

странства наполненные лимфой, содержащей альбумины, которые под влиянием серебра переходят на свету в черные альбуминаты.

Если препарат предварительно перед окраской не растягивать и как можно осторожнее с ним обращаться, то stomata и stigmata бывает крайне мало. Более постоянно они встречаются, но и то в небольшом числе в сухожильной части диафрагмы. Но чем больше растянуть препарат, тем больше появляется этих образований и тем значительнее их величина. Следовательно причину их образования нужно искать в устройстве связи между клетками брюшинного эндотелия (эпителия). При растяжении между протоплазматическими отростками могут появиться отверстия куда проникает лимфа и растворы серебра. В тех местах, где между собой соединяются несколько клеток, здесь тем легче нарушается связь между ними. Этим об'ясняется большая чистота появления stomata в углах, где несколько клеток соединяются между собой.

Колосов, чтобы доказать связь между лимфатическими сосудами и полостью брюшины посредством stomata, ин'ецировал в лимфатические сосуды берлинской лазурью, растворами асфальта в бензоле и другие растворы. При осторожной ин'екции он всегда получал закрытую сеть лимфатических сосудов и только при чрезмерном повышении давления происходили искусственные разрывы лимфатических сосудов и краска проявлялась на свободной поверхности серозных оболочек. Итак прямой связи между лимфатическими капиллярами и межклеточными пространствами плевро-перитониального эпителия по мнению Колосова не существует.

Но каким же образом об'яснить тогда безусловно установленный факт проникновения в лимфатические сосуды введенных в брюшную полость инородных нерастворимых порошков. Причина проходимости плевро-перитониального эндотелия (эпителия) для этих порошков при отсутствии преформированных отверстий зависит по Колосову от строения эпителия, от рода и способа обоюдной связи между его клеточными элементами, благодаря которой при некоторой степени растяжения подлежащей ткани очень легко могут образоваться stomata. Тем более, что введение инородных порошков не является безразличным для брюшины. По опытам Колосова после впрыскивания в полость брюшины туши или кармина растворенных в физиологическом растворе, клетки эндотелия через несколько часов не остаются нормальными. В них можно отметить легкие воспалительные изменения: протоплазма их сокращается, свободная поверхность клетки из плоской становится более или менее выпуклой. При этом сокращении клеток особенно богатых протоплазмой между ними легко могут образоваться отверстия. Поэтому при введении инородных порошков в полость плевры или брюшины на париэтальной плевре и брюшинной поверхности диафрагмы образуются отверстия, через которыя нерастворимые порошки проникают в лимфатические сосуды. Поэтому проникновение этих порошков в лимфатические сосуды не есть физиологическое, но скорее патологическое явление.

При введении в полость брюшины или плевры культур патогенных микробов, как показывают исследования Arnold'а и Колосова, с брюшинным эндотелием происходят следующие изменения. Если после введения в плевральную полость кролика культуры micrococcus progeus aureus или albus через 12—16—24 часа убить животное, то при микроскопическом исследовании плевральный эндотелий во многих местах представляется значительно измененным. Протоплазма клеток сокращается, клетки бывшие на свободной поверхности плоскими становятся выпуклыми и приобретают почти круглую форму, анастомозы между клетками вначале становятся особенно заметными, ширина межклеточных пространств увеличивается. При дальнейшем сокращении протоплазмы связь между клетками нарушается, впоследствии клетки могут отделиться и от подлежащих тканей. При этом процессе округления клеток раньше всего расширяется межклеточное пространство в углах,

где соединяются по нескольку клеток; в этих местах и образуются stomata и stigmata.

На брюшинной поверхности диафрагмы и на pleuraintercostalis где подлежащие ткани благодаря акту дыхания особенно подвергаются растяжению возможно по Колосову и постоянное присутствие отверстия между клеток.

По второму вопросу возбужденному Recklinghausen о путях всасывания из серозных полостей мы имеем много исследований. Первыми я изложу прекрасные работы Dubar и Remy Muscatello.

Dubar и Remy в своей работе, основанной на 93 опытах на кроликах изучали специально всасывание из брюшных полостей. Вначале ими было исследовано явление всасывания белковых растворов в брюшной полости. Методика их опытов заключалась в том, что они впрыскивали кролику через небольшой разрез в стенке брюшной полости куриный белок растворенный в воде. Через определенные промежутки времени у разных кроликов взятых для опыта брюшная полость вскрывалась и устанавливалось прежде всего какое количество жидкости всосалось, затем определялись те изменения которые произошли во внутренних органах брюшной полости, и наконец подробно исследовались лимфатические и кровеносные сосуды опытных животных на содержание в них ненормального количества белка. Авторы пользовались обыкновенно такой жидкостью куриного белка 60 гр. на 1000 и чтобы приблизить эту жидкость по своему составу к асцитической они прибавляли к ней 8 гр. NaCl и 2 гр. Na_2Co_3. Авторы установили, что как эти растворы так и растворы белка разведенные водой или концентрированные всасываются в брюшной полости. Если впрыснуть кролику 100 гр. раствора, в котором белок содержится 60 на 1000, то эта жидкость совершенно исчезает из брюшной полости между 15 и 24 часами. Это всасывание начинается в первые часы опыта. У кролика, которому было введено 100 гр. раствора содержащего 120 гр. белка на 1000, и убитого через 2 часа после начала опыта, в брюшной полости было найдено только 65 гр. жидкости, 35 гр. всосалось в течении 2 часов. Затем у кролика убитого через 5 минут после ин'екции раствора 60 на 1000 при обработке алкоголем лимфы в Ductus thoracicus можно было констатировать очень об'емистые хлопья белка.

При ин'екции очень концентрированных растворов белка (белок и вода в одинаковом количестве) всасывание происходит более медленно. Через 48 часов и даже через трое суток находят хлопья белого цвета на поверхности кишечных петель и между печенью и диафрагмой. По каким же путям происходят всасывания белковых растворов из брюшной полости?

Авторами прежде исследовались лимфатические пути. Опытному животному после смерти делалось с обеих сторон грудной клетки небольшое отверстие и в него наливалась кипящая вода, через 10—20 минут грудная полость вскрывалась и в лимфатических сосудах диафрагмы в Ductus thoracicus в синусах лимфатических желез определялись многочисленные свертки белка. Dubar и Remy пользовались и другим способом чтобы определить белок в лимфатических сосудах. Они вводили в полость плевры 90° алкоголь. В лимфатических сосудах плевры также отмечались свертки белка. Третьим средством определить белок в лимфатических сосудах им служило Cu_2So_4 которое давало осадки белка окрашенные в синий цвет. Контрольные опыты с животными которым в брюшную полость небыло ин'ецировано белка хотя и давали свертки в лимфатических сосудах, так как нормальная лимфа также содержит белок, но эти свертки были совсем незначительны и подвижны. Тогда как после ин'екции в брюшную полость белка свертки были очень обильные и компактные.

Для того чтобы определить не всасываются ли белковые растворы кровеносными сосудами Dubar и Remy поставили следующие опыты. У 3-х контрольных кроликов было взято по 50 к. крови для исследования. Трое других кролика получили в брюшную полость 100 гр. раствора белка 180 на 1000. Из трех кроликов у двух кровь была взята через два часа

после ин'екции, а у одного через три часа. Результаты исследования таковы. Сверток в сыворотке получался при помощи нагревания. Этот сверток профильтровывался, промывался горячей водою и высушивался при 90° до тех пор пока не переставал терять веса (до постоянного веса). У первых кроликов, которым в брюшную полость не был ин'ецирован белок 10 гр. сыворотки содержали 0,5785 или 5,785 гр. на 100 сухого остатка, у второго 5,375 на 100, у третьего 5,621 гр. на 100.

У кролика которому в брюшную полость был ин'ецирован белок сухого остатка содержалось в сыворотке взятой через два часа после ин'екции, 5,060 на 100, у второго 5,810 на 100, у третьего сыворотка, которого была взята через три часа после ин'екции, в ней содержалось сухого остатка 4,580 на 100.

Разбирая результаты своих опытов авторы думают, что эти анализы не доказывают, что белок не всасывается по кровеносным путям, но по их наблюдениям белок очень быстро выводится с мочей. Через час обыкновенно в моче, полученной из мочевого пузыря можно уже констатировать белок. Следовательно белок не задерживается в сыворотке крови, а быстро выводится почками.

Dubar и Remy для изучения путей всасывания из брюшной полости вводили в нее различные окрашенные растворы и взвеси нерастворимых порошков. Красящие растворы вводились вместе с водой, с белковыми растворами и с гноем полученным из плевры.

В этих опытах Dubar и Remy установили что порошки кармина bleu de Prusse очень быстро проникают в лимфатические сосуды сухожильной части диафрагмы в Ductus thoracicus и лимфатические железы грудной клетки, так например у одного кролика убитого через 7 минут после ин'екции мы констатировали зерна кармина в грудном протоке и лимфатических железах грудной полости. На нижней поверхности диафрагмы в сухожильной ее части всасывание более интенсивное. Лимфатические сосуды брыжейки также переполнены кармином и другими порошками.

Далее авторы исследуя кровеносные сосуды брыжейки и кровь воротной вены могли также установить проникновение этих порошков в просвет кровеносных сосудов. Они часто видели зернышки кармина и других порошков изолированными в крови вен; часто синия или красныя зернышки определялись среди скоплений белых шариков. Порошок ликоподия совершенно не всасывался ни кровеносными, ни лимфатическими сосудами. Он находился в брюшной полости на следующий день ввиде кучек; зерна ликоподия слишком об'емисты, чтобы они могли проникнуть внутрь лимфатических или кровеносных сосудов.

Dubar и Remy пользовались очень демонстративным способом, чтобы наблюдать движение лимфы в лимфатических сосудах Они из небольшого отверстия в брюшной стенке вытаскивали петлю тонкой кишки и укрепляли ее над отверстием пластинки и рассматривали под микроскопом. Они установили, что во первых лимфа в лимфатических сосудах брыжейки движется толчками, во вторых лимфатические сосуды имеют многочисленные клапаны с двумя продолговатыми заслонками, с каждым толчком лимфы эти две заслонки открываются, чтобы вновь закрыться, когда движение лимфы заканчивается. Это толчкообразное движение лимфы не зависит от пульсации артерий. В третьих лимфатические сосуды содержат многочисленных лейкоцитов. В четвертых, если опытное животное находится в стадии пищеварения, то можно наблюдать под микроскопом внутри вен нормальное количество жира.

Растворимые красящие растворы methylviolett крахмал окрашенный Jra jodi всасываются как через лимфатические сосуды диафрагмы, брыжейки и Ductus thoracicus, но также и по кровеносным сосудам, так как в крови взятой из vena porta и в венах сальника и брыжейки можно наблюдать свертки бледно окрашенные в тот цвет какого был раствор.

Dubar и Remy окончательно убедились, что всасывание происходит также и венами, только после следующих опытов. У кролика из брюшной полости извлекалась петля тонкой кишки, в стенке кишки производилось отверстие, в которое вводился железисто-синеродистый калий 0,75 гр. растворенных в 30 гр. воды. В брюшную полость одновременно вводилось полуторахлористое или сернокислое железо, кролик умерщвлялся через три четверти часа. На вскрытии было установлено, что полуторохлористое железо изменяется при введении в брюшную полость и перестает давать ясную реакцию. Сернистое железо не изменяется в брюшной полости. Результаты этих опытов были таковы: лимфатические сосуды диафрагмы и Ductus thoracicus растянуты и наполнены желтоватой жидкостью, под микроскопом в лимфе удается установить синие зернышки, в кровеносных сосудах можно ясно видеть такие же синие крупинки. Особенно в крови воротной вены многочисленные синие ѣвертки. Одинаковые результаты получили Дюбарр и Рэми, когда они вводили железисто-синеродистый калий через пищевод в желудок, а в брюшную полость как и в предыдущем опыте сернокислое железо.

Выводы, к которым пришли Дюбарр и Рэми таковы: существуют два главных пути всасывания в брюшной полости во первых лимфатические сосуды брыжейки, сальника и діафрагмы (Лимфатические сосуды диафрагмы представляют исключительное место, через которое только и проникают нерастворимые порошки); во вторых кровеносные пути представляемые ветвями vena porta; через них происходит очень активное всасывание жидкости, но также могут проникать и порошки. Авторы заметили, что если перевязать большую вену у корня брыжейки тотчас, где впадает селезеночная вена, то это не оказывает никакого влияния на всасывание: синька одинаково обнаруживается как в кровеносных, так и в лимфатических сосудах.

Кровеносные сосуды наравне с лимфатическими принимают участие в явлении всасывания из кишек жира, что еще доказал Klodt Bernard, который определил, что если собак кормить жиром, то эмульгированный жир определяется почти в равном количестве как в Ductus thoracicus так и в венах собираемых vena porta. (Cl. Bernard. Lesons de physiologie experimentale t. II 1856 г.)

В связи с иньекцией нерастворимх порошков Dubar и Remy изучали изменения в различных внутренних органах. Прежде всего они исследовали диафрагму, которая представляет главное место для всасывания в брюшной полости. Діафрагма кролика состоит во первых из периферической мускульной части и сухожильного центра в форме сердца или подковы лошади. Волокна сухожильной части состоят во первых из волокон идущих в радиальном направлении и во вторых из волокон располагающихся в направлении перпендикулярном первым. Радиальные волокна более толсты и более обемисты на перитониальной поверхности брюшины. Циркулярные волокна более обильны на плевральной поверхности, брюшина покрывает все извилины на брюшинной поверхности, а плевра на плевральной. Радиальное расположение мускульных волокон и перекрещивание под прямым углом с сухожильными волокнами в центре диафрагмы играет большую роль в расположении как кровеносных, так и лимфатических сосудах.

Артерии диафрагмы образуются из аорты и состоят из двух ветвей, вены располагаются рядом с артериями и впадают в vena cavamtenor. Лимфатические сосуды диафрагмы по Dubar и Remy, расположенных в три ряда: поверхностная, подбрюшинная сеть лимфатических сосудов менее богатая образует неправильные петли, которые часто перекрещиваются с сухожильными волокнами. Сеть лимфатических сосудов средняя более глубокая образуется наоборот из правильных петлей, которые перекрещиваются под прямым углом. Эта сеть есть именно та, в стенке которой образуются лимфатические колодцы (le puits lymphatiques) Ранвье. Сеть лимфатических со-

судов подплевральная широко соединяется с предшествующей, петли этой сети сосудов неправильны и хорошо отличается от средней сети.

Петли лимфатических сосудов суживаются по направлению к сухожильному центру диафрагмы и расширяются по мере того как они приближаются к мускульной ее части. Все ветви лимфатических сосудов собираются в несколько стволов, которые идут от диафрагмы в двух направлениях: во первых к переди по боковым сторонам грудины и во вторых назад к позвоночному столбу. Первые идут вверх и впадают в одну или две железы по соседству с подключичной веной, вторые впадают в Ductus thoracicus у ножки диафрагмы. Эти сосуды не проходят через лимфатические железы, а прямо попадают в грудной проток и в этом отношении являются может быть единственным исключением среди других лимфатических сосудов.

Что касается вопроса о том, существует ли открытое соединение лимфатических сосудов диафрагмы с брюшной полостью т. е. описанные Реклингаузеном stomata и Arnord-ом stigmata и так называемые les puits lymphatiques.

Ranvier то Dubar и Remy высказываются против их существования. По их мнению нигде не существует открытых отверстий между сосудами диафрагмы и брюшной полостью, но они указывают на то, что поверхностная сеть лимфатических сосудов в некоторых местах диафрагмы лежит непосредственно на брюшине и что между просветом лимфатического сосуда и полостью брюшины находятся только два слоя эндотелиальных клеток. Авторы вполне согласны с Ludvig ом, что на всасывание имеет громадное значение движение диафрагмы, лимфатические сосуды которой расположенные между ее сухожильными волокнами то расширяются, то с‘уживаются; проникновение нерастворимых порошков в просвет лимфатических сосудов происходит не через проникновение их в stomata а при помощи проламывания себе хода между клетками. Dubar и Remy на своих препаратах никогда не могли констатировать присутствия stomata.

Способ введения красящих порошков в брюшную полость позволяет хорошо изучить структуру не только лимфатических сосудов но и лимфатических желез. Эти железы по Dubar и Remy имеют то овальную то почковидную форму. У так называемого hylus‘a в железу впадают артерии и выходят вены и отходящие лимфатические сосуды, приводящие лимфатические сосуды впадают в железу на выпуклой ее стороне. Соединительно-тканная капсула дает отростки внутрь железы. Если разрезать лимфатическую железу, то можно простым глазом видеть, что она разделяется на две части: часть периферическую, называемую фолликулярною и часть центральную губчатою.

Ductus thoracicus, если его исследовать немного спустя после ин‘екции, всегда бывает переполнен красящими порошками и бывает хорошо виден даже простым глазом, но если пройдет много часов например 18 или 24, то грудной проток бывает свободен от присутствия красящих порошков и в нем только с трудом удается отыскать несколько зернышек краски. Более мелкие лимфатические сосуды очень долгое время бывают переполнены красящими порошками.

При микроскопическом исследовании печени Dubar и Remy всегда находили в ней многочисленные эмболы из тех порошков, которые были введены в брюшную полость. По каким путем могли проникнуть эти порошки в печень. Возможно предположить что порошки проникают исключительно по лимфатическим сосудам в Ductus thoracicus а через него поступают в общий ток крови и могут быть занесены в печень. Но авторы отвергают это предположение, так как эмболы в легких по их исследованию очень малочисленны, что также можно сказать и про эмболы селезенки и почки, тогда как в печени маленьких эмболов очень много.

Почки принимают участие в выведении красящих порошков. Эти порошки можно констатировать в моче. Синька выводится очень маленькими кусочками, кармин уже через 4—5 часов после ин‘екции окрашивает мочу

кролика в розовый цвет. В моче только очень редко содержатся отдельные крупинки кармина, кармин в моче растворен. Этому растворению способствуют по Dubar и Remy щелочность мочи кролика. По мнению авторов клубочки почки не участвуют в выведении порошков. Фильтрация розовой мочи происходит в tubuli recti нисходящей части петель Henle и tubuli contorti Жир будучи введенным в полость брюшины также выводится почками и может быть открытым в моче ввиде мелких капель окрашиваемых осмиевой кислотой.

Кожа также выделяет известное количество кармина, на срезах видно что кожа слегка окрашена в розовый цвет, особенно эта окраска заметна в сальных железах, выводные протоки которых бывают зачастую окрашены в красный цвет.

Выводы Dubar и Remy из своих исследований таковы.

Во 1) белок в растворе всасывается в брюшной полости. Это всасывание может быть доказано. а) введенная жидкость совершенно исчезает из брюшной полосы к концу 24—36 часов, в) введенный белок можно определить в лимфатических сосудах диафрагмы в Ductus thoracicus, действуя на эти сосуды кипящей водой, алкоголем и серноӵислой медью в концентрированном растворе

Во 2) всосавшийся белок не может быть открытым в сыворотке крови

3) Растворы белка, если они свежи, хорошо переносятся и безвредны.

4) Ин'екция белка не вызывает никаких изменений со стороны брюшины. Эпителий брюшины, лимфатических и кровеносных сосудов не повреждается и легко импрегнируется argentum nitricum.

5) Существует два пути всасывания: Во первых путь лимфатических сосудов, брыжейки, сальника и лимфатических сосудов диафрагмы особенно расположенных в сухожильной части ея. В этом месте всасывание бывает особенно быстрым и сухожильная часть диафрагмы является исключительным местом для проникновения нерастворимых порошков в лимфатические пути. Во вторых кровеносные сосуды представляемые ветвями воротной вены. Этим путем очень быстро всасываются жидкости, но также проникают и нерастворимые порошки.

В 6) в сухожильной части диафрагмы находится три слоя лимфатических сосудов. Два из них поверхностные образуются со стороны плевральной и брюшной неправильных петель лимфатических сосудов, третий глубокий между двумя поверхностными состоит из сосудов расположенных правильными петлями. Внутренний просвет поверхностных сосудов в некоторых местах отделяется от брюшной полости только двумя эпителиальными клетками. Несмотря на тщательное исследование нам не удалось найти stomata, зернышки нерастворимых порошков проникают в лимфатические сосуды через перфорацию их стенки. Лимфатические сосуды так же как и вены имеют многочисленные клапаны.

Muscatello в своих опытах поставленных частью на собаках частью на кроликах исследовал строение и всасывающую способность брюшины. Уже при первых своих опытах он пришел к заключению, что введенные в брюшную полость инородные нерастворимые порошки проникают через диафрагму с очень большой скоростью: через 5—7 минут после ин'екции их можно обнаружить в медиастинальных лимфатических железах расположенных позади грудины.

Далее Muscatello доказывает, что единственным местом всасывания инородных порошков являются лимфатические сосуды диафрагмы. Полемизируя с Mafucci, который старается доказать, что существуют другие места для всасывания из брюшной полости, Muskatello указывает, что Mafucci исследовал органы у своих экспериментальных животных через 6 часов после ин'екции; срок слишком большой. В этот промежуток ввемени инородные порошки могли проникнуть по лимфатическим сосудам в общий ток крови и таким образом попасть в другие органы брюшной полости. Чтобы доказать это положение Muscatello поставил ряд таких опытов. Собаке в брюшную

полость впрыскивался кармин и опытное животное убивалось через 20,-30, 40 минут 1,$1^1/_2$, 2 и 4 часа. Результаты полученные Muscatello были следующие. У тех животных, у которых опыт продолжался от 20 мин. до часу инородные порошки можно было обнаружить только в грудных лимфатических железах, тогда как в лимфатических железах брюшной полости, печени и селезенки их обнаружить не удается. Через $1^1/_2$ часа зернышки кармина появляются в печени, через 2 часа также и в селезенке. Только по прошествии 2 часов зернышки кармина появляются в лимфатических железах, лежащих у hylus печени и селезенки, в то время как остальные лимфатические железы брюшной полости еще совершенно свободны от следов кармина.

Muscatello подметил, что первоначально зерна кармина появляются в печени и селезенке, а затем уже в лимфатических железах, лежащих у их hylus'а, хотя Mafucci и считает, что через эти лимфатические железы направляется ток лимфы из брюшной полости в печень и селезенку. Muscatello считает наоборот, что через эти железы течет лимфа, которая образуется в печени. Доказывает это Muscatello таким образом: в лимфатический сосуд, впадающий в одну из этих желез ввязывается стекляная трубочка и тогда наглядно удается установить ток лимфы от печени к лимфатической железе. Muscatello таким образом видоизменил постановку своих опытов. Он наравне со старыми авторами например Recklinghausen и др. подметил, что при опущенной диафрагме и поднятой нижней половине тела, всасывание из брюшной полости значительно ускоряется. Если теперь обратно у опытного животного опустить нижнюю половину тела, и таким образом поднять диафрагму, то всасывание, как показывают опыты, замедляется. При опытах с этим замедленным всасыванием еще лучше удается установить, что исключительным местом всасывания инородных порошков из брюшной полости является диафрагма. Лимфатические железы mediastinum являются тем местом, через которое протекает лимфа, образующаяся в брюшной полости.

Далее Muscatello исследовал строение брюшины. В работах Bizzozero и Salvioli установлено, что брюшина покрывающая диафрагму состоит из эндотелия, который лежит на очень тонкой membrana limitans срощенной с волокнами поддерживающей ткани Stutzgewebsschicht, которая в свою очередь состоит из волокон соединительной ткани между которой лежат лимфатические щели. По мнению этих исследователей membrana limitans имеет широкие отверстия, эти отверстия находятся, главным образом в сухожильной части диафрагмы.

Muscatello исследовал все составные части брюшины, исследуемая брюшина бралась у собаки, кролика, морской свинки, мыши, взрослого человека и новорожденного. Препараты уплотнялись, главным образом в Мюллеровской жидкости, окрашивались кислым фуксином, эозином, пикрокармином и также импрегнировались солями серебра. Как было уже описано другими авторами Колосов, Ranvier, Bizzozero, Muscatello описывает, что эндотелиальные клетки образуют поверхностный, крайне тонкий гомогенный слой lamella superficialis и более толстый слой, который образуется протоплазмой и ядром. Протоплазма эндотелиальной клетки имеет слегка зернистый вид, в особенности в окружности ядер, ядра клетки овального вида внутри ядер можно найти один, или два ядерных тельца. Lamella superficialis, представляет маленький слой протоплазмы, на свободной поверхности которой имеются многочисленные крайне тонкие ворсинки. Относительно присутствия stomata или stigmata между эндотелиальными клетками Muscatello, основываясь на своих препаратах отрицает их существование. По его мнению в нормальном состоянии этих отверстий в брюшине не существует, но он ясно наблюдал, что лейкоциты могут проходить между эндотелиальными клетками диафрагмальной брюшины. Лейкоциты которых удается видеть между клетками эндотелия имеют то круглую, то грушевидную форму.

Muscatello исследовал membrana limitans взятую из различных мест брюшину, из слоя покрывающую диафрагму Ligamentum latum кишки, желу-

док, печень, селезенку, матку и переднюю брюшную стенку. Изолирование этой оболочки производится по способу описанному Bizzozero. Сначала большой кусок серозной оболочки в течении двух дней содержится в Мюллеровской жидкости, затем от 12—24 часов в смеси из равных об'емов алкоголя и воды, после этого слой эндотелия отделяется тонкой кисточкой или сильной струей воды. С другой стороны membrana limitans отделяется от подлежащеѣ ткани с помощью пинцета. Эта мембрана крайне тонка, местами гомогенна, но в некоторых местах имеет фибрилярное строение, особенно заметное у печени, селезенки и матки. Никаких отверстий в membrana limitaus вопреки мнению Bizzozero и Salwioli, Muscatello установить не мог. На поверхности ее Мускателло описывает крайне нежные валики ограничивающие небольшие углубления по своей полигональной форме соответствующей эндотелиальным клеткам.

Muscatello затем приводит такой аргумент в пользу отрицания отверстий в брюшине. Еще Bescha подметил и впоследствии подтвердил Ranwier, что если в толщу брыжейки ввести тонкую стеклянную трубочку и через нее вдувать воздух, то образуется воздушный пузырь, который отслоит поверхностный тонкий слой от более глубокого слоя содержащего сосуды и нервы. Muscatello перепробовал, таким образом, различные места брюшины, повсюду воздушный пузырь подолгу держался. Следовательно отверстий свободно-открывающихся в брюшную полость не существует.

Muscatello таким образом об'ясняет механизм всасывания. Инородные порошки введенные в брюшную полость очень быстро проникают в лимфатические сосуды mediastinum, при этом зернышки порошков находятся, как внутри лейкоцитов, так и совершенно свободными. По Recklinghauzen переход этих порошков через диафрагму об'ясняется присутствием в ней stomata. Musscatello отрицает эти отверстия.

Для того, чтобы об'яснить механизм всасывания Muscatello допускает аналогию с кровеносными капилярами через стенку, которых между эндотелиальными клетками при известных условиях происходит переход, как красных, так и белых кровяных шариков. Между тем никаких отверстий в стенке этих сосудов обнаружить не удается. Таким же образом, может происходить и переход порошков через эндотелиальный покров брюшины. Часть этих порошков проходят будучи захвачены лейкоцитами, другая же часть проходит вместе с лейкоцитами в свободном состоянии не будучи захвачены блуждающими клетками. Происходит это потому, что благодаря току лейкоцитов между эндотелиальными клетками образуются отверстия, которые долго не закрываются. В эти отверстия и могут проникать порошки. Если ввести в брюшную полость зерна большой величины например пшеничную муку, то зерна муки, также проникают в лимфатические железы mediastinum. Несмотря на свою большую величину они всегда бывают захвачены лейкоцитами, которые в количестве 3, 4 и более окружают большие зерна. Исследуя брюшину, покрывающую диафрагму можно установить между эндотелиальными клетками многочисленные, круглые или овальные отверстия, в этих отверстиях видны нагруженные зернышками лейкоциты, а также и свободные крупинки.

Многочисленные лейкоциты, которые так быстро появляются в брюшной полости при введении в нее инородных порошков происходят частью из кровеносных сосудов, частью из многочисленных лимфатических фолликулов большого сальника.

В конце своей работы Muscatello приходит к следующим заключениям.

1) Диафрагма является единственным местом, где происходит всасывание порошков. Это всасывание происходит крайне быстро.

2) В брюшной полости по направлению диафрагмы существует ток жидкости. Через лимфатические железы mediastinum протекает вся лимфа образующаяся в брюшной полости.

3) Эндотелиальные клетки серозной оболочки нигде не образуют ника-

ких отверстий stomata или stigmata есть случайные образования. Между эндотелиальными клетками можно обнаружить лейкоцитов.

4) Membrana limitans, также не содержит никаких отверстий. На ее поверхности находятся небольшие углубления, ограниченные валиками по своей форме соответствующей эндотелиальным клеткам.

5) Мелкие порошки проходят через диафрагму в большей своей части в свободном состоянии и только небольшая часть их бывает захвачена лейкоцитами. Более крупные порошки в большинстве случаев проходят через диафрагму будучи захваченными лейкоцитами и только небольшая их часть в свободном состоянии.

6) Грудной проток, когда он растянут белковыми растворами, имеет почти такой же об'ем, как аорта, которая его сопровождает.

7) В печени находятся многочисленные эмболы. В этих эмболах можно отыскать многочисленных окрашенных лейкоцитов. Мозг, легкое, и селезенка также содержат окрашенные эмболы.

8) Почка фильтрует жир и кармин; фильтрация происходит в области пирамид и петель Генле.

9) Сальные железы кожи выделяют кармин.

10) Лейкоциты играют важную роль в транспорте нерастворимых порошков. Лейкоциты принимают участие в образовании эмболов.

В работе Орлова вышедшей из лаборатории Heidenhain'а особенно подчеркивается активная роль брюшинного эндотелия при всасывании из брюшной полости. Эта работа является продолжением той цепи доказательств в защиту секреторной теории лимфообразования изложенной нами во второй главе.

Методика Орлова для изучения всасывания из брюшной полости одинакова с методикой Heidenhain'а для исследования всасывания из тонких кишек. Heidenhain пришел к выводам, что во 1) в тонкой кишке собаки всасывается концентрированная выпариванием сыворотка собаки, т. е. вещество имеющее более высокое эндосмотическое напряжение чем кровь. Во 2) из 1—1½ проц. раствора поваренной соли всасывается как соль так и вода, хотя эндосмотическое напряжение этих растворов выше чем крови. В 3) из 0,3 до 0,5 растворов NaCl всасывается не только вода, но также и соль, хотя эндосмотическое напряжение крови выше чем этой жидкости. При всасывании из полости кишек кишечный эпителий играет активную роль.

Свои опыты Орлов ставил таким образом. В брюшную полость опытного животного вводились различные растворы NaCl. Через определенные промежутки времени брюшная полость вскрывалась, вся оставшаяся в ней жидкость собиралась и исследовалась. В некоторых опытах из 17 в 3 предварительно в Ductus thoracicus вставлялась канюля для определения тех изменений, какие происходят в лимфе.

Орлов поставил 7 опытов для изучения вопроса о всасывании в брюшной полости сыворотки крови того же вида животного: в 6 опытах сыворотка крови которая вводилась в брюшную полость не подвергалась сгущению, в одном опыте сыворотка предварительно сгущалась над серной кислотой. Сыворотка крови взятой от другой собаки хорошо всасывается в брюшной полости опытной собаки. При хлороформенном наркозе всасывание происходит медленнее чем без наркоза. Сыворотка концентрированная не всасывается, но к ней прибавляется трансудат выступивший из кровеносных сосудов.

Если предположить что всасывание в брюшной полости происходит по законам диффузии, то первый факт не об'ясним с точки зрения законов диффузии. Так как сыворотка крови и сыворотка введенная в брюшную полость имеет одинаковое эндосмотическое напряжение. Второй факт невсасывания из брюшной полости сгущенной сыворотки не противоречит законам диффузии. Количество лимфы из Ductus thoracicus не увеличивается во все время опыта со всасыванием из брюшной полости не сгущенной сыворотки.

Несколько особняком стоит опыт с ин'екцией в брюшную полость сыворотки концентрированной над серной кислотой. В трансудате—который прибавился к невсосавшейся сыворотке содержатся как органические субстанции, так и соли.

Опыты со всасыванием из брюшной полости растворов NaCl дали следующие результаты. Хлористый натр содержится в крови в 0,7—0,75 растворе. С точки зрения диффузионного учения из 0,8—1 раствора NaCl должен диффундировать кровь. При введении в брюшную полость раствора 0,5—0,6 NaCl должен увеличиваться в перитониальной жидкости. Вообще содержание NaIl в крови и перитониальной жидкости должно уравняться. Из опытов Орлова видно, что растворы от одного—0,3 NaCl всасываются из брюшной полости при этом в растворах 1—0,4 всасывается и вода и соль, в растворах же 0,3 всасывается только вода, соль напротив поступает в брюшную полость из кровеносных капилляров. Хлороформирование не влияет на всасывание. С уменьшением концентрации растворов, количество всосавшейся воды увеличивается, а количество всосавшихся солей уменьшается.

Концентрация NaCl введенного в растворах в брюшную полость стремится выравняться с концентрацией NaCl в крови, так 1 проц. раствор поваренной соли введенной в брюшную полость через три часа становится 0,74 проц.

Соль переходит из крови только в 0,3 проц. раствора, тогда как по законам диффузии она должна переходить и в растворы 0,4—0,7, чего на самом деле не наблюдается.

Наблюдения над всасыванием в брюшной полости растворов поваренной соли при концентрации выше чем 1 проц. дали следующие результаты.

По законам диффузии при введении этих растворов должен наблюдаться во 1) вследствие более высокого эндосмотического напряжения этих растворов по сравнению с кровью переход воды из крови, во 2) парциальное напряжение NaCl в растворе выше, чем в крови, следовательно поваренная соль исчезнет из раствора тем быстрее, чем выше концентрация. Из поставленных опытов видно, что с увеличением в растворе процентного содержания NaCl количество всосавшейся воды уменьшается и затем появляется трансудат жидкости из кровеносных капилляров. Количество всосавшихся солей увеличивается, содержание NaCl в плазме крови опытного животного увеличивается. Все вышеописанные наблюдения согласны с законами диффузии.

Далее О р л о в рассуждает таким образом, если ввести концентрированный раствор поваренной соли в кровь опытного животного, а слабый раствор в брюшную полость, то ввиду увеличения эндосмотического напряжения кровяной плазмы должен наблюдаться с одной стороны быстрый переход соли в брюшную полость, а с другой стороны исчезновение воды из брюшной полости. Орловым было поставлено два таких опыта в кровь собаке был ин'ецирован 15 проц. раствор поваренной соли из расчета 0,42 гр. на кило веса, в брюшную полость влито 210 гр. 0,3 проц. NaCl. В Ductus thoracicus введена канюля. После введения в кровь поваренной соли замечается ускорение тока лимфы, через несколько часов в полости живота найдено 100 к. с. жидкости с 1,37 содержанием HaCl.

Исследование кровяной сыворотки и лимфы до впрыскивания в кровь NaCl.

	Кровяная сыворотка	лимфа
Твердого остатка	7,258 проц.	4,682
Органических субстанций	6,380	3,856
С о л е й	0,878	0,826
Поваренной соли	0,72	0,7

Исследование кровяной сыворотки лимфы и перитонеальной жидкости. После впрыскивания в кровь и брюшную полость растворов NaCl.

	Кровяная сывор.	лимфа	перитон. жидкость
Твердый остаток	5,770	3,406	2,246
Органич. субст.	4,232	2,078	0,862
Солей	1,538	1,328	1,384
Поварен. соли	1,26	1,20	1,31

Второй опыт был поставлен также как и вышеприведенные, с той только разницей что в кровь введено 100,0 к. с. 10 проц раствора NaCl. При этом на кило веса собаки пришлось 1 гр. поваренной соли, также отмечалось ускорение тока лимфы.

Исследование кровяной сыворотки и лимфы до впрыскивания в кровь HaCl

	Кровяная сыворотка	лимфа
Твердого остатка	8,16	4,046
Органических субст.	7,262	3,220
Солей	0,898	0,826
Поваренной соли	0,72	0,72

Исследование кровяной сыворотки и лимфы и перитонеальной жидкости после впрыскивания раствора HaCl в кровь и брюшную полость.

	Кровян. сывор.	лимфа	перитон. жидк.
Твердого остатка	7,300	3,320	1,914
Органич. субст.	6,230	2,322	0,908
Неорганич. субст.	1,070	0,998	1,006
Поварен. соли	0,82	0,85	0,88

Резюмируя эти два опыта можно сказать что у опытного животного наблюдается быстрое всасывание жидкости из брюшной полости и переход солей из кровеносных капилляров в брюшную полость.

Из этих опытов вопреки мнению Орлова и Heidenhain'а которые считают что лимфатические сосуды не играют никакой роли при всасывании жидкости из брюшной полости можно сделать заключение, что лимфатические сосуды принимают участие при всасывании. Если сравнить количество поваренной соли в лимфе до впрыскивания NaCl в кровь, то в первом опыте 0,7 а во втором 0,72 тогда как после впрыскивания 1,2 в первом и 0,85 во втором, можно предположить, что увеличившаяся концентрация NaCl в лимфе Ductus thoracicus зависит от всасывания поваренной соли по лимфатическим сосудам. Поваренная соль диффундировала как можно предположить из кровеносных капилляров в брюшную полость. Но сделать каких нибудь выводов из опытов Орлова над всасыванием поваренной соли мы не можем, так как из 17 опытов только в 3 в грудной проток вставлялась канюля. Из этих трех опытов два вышеприведенных говорят не в пользу высказанного в такой категорической форме заключения Орлова Heidenhain о значении лимфатических сосудов при всасывании.

Действует ли Fluornatrium на всасывание из брюшной полости? Опыты Орлова дали неопределенные результаты.

Правда клетки брюшинного эндотелия играют активную роль при всасывании жидкости. Орлов сравнивает всасывание из полости брюшины со

всасыванием из тонких кишек и находит, что наблюдаемое явление здесь и там в общем одинаково. Но физиологическая Tuebkräft кишек больше чем брюшины ибо в кишках всасывается концентрированная кровяная сыворотка, в полости брюшины она не всасывается. Затем при введении в полость тонких кишек раствора 0,3 поваренной соли, всасывается как соль так и вода, из полости же брюшины всасывается только вода, количество же соли увеличивается, так как она диффундирует из кровеносных капилляров.

Работа Орлова вызвала полемику между Heidenhain, Hamburger с одной стороны и Cohnstein с другой. Cohnstein считает доказательства приводимые Орловым в защиту всасывания жидкостей по кровеносным сосудам, недостаточными. Он вполне согласен с Орловым, что всасывание гипо и гипертонических растворов происходит по кровеносным капилярам, но по его исследованиям изотонические растворы и кровяная сыворотка всасываются по лимфатическим сосудам.

В пользу этого мнения им приводятся такие доказательства проверенные экспериментально. Cohnstein считает изотоническим с кровяной сывороткой у собаки 0,6 раствор поваренной соли.

Во 1) если бы всасывание изотонических растворов происходило бы по кровеносным капиллярам, то можно было бы установить увеличение разведения крови чего на самом деле нет.

Во 2) если бы всасывание этих растворов происходило по кровеносным капиллярам, то увеличивалось бы отделение мочи, чего нет.

В 3) количество лимфы изливающейся из Ductus thoracicus нужно наблюдать долгое время для изучения всасывания из брюшной полости. У привязанной собаки количество лимфы из грудного протока постепенно убывает, следовательно если количество лимфы не убавляется или даже немного увеличивается то это нужно рассматривать как увеличение количества лимфы в зависимости от всасывания. У Орлова время наблюдения за лимфой изливающейся из Ductus thoracicus было недостаточно.

В 4) Cohnstein мог установить, что при введении кармина в брюшную полость его сначала находили только в лимфе в то время как в моче и крови краска не могла быть еще обнаружена. Cohnstein также как и Muscatello подметил, что при массаже живота или при возвышенном положении нижних конечностей жидкость введенная в брюшную полость приливает к диафрагме и всасывание увеличивается.

В 5) после впрыскивания в брюшную полость изотонического раствора концентрация лимфы уменьшается.

Heidenhain и Hamburger в двух статьях появившихся одновременно приводят совершенно одинаковые возражения против Cohnstein'а.

Прежде всего они возражали, что употребляемый Cohnstein 0,6% раствор NaCl не есть изотонический, но гипотонический для кровяной сыворотки собаки. Так как эндосмотическое напряжение растворов зависит от парциального напряжения всех отдельных составных частей. Cohnstein смешивает парциальное напряжение одной составной части раствора NaCl с общим напряжением. У собаки изотоническим для крови будет раствор NaCl близкий к однопроцентному раствору.

Первое доказательство Cohnstein. Если бы всасывание введенной жидкости происходило через посредство кровеносных путей, то констатировалось бы постоянное разведение крови, чего на самом деле нет.

Так как Cohnstein вводил не изотонический 1, а гипотонический 0,6% раствор NaCl то этот раствор как он сам признает мог всосаться через капилляры. Разведение крови, безусловно, происходит, что можно констатировать если исследовать на сухой остаток не всю кровь, а только сыворотку. Heidenhain поставил несколько поверочных опытов и установил незначительное уменьшение сухого остатка в сыворотке. Затем Heidenhain вводил одинаковое количество поваренной соли непосредственно в кровь и нашел, как

и в предыдущем случае, что седержание твердого остатка в сыворотке совершенно одинаково изменяегся.

Второе доказательство Cohnstein. При резорбции кровеносными сосудами должна увеличится секреция мочи чего нет. Heidenhain и Hamburger считают, что если медленно вводить в кровь изотонические растворы NaCl как происходит при всасывании из брюшной полости, то не наблюдается увеличение секреции мочи.

Третье доказательство Cohnstein. Резорбция облегчается при массаже живота и возвышенном положении нижней конечности. Heidenhain считает эти явления правильными, но они не могут служить доказательством в пользу всасывания по лимфатическим путям.

Четвертое доказательство Cohnstein'а, что Орлов наблюдал недостаточно долгое время лимфу выделяющуюся из Ductus thoracicus у привязанной собаки, по мнению Cohustein'а количество лимфы из грудного протока постепенно уменьшается. Heidenhain не согласен с этим утверждением Cohnsteina.

Heidenhain задает вопрос. Если всасывание происходит по лимфатическим путям, то интересно сравнить отношение между количеством изливвшейся лимфы и количеством всосавшейся в брюшной полости жидкости. У Cohnsteina нет подобных опытов. Heidenhain поставил три таких опыта. В первом опыте в брюшной полости всосалось 55 к. с. изотонического раствора, в это же время в лимфу вылилось 30, 75 к. с. Второй опыт. В брюшной полости всосалось 104 к. с. лимфы выделилось 31 к. с. Третий опыт. Всосалось 80 к. с. в лимфу выделилось 42 к. с. Если предположение Cohnsteina правильно, что жидкость всасывается по лимфатическим путям, то в вышеприведенных опытах громадное количество жидкости должно остаться в сети лимфатических сосудов между диафрагмой и впадением Ductus thoracicus но Heidenhain не наблюдал никаких следов отека.

Пятое доказательство Cohnstein концентрация лимфы уменьшается после введения в брюшную полость изотонического раствора. Cohnstein нашел незначительное изменение твердых составных частей на 0,3% Heidenhain постановил такой опыт, если собаке влить в вену изотонический раствор NaCl то в лимфе наблюдается такое же разведение как и при вливании такого же количества этого раствора в брюшную полость. У собаки в 10 кило веса введено в вену 100 к. с. 1% раствора NaCl. Сухой остаток лимфы уменьшился с 6,18 на 5,68 следовательно на 0,5 даже больше чем в опыте Cohnsteina.

Резюме Heidenhaina таково. На основании его собственных опытов и Орлова главными путями всасывания из брюшной полосы являются кровеносные сосуды. Но он не отрицает возможность, что и по лимфатическим путям могут взасываться незначительныя количества жидкости.

Starling и Tubby поставили 12 опытов на собаках. В 9 случаях производилась ин'екция испытуемых жидкостей в плевральную полость а в трех случаях в полость брюшины. Постановка опытов была такова. В Ductus thoracicus вводилась канюля, в мочеточник или пузырь вставлялся катетр, в брюшную или плевральную полость ин'ецировалось определенное количество раствора NaCl окрашенного индиго-кармина или Metylenblau. Через 5—10 минут начинает появляться сначала моча окрашенная в синий или зеленый цвет. В промежуток времени от 10 мин. до 4 часов появляется легкое окрашивание изливающейся из грудного протока лимфы. Количество лимфы увеличивается не постоянно. Время которое проходит до появления окрашенной мочи или лимфы зависит от скорости всасывания употребляемой жидкости. Сначала появляется окрашенная моча, что авторами рассматривается как доказательство, что всасывание происходит только по кровеносным путям. Затем уже появляется слабо окрашенная лимфа вследствие перехода красящих веществ из кровеносных сосудов в лимфу. Исследуя жидкость оставшуюся в брюшной полости в ней можно найти белок, присутствие которого служит

авторам доказательством, что вместе с всасыванием происходит переход белка в брюшную полость из кровеносных сосудов.

Авторы не наблюдали увеличение количества введенной в брюшную полость жидкости после лимфагога Heidenhain'a (растворов пептона, фибриногена и декокта из улиток).

При введении в брюшную полость гипотонических растворов наблюдается увеличение количества жидкости ввиду трансудата из кровеносных сосудов, что может быть об'яснено на основании законов диффузии. Но кроме осмотического выравнивания происходит и активная секреция, в которой играет роль клетки брюшинного эндотелия. Это доказывается Starling и Tubby таким образом. При ин'екции в плевральную полость дефибринированной крови можно заметить незначительное увеличение количества введенной жидкости и заметное убавление процентного содержания твердых составных частей. Изотонические растворы также всасываются из брюшной и плевральной полостей. Это всасывание, как думает Стерлинг, происходит прежде всего по лимфатическим путям.

В другой работе Leathes и Starling об'ясняют всасывание растворов поваренной соли тем, что капиллярная стенка почти непроходима для белков крови и легко проходима для солей. Парциальное осмотическое давление белка внутри кровеносных сосудов может совершенно уравняться только тогда, когда вся жидкость, лишенная белка проникнет внутрь кровеносных сосудов. Всасывание кровяной сыворотки в брюшной полости, по мнению Starling'a, не может быть об'яснено законами диффузии. Кровяная сыворотка вероятнее всего всасывается по лимфатическим сосудам.

Adler и Meltzer в своих опытах пытались доказать значение лимфатических сосудов при всасывании из брюшной полости. Орлов, Heidenhain Starling и Tubby, Hamburger производили свои опыты со всасыванием, вводя в брюшную полость большие количества жидкости. По мнению Adlera и Melzera условия для всасывания которые при этом получаются в брюшной полости можно считать патологическими; они думают что необходимо изучать всасывание на небольших количествах различных растворов.

Авторы работали на кроликах. Для каждого опыта брались два кролика по возможности одинакового веса. Одному из них перевязывались обе vena anonyma, а другому контрольному обе vena judulans externa чтобы поставить и этого контрольного кролика в одинаковые условия церебрального кровообращения. Затем обоим кроликам одновременно впрыскивалось 0,6 milligr strychnini в однопроцентном растворе. Полученные результаты были таковы. У кролика с исключенными лимфатическими сосудами стрихнин начал действовать на 43 м. позднее, чем у животного с открытыми лимфатическими сосудами и одинаковое действие получалось только от вдвое большей дозы.

В следующих опытах авторы впрыскивают в брюшную полость 1 к. с. 5 проц. раствора железисто - синеродистого калия и производили реакцию на берлинскую лазурь в моче кроликов, оперированных как выше было описано. В этом случае они установили, что реакция у животного с исключенными лимфатическими сосудами появляется в моче на 37 мин. позднее, чем у животного со свободными лимфатическими сосудами. Вскрытие обоих кроликов показало, что у животного с перевязанными vena anonyma реакция на берлинскую лазурь могла быть получена повсюду в брюшной полости, у контрольного же эта реакция получалась только в пузыре. Следовательно у животных с перевязанными лимфатическими сосудами всасывание солей или ядов очень сильно замедлено.

Starling возражает Adler'у и Meltzer'у таким образом. Им был поставлен следующий опыт. Собаке в брюшную полость впрыскивалось небольшое количество раствора индиго-кармина. Краска появилась в моче через 9 мин. в лимфе грудного протока она была обнаружена через 49 мин. Одновременно бралась кровь и центрофугировалась, в сыворотке крови краска могла быть обнаружена раньше чем в лимфе.

Mendel также проверил опыты Adler'a и Meltzer'a и пришел к таким же результатам как и Starling. В его опытах 20 к. с. раствора индиго-кармина вводилось в брюшную полость собаки. В моче краска была обнаружена через 16 мин., в лимфе грудного протока через 28 мин. При внутривенной ин'екции краска появлялась значительно раньше в моче чем в лимфе. Mendel считает, что всасывание из брюшной полости происходит главным образом по кровеносным сосудам.

По исследованиям Hamburger'a на всасывание из брюшной полости оказывает влияние целый ряд фактов. С одной стороны имеет громадное значение разница осмотического напряжения составных частей кровяной плазмы внутри кровеносных сосудов, и осмотическое напряжение введенной в полость брюшины жидкости. В регулировании осмотического напряжения крови принимают участие почки. Это влияние почек распространяется и на осмотическое напряжение внутри брюшной полости. У убитого животного всасывание и регулирование осмотического напряжения внутри брюшной жидкости совершается не так, как у живого животного. Это зависит от того что по мнению Hamburgera отсутствует ток крови и резорбируемые продукты не удаляются почками, а накопляются. Автор при внутрибрюшной ин'екции у мертвых животных, через кровеносные сосуды этого животного пропускал кровяную сыворотку и наблюдал ускорение всасывания и регулирование осмотического напряжения в брюшной полости.

Hamburger признает, что всасывание жидкостей тканями происходит при помощи имбибиции. Имбибиция по Ficou бывает в двух видах. Во первых молекулярная имбибиция например всасывание жидкостей гомогенными массами (желатиной). Во-вторых капиллярная имбибиция например всасывание жидкостей порами порозных дел (фарфоровая глина, соединительная ткань). В брюшной полости жидкости могут удаляться при помощи имбибиции. Происходит это таким образом: жидкость поступает посредством молекулярной имбибиции в эндотелиальные клетки брюшины и при посредстве капиллярной имбибиции в соединительно-тканные щели. Отсюда очень небольшая часть выводится по лимфатическим сосудам, большая же жидкость проникает при помощи молекулярной и капиллярной имбибиции в кровеносные сосуды. Лимфатические сосуды очень мало влияют на всасывание. Перевязка Ductus thoracicus не оказывает никакого влияния на всасывание из брюшной полости. Следовательно заключает Hamburger всасывание жидкости происходит по кровеносным путям.

Если захваченная в кровеносные капилляры жидкость не будет выводиться, то в тканях скоро будет достигнуто максимальное напряжение и имбибиция прекращается.

На явление всасывания оказывает большое влияние давление. Hamburger доказал это таким опытом. Через небольшой разрез в брюшную полость кролика вводился раствор поваренной соли и непромокаемый баллон, этот баллон наполнялся жидкостью и таким образом давление в брюшной полости увеличивалось. В баллон ввязывалась стеклянная трубка и выводилась наружу для измерения давления столба жидкости. При увеличении давления от 9 до 14 к. с. отмеченных на стеклянных трубках количество всосавшейся жидкости увеличивается почти вдвое. Если очень сильно увеличить давление более 40 к. с. столба жидкости, то всасывание очень сильно замедляется. Об'ясняется это тем, что при таком большом давлении сдавливаются вены и, благодаря этому, ток крови в них и следовательно и отведение всосавшейся жидкости замедляется.

Этот факт хорошо об'ясняет клиническое наблюдение, что иногда при выпускании только часть асцитической жидкости, оставшаяся часть у больного очень быстро всасывается.

Как уже было указано раньше капиллярная стенка кровеносных сосудов почти не проходима для белков крови и легко проходима для воды и солей. Парциальное осмотическое давление белка внутри кровеносных сосу-

дов может совершенно уравняться только тогда, когда вся жидкость лишенная белка проникнет внутрь кровеносных сосудов. Но с другой стороны давление крови обусловливает фильтрационное давление в капиллярах, которое старается выжать из них воду, осмотическое давление белковых субстанций, наоборот, притягивает воду во внутрь капилляров. Следовательно осмотическое давление и кровяное давление вызывающее фильтрационное давление есть две друг по отношению другу противоположно действующие силы.

При кровопускании например уменьшается внутрикапиллярное кровяное давление и на первое место выступает осмотическое давление белка сыворотки. Поэтому при кровопускании кровь становится гидремичной.

Явления молекулярной имбибиции в зависимости от давления Hamburger хорошо об'ясняет на следующем остроумном приборе. В стеклянный стакан вставляется цилиндр сделанный из никеллевой сетки, опущенный в расплавленную желатину. Между этим желатиновым цилиндром и стеклянным стаканом образуется пространство. В отверстие желатинового вводится трубка для притока жидкости, в стеклянный стакан вделывается трубка для отвода жидкости. Если теперь в желатиновый цилиндр ввести жидкость, она проникает в стакан; если пропускать жидкость через желатиновый цилиндр при увеличенном давлении, увеличивается и количество оттекающей жидкости из стеклянного стакана.

По исследованиям Hamburger'а при увеличении давления ускоряется всасывание жидкости из соединительной ткани.

Несколько особняком стоит исследование Meltzera, что у нефректомированного кролика растворы поваренной соли от 0,8—1,2% быстрее всасывается чем у нормального. Авторы об'ясняют это повышение осмотического напряжения крови.

Богомолец в своей работе о всасывании из брюшной полости произвел в 50 опытах экспериментальную проверку данных полученных Heidenhain'ом, Орловым, Hamburger'ом Cohnstenin'ом и Starlinger'ом.

Прежде всего Богомолец повторил опыты Орлова и Гамбургера, и вновь подтвердил влияние фтористого натрия на процессы всасывания поваренной соли из брюшной полости. Он установил, что прибавление к гипертоническому раствору NaCl фтористого натра 0,5 pro mille оказывает «слабое задерживающее влияние на всасывание соли». При этом наблюдается значительная трансудация жидкости из сосудов. Приведу два опыта Богомольца.

Опыт 1. Собаке, весом 6 кило, при помощи шприца введено в брюшную полость 50 к. с. 5% раствора NaCl подогретого до 37°. Через час брюшная полость вскрыта и из нее собрана 50 к. с. жидкости. В ней хлоридов 0,85 проц.

Было введено 2,5 гр. NaCl осталось 0,425, всосалось 2,075 NaCl или 83 проц. введенной соли. Количество жидкости при этом не изменилось; увеличение количества ее не произошло во всяком случае.

Опыт 2. Собаке, весом 8900,0 гр. впрыснуто в брюшную полость 50 к. с. подогретого до температуры тела 5 проц. раствора. NaCl содержащего 0,5 pro mille NaCl. Через час из брюшной полости получено 83 к. с. жидкости содержащей 1,35 проц. (1,12 гр.) NaCl. Было введено в брюшную полость 2,5 гр. осталось 1,12, всосалось 1,38 или 35 проц. введенного количества NaCl, прибавилось жидкости 33 к. с.

Фтористый натрий оказывает задерживающее влияние на всасывание соли из брюшной полости даже на мертвых животных, что видно из следующих опытов.

Опыт 3. Собака весом 3700,0 гр. убита хлороформом. Тотчас после смерти животного впрыснуто в брюшную полость 30 к. с. 5 проц. раствора NaCl подогретого до 37°. Через час в брюшной полости оказалось 38 к. с. жидкости с 1,95 проц. содержанием NaCl. Быловведено 1,5 осталось 0,75 гр. всосалось 0,75 или 50 проц. NaCl.

Опыт 4. Собака весом 5500,0 гр. убита хлороформом. Непосредственно после смерти животного впрыснуто в брюшную полость 50 к. с. нагретого до 37° 5 проц. раствора NaCl содержащего 0,5 pro nulle NaCl. Через час после этого из брюшной полости получено 60 к. с. жидкости, содержащей 2,9 проц. поваренной соли. Впрыснуто 2,5 NaCl, осталось 1,74 гр., всосалось 0,76 или 30,4 проц. NaCl.

Из этих опытов Богомолец заключает, что «спустя даже 5 часов после смерти животного брюшинный эндотелий сохраняет свои жизненные свойства».

Богомольцу удалось после ряда неудачных опытов с различными веществами, „открыть вещество, которое очень сильно парализует деятельность брюшинного эндотелия. Старая культура bac pyocyaneus оказывает такое действие.

Опыт 7). Собаке, вес которой 5250,0 гр. впрыснуто в брюшную полость 5 к. с. фильтрата в восьмидневный бульонной культуры bac pyocyaneus. Спустя 10 минут после этого в брюшную полость введено 50 к. с. 4,9 процентн. раствора хлористого натрия. Уже через час из брюшной полости удалено 120 к. с. жидкости, содержащей 2,2 процента NaCl. Было введено 2,45 в полученной жидкости оказалось 2,88 хлоридов. Количество жидкости в брюшной полости увеличилось в 2,4 раза.

В данном случае всасывание соли не произошло, напротив ее количество увеличилось и трансудировавшая из сосудов жидкость содержала по расчету на прибавившиеся 70 куб. сант. 0,614 хлоридов.

Опыты с фтористым натрием и культурами bac pyocyaneus показывают, как пишет Богомолец, что «эндотелий серозных оболочек наравне с сосудистым обладает способностью «активной» деятельности. Не будет удивительно, если окажется, что при образовании водянки мы имеем дело между прочим со своего рода извращением секреторной функции эндотелия. Обширная сецернирующая поверхность сальника может в таком случае в сильной степени способствовать накоплению асцитической жидкости».

На всасывание из брюшной полости оказывает влияние сальник, что видно из следующих опытов.

Опыт 9). Собаке весом 11 кило, тотчас после наложения массовой лигатуры на большой сальник (лигатура накладывалась так, чтобы в возможно большей части сальника не могло происходить кровообращения) влито в брюшную полость 100 к. с. 5,2 процентн. раствора поваренной соли. Отверстие в брюшной стенке зажато клеммами, чтобы жидкость не могла выливаться. Спустя час из брюшной полости удалено 197 к. с. жидкости, содержащей 1,6 проц. NaCl. Было введено 5,2 гр., осталось 3.15 NaCl всосалось 2,05 или 40 проц. впрыснутой соли.

Перевязка почечных сосудов вопреки мнению Гамбургера по исследованиям Богомольца не оказывает задерживающего влияния на процессы всасывания из брюшной полости. Примером этого может служить опыт № 11. У собаки весом 6700,0 гр. сделана перевязка обеих почечных артерий. Непосредственно после этого в брюшную полость влито 60 к. с. 5 проц. раствора NaCl. Спустя час получена из брюшной полости жидкость в количестве 102 к. с., содержащая 0,9 проц. хлоридов. Было введенно 3,0 NaCl, осталось 0,918 гр., всосалось 2,082 соли, или 69 проц.

Выводы, к которым пришел Богомолец на основании своих опытов таковы:

1. Успех всасывания из брюшной полости гипертонических растворов хлористого натрия в значительной степени зависит от состояния жизнедеятельности брюшинного эндотелия. В этом смысле последнему должно приписать „активную“ роль в процессе всасывания.

2. Продукты жизнедеятельности b. pyocyanei оказывают парализующее влияние на эту функцию эндотелия.

3. В процессе всасывания из брюшной полости большому сальнику принадлежит не маловажная роль.

4. Брюшинный эндотелий способен сохранять свои жизненные свойства и спустя 5 часов после смерти животного.

5. Попытка свести сложный процесс всасывания из брюшной полости на ряд чисто физико-химических процессов пока должна быть признана неудачной.

Schnitrler и Ewald изучали всасывание из полости брюшины у кроликов. Для этого они вводили раствор J. k. и наблюдали появление этой соли в моче в зависимости от разных условий. Введение алкоголя затрудняет всасывание J K. Всасывание коллоидных растворов происходит значительно медленнее. Вылущение большей части кишек и перевязка duodenum (?) вызывает замедленное всасывание. Увеличение перистальтики не действует на всасывание. Ин'екция токсина замедляет всасывание. При воспалении брюшины всасывание замедляется но не прекращается. Механическое повреждение брюшины при введении в полость ее различных стерильных инородных тел замедляет всасывание. Охлаждение замедляет всасывание во все время применения холода. Разведение крови физиологическим раствором не замедляет всасывания. Вырезывание большей части париэтальной брюшины и перерезка n. vagus не действует на всасывание. Открытие брюшной полости и высыхание брюшины замедляет всасывание.

Freitag работал приблизительно с аналогичной методикой. В брюшную полость впрыскивался 5,0 молочного сахара и 2,0 раствора J. K. и исследовалось время появления их в моче при различных условиях.

Молочный сахар отделяется в течении 12 часов. Иодистый калий 24 часа. Легкий перетонит в первые часы увеличивает, а тяжелый уменьшает всасывание. Введение адренолина и хроническое воспаление уменьшает всасывание.

Kellgreu и Colombo вводили кроликам окрашенные жидкости в полость брюшины, под кожу, в мускулы и суставы. По их мнению эти жидкости всасываются как по кровеносным так и по лимфатическим сосудам. Массаж ускоряет всасывание

Klapp утверждает, что при всасывании молочного сахара из полости живота главную роль играют кровеносные сосуды. Тепло (горячий песок, горячий воздух) повышают всасывание, холод сильно понижает.

Penzold указал на быстрое всасывание крови из полости брюшины. Ponfick для изучения всасывания крови произвел опыты над животными. Он доказывает, что эритроциты введенные внутрь брюшной полости могут быть констатированы внутри кровеносных сосудов уже через 20 мин. Количество красных шариков увеличивается. Maxmum всасывания отмечается на второй день. В течении 27 дней можно еще констатировать следы этого всасывания в крови опытного животного.

Никольский при ин'екции дефибринированной крови в брюшную полость указал что и через 24 часа из 300 к. с. введенной жидкости осталось только 140 к. с. При микроскопическом исследовании диафрагмы и брюшины лимфатические сосуды были наполнены красными шариками.

Cordua ученик Ponfick'а установил, что через 3 дня половина дефибринированной крови введенной в брюшную полость всосалась, через 5 дней вся введенная кровь всосалась.

Torok и затем Buglia указали назначение поверхностного напряжения растворов при явлении всасывания из брюшной полости. Значение поверхностного напряжения при явлениях осмоза указали Траубе и Блюменталь. Они установили, что жидкость с меньшим поверхностным напряжением течет к жидкости с большим поверхностным напряжением. Торок ставил свои опыты таким образом. Изолированная петля тонкой кишки длиною в 56 сант. наполнялась определенным количеством гипер изо и гипотоническим раствором NaCl. Перед опытом и через час определялось молекулярная концентрация растворов, точно устанавливалось количество раствора и поверхностное напряжение, т.-е. число капель при помощи сталагмометра Траубе. Если те-

перь к раствору NaCl в тонкой кишке прибавить эмульсию Ol amygdal dulcium или Gummi arabium, то поверхностное напряжение уменьшается. Разница всасывания для изотонического раствора будет такова. Без прибавления эмульсии всосалось в первый час 35,7, во второй 15. При меньшем поверхностном напряжении всосалось 15 в первый час и 6,4 во второй час. Одновременно одинаково уменьшилось и количество всосавшейся соли.

Опыты с гипотоническим раствором показывают что разницы в величине всасывания почти нет. Опыты с гипертоническими растворами показывают что без прибавления эмульсии первое время замечается увеличение количества жидкости в полости кишки. Жидкость, введенная в полость кишки, вместе с эмульсией показывает очень незначительную разницу в увеличении количества жидкости по сравнению с опытами без эмульсии.

В работе Tecklenburg'a указывается на ряд наблюдений, где можно установить влияние нервной системы на всасывание. Например, если двум лягушкам одинакового веса впрыснуть одинаковую дозу стрихнина в икроножную мышцу лапы, при чем предварительно у одной лягушки перерезать n ischiadicus, а у другой нет. Как правило у лягушки с парализованной ногой судороги наступали позднее, чем у лягушки контрольной. Если после операции прошло некоторое время (несколько часов, один день), то эта разница во всасывании изглаживается.

Причина замедленного всасывания заключается в том, что вследствие перерезки седалищного нерва происходит расширение сосудов и поэтому более медленный ток крови в конечностях. Постепенно ток крови в конечностях выравнивается. Этот опыт также показывает, что всасывание в конечностях происходит по кровеносным сосудам. Моро ставит такие опыты; если изолировать петлю кишки и перерезать нервы к ней идущие, то в просвете ее собирается светлая щелочно-реагирующая жидкость. Жидкость эта слабо окрашена, не переваривает ни белки, ни сахар и представляет транссудат жидкости из просвета сосудов.

Если теперь у одного и того-же животного изолировать две петли тонкой кишки одинаковой длины. В одной из этих петел перерезываются все нервы; в другой петле нервы сохраняются. В просвет обоих петел вводится одинаковое количество раствора J. K.

Через $1/2$ часа или через 1 час исследовалось количество всосавшейся жидкости. Найдено, что в парализованной части, раствора иодистого калия осталось вдвое больше чем в здоровой. Повреждение хилоносных сосудов, которых трудно избежать при перерезке мезентериальных нервов, не может об'яснить уменьшенное всасывание.

(*Продолжение следует*).

М. Г. СЫРКИН.

Донателло и раннее Возрождение.

(*Окончание*).

III. Наследники Донателло.

Мы видели, что движение, известное под именем Возрождения, было начато первоклассными силами, сразу многими и по разным дорогам. Жизнь искусства представляла картину самого глубокого переворота; каждое произведение было революционным актом, что-либо разрушавшим и вносившим нечто новое. В таком темпе его невозможно было выдерживать постоянно; спокойная, ясная стихия народной души того времени не была средой, благоприятной длительности столь острого процесса. Все вело к упрощению фигуры развития, успокоению умов, установлению и прояснению стиля. Это было достигнуто отчасти уже тем, что направление Донателло одерживало верх и вытесняло все другие; но и в нем самом после того, как оно стало общим стилем эпохи, должен был произойти упорядочивающий внутренний синтез и освобождение от резко индивидуальных черт его творца; вырисовывался канон родовых стилистических форм, среди которых последователи должны были искать себе простора для видового, личного творчества, в ожидании износа и увядания стиля и новой спасительной смены. Это был частный случай общего бесконечное число раз повторявшегося явления; его вызывал закон развития, неизбежная физиология пульсации жизни в пластике.

Впечатление от этой фазы стиля, с одной стороны, — явное падение силы размаха, а с другой,—столь же несомненное повышение непосредственной привлекательности произведений второго поколения. Спор тут бесполезен: за обладание Донателло, Мазаччио, Кастаньо, Пизанелло — необходима борьба; их нужно себе заслужить! Лука делла Роббиа, Филиппо Липпи, Боттичели—сами овладевают сердцами. Даже уровень техники в главном падает. И без большого опыта в научно-техническом анализе форм художественных произведений не трудно подметить, как мало в работах непосредственных наследников великих инициаторов использованы громадные приобретения в композиции, анатомии и пропорциях, достигнутые Донателло и Мазаччио, как у эпигонов небрежен и часто прямо слаб рисунок, какая вычурность и схематичность вдруг водворяется вместо природы. Недаром и для этого стиля было предложено применение словечка «рококо»: как «Louis XV» был «рококо» великого движения барокко,—отдохновением от титанических усилий над созданием его крупных форм в капризной, прихотливой игре этими формами,—так и творчество раннего Возрождения разменивалось теперь, повидимому, очаровательными мелочами, недостойными мощного начала. И все-же долгое время эта фаза считалась характерною для «Прерафаэлиз-

ма», его главною сутью. Эпигоны затмили было борцов. Однородное явление повторилось, когда ключ к великому китайскому искусству был найден только после полного пресыщения радостями японского «укиои» XVII и XVIII веков.

Такие неожиданные открытия в истории не раз вели к колебаниям в расценках, часто—к большой несправедливости и искажению перспективы. Старые, давно отошедшие в вечность эпохи вдруг воскресали во мнении позднейшей эстетики, чтобы завтра, может быть, снова упасть во тьму забвения. Спасение от сознания недостоверности наших исторических масштабов и от эстетического скептицизма вообще лежит только в признании того обстоятельства, что уровень природных сил всех сменяющих друг друга поколений вообще более или менее одинаков; все дело в плодотворности их приложения: продуктивность эпохи, положительный баланс ее работы—дело случая и исторической комбинации обстоятельств. Даже при наиболее благоприятно складывающихся внешних условиях самые блестящие стилистические образования нуждаются в смене. То, что мы видим в развитии ренессанса, отнюдь не указывает на иссякание творчества, а представляет явление более или менее нормальное. Свежая мысль in statu nascendi работает и заражает интенсивнее, но плоды ее часто терпки и горьки; упорядочивающее исчерпывание ищущей своего завершения идеи кажется менее значительным и гениальным, зато легче овладевает душой.

У нового поколения исчезает то характерное для Донателло раздвоение творчества между мотивами обобщения и индивидуализирования, «красоты» и «уродства», которое так странно поражает и составляет только ему одному свойственную, исторически об'яснимую особенность, зависящую от совмещения двух тенденций времени. Так или иначе, все получившие от Донателло решающие впечатления художники об'единяют и смешивают обе рядом бегущие струи, преимущественно в виде равномерного и умеренного, высоко-привлекательного реализма, выраженного в тонких линейных формах Донателловой мелодики. Эта мелодика, однако, чем дальше, тем больше получает налет нежной, изысканной прециозности, ведущей, в соединении с систематическими неправильностями и искажениями рисунка, к тому «рококо», которому положен был конец возникновением нового классического стиля «высокого ренессанса», творцом которого, по моему, был Леонардо.

На границе обеих фаз стоит Лука делла Роббиа, которого, впрочем, можно с равным правом отнести и к младшим представителям первого поколения. Однако, он был среди тех, кто не затрачивал своих сил на новые приобретения, не был борцом или художественным законодателем, и его интимная, на редкость симпатичная индивидуальность, при всей самостоятельности, так близка в своем бесшумном совершенстве и прелестном, честном реализме тенденциям второго поколения, что лучше открыть им ряды этого поколения, нежели завершить первое.

Ряд скульпторов идет прямо от Донателло и образует на обширном поле его приобретений «концентрацию на правом фланге», примыкая преимущественно к мотивам линейной красоты учителя, тогда как реализм выражается у них исключительно в портретных надгробных статуях и бюстах, принадлежащих к лучшему, что есть в искусстве по этой части. Главные имена тут—Дезидерио из Сеттиньяно, братья Росселино, Мино да Фиезоле и Бенедетто из Майано. Левое крыло учеников Донателло образует Андреа Верроккио, наиболее прямой наследник мастеров резкости характеристики, при всем умерении и успокоении размаха. Антонио Поллайоло также можно упомянуть в этом месте с тем, чтобы еще раз вернуться к нему в дальнейшем.

Элемент «рококо» в этой группе уже есть, но лучше всего ознакомиться с ним на одной странной фигуре среди непосредственных учеников Донателло. Произведения флорентийца Агостино ди Дуччио концентрируют в себе наиболее полно все признаки той неохоты, с которою эпигоны следовали за инициаторами в их громадных усилиях к овладению природой,

как необходимою техническою основой к достижению пластической красоты. Трудно представить себе совмещение в такой степени самой открытой неумелости с несомненнейшею обворожительною привлекательностью. Кажется невероятным, чтобы возможно было пройти через мастерскую великого техника, оставшись полным неучем, а между тем во всем у Агостино проглядывает стиль Донателло, окарикатуренный до гениальной насмешки над мастером. Пропорции, анатомия, драпировка—детские; вместо природы независимая от нее самоцельная каллиграфия; но целое—сплошная сладкая музыка линий, какую мастер позволяет себе только от времени до времени, всегда в строю и в ногу с прочими средствами пластики, и которая у этого прелестного китайца залила все твердые берега.

Доказав во Флоренции свою неумелость порчей громадной глыбы мрамора, которой суждено было впоследствии стать «Давидом» Микельанджело, Агостино тем не менее получил самые выгодные и почетные заказы в провинции и развернулся там во всю силу своего таланта, создав в Римини и Перуджии громадные серии рельефов, в высокой степени замечательных, не смотря на все бросающиеся в глаза недостатки. Эти работы заставляют сильно призадуматься над самим содержанием понятия совершенства в искусстве, ибо каждою своею чертой они противоречат ему, восхищая в то же время грациозною прелестью целого и деталей. Фасад церковки (oratorio) Св. Бернардина в Перуджии, построенный и украшенный Агостино, представляет новое хорошее решение этой трудно дававшейся мастерам Возрождения задачи, которое, однако, осталось неиспользованным в Италии и только впоследствии вновь было открыто во французском ренессансе.

Живопись, которая в деле совершенства форм имела такой грандиозный ранний образец, как фрески Мазаччио в Кармелитском монастыре во Флоренции, очень скоро покинула этот стиль, не смотря даже на то, что в продолжение почти ста лет молодые ученики всех флорентийских мастерских сходились сюда, чтобы учиться рисовать на этих фресках. Линейный характер Донателлова рисунка получил преобладание во всех тех случаях, когда дело шло о предметах, которым нужно было придать идеальный под'ем. Специфическая абстракция форм мирно уживается тут с реальнейшими деталями, и целое передается условным каллиграфическим почерком, музыкально гармонирующим со скорбною, тихою поэзиею сюжета. Десятки и сотни произведений выдержаны в этом однообразном с виду тоне, кто бы ни был их автор, и все же душа не устает с новым упоением погружаться в них, одно за другим, и скоро открывает в однообразии тонкие интимные индивидуальные черты, от школы к школе, от одного мастера к другому.

Создателем этой живописи, вне всякого сомнения, является Филиппо Липпи, питомец и монах того самого монастыря, где Мазаччио оставил лучшие из немногих своих произведений. Ребенком Филиппо, наверное, видел гениального юношу за работой, если только не помогал ему в роли краскотера, этой первой ступени ученичества того времени. Но уже в ранних своих произведениях он убегает в лагерь Донателло, и вся последующая живопись Флоренции усвоивает стиль последнего в переработке Филиппо. В общем то же условное отступление и сокращение природы, то же с'ужение горизонтов, которое мы наблюдаем у Агостино ди Дуччио; однако, Филиппо—личность совершенно иного роста, нежели сладкий схематик Агостино. Его обворожительные девичьи головки еще совершенно в «классическом» роде Донателло, с тем неземным утончением черт и дематериализацией контура, которая дается уже деликатностью технических приемов живописи. Пропорции вновь теряют связь с жизнью, приобретенную было с наступлением новой эпохи. Драпировка, не описывая таких независимых от тела и законов тяжести вавилонов, как у Агостино, и подражая Донателло в складочках, падении и часто в разлетании легчайших тканей, все же достаточно свободна от действительности; почти заальпийское впечатление производят подолы, падающие на землю в виде аккуратно сложенного глаженного белья.

Но значительность искусства Филиппо ярко выступает в общих линиях композиции: «Венчание Св. Девы Марии Царицею Небесною» в конхе собора в Сполето—одна из величайших страниц искусства.

Огромная школа исходит от Филиппо по всей Италии. Во Флоренции ее главные представители Пезеллино, Бальдовинетти, Боттичелли и сын Филиппо, ученик его ученика Боттичелли, Филиппино. Сюда же следует отнести умеренного синтетика Гирландаио. Боттичелли окончательно сплавляет в высшем единстве плавность и характерность в протекании линий и по некоторым зародышам у Филиппо создает тот принятый всеми дивный, тихо меланхолический тип женских головок, очарованию которого не мешают ни ясно выраженная бледная немочь моделей, ни их лобастые, почти водяночные черепа, ни вздернутые, припухшие, золотушные носики. Большое влияние на рисунок учеников Филиппо имел Антонио Поллаюоло. Этот первый педант и схоласт в пластике, полубессознательный предтеча ее школьных разрушителей, исходя от форм аскетов у Донателло, ввел тот вычурный, деревянный ductus, с щеголянием анатомическими деталями и костлявостью, который, очевидно, считался современниками верхом античности и классицизма. Изумительно, сколько бессознательной тайной грации помимо воли соединяется порою даже у самого автора этого стиля с таким, казалось бы, невыносимым приемом. В Умбрии именно Филиппо, а не Беноццо Гоццоли, является, по моему, духовным отцом Боккати, Бонфильи и Фиоренцо ди Лоренцо, то есть всей, так называемой, Умбрийской школы. Сам Беноццо, как я думаю, идет от Филиппо (отчасти, впрочем и от Учелло), и если они оба одновременно действовали в Умбрии, то толкали в том же направлении, указанном Филиппо.

Замечательно, что провинциалы еще полнее поддавались влиянию Донателло там, где он появлялся лично. Флорентийцы боролись за свою индивидуальность, вырабатывая каждый свою видовую форму общего стиля, но трудно представить себе более непосредственную зависимость живописи от скульптуры, нежели у Никколо из Фолиньо, у Веккиеты и Франческо ди Джорджио в Сиене.

Я уже упоминал о пребывании Филиппо в Падуе еще до Донателло. Но тут его роль могла сводиться только к подготовке почвы для самого мастера. Большее значение в образовании той удивительной группы северо-итальянских школ, на которых необходимо теперь остановиться, имели, в качестве конкуррентов Донателло, флорентийские реалисты.

Нет более привлекательной задачи для исследователя искусства, как выяснение путей возникновения тут нового стиля. Распутывание руководящих нитей здесь возможно до конца с такою отчетливостью, что в истории не осталось бы места никаким загадкам, если бы оно повсюду совершалось так же полно. Чуть не все формации флорентийского искусства оставили тут правильные наслоения личным прямым воздействием мастеров. Но их влияние и вообще вся картина этого искусства не были бы полны, если бы не деятельность одного из самых любопытных посредников между Тосканой и Ломбардией, к которому судьба была, к счастью для нас, очень милостива.

Я говорю о Якопо Беллини из Венеции. Случай сохранил нам два больших тома его рисунков, позволяющих проследить его впечатления и определить его значение с совершеннейшею очевидностью. Значение это для севера аналогично роли Филиппо Липпи во флорентийской живописи. В Якопо преломились все флорентийские течения, и север усвоил их себе не в непосредственной форме, а так, как чувствовал их он. Само собою разумеется, что нужно сделать исключение для Донателло. Якопо, впрочем, мало был затронут последним: по всей своей ориентировке он принадлежит к группе флорентийских реалистов, и идеалом его был, очевидно, Паоло Учелло.

Биография Якопо нам хорошо известна. В значительной степени благодаря этому обстоятельству, возможно отчетливое установление не только

путей реалистического движения на севере, но и начал его во Флоренции. Тут, по отсутствию точных данных о годах рождения и деятельности некорых крупных художников, многое осталось бы невыясненным, если-б не документально установленное пребывание Якопо во Флоренции в 1423—1425 гг., т. е. в решающий момент ходожественной революции, закончившей средние века и породившей Бозрождение с его двумя направлениями в сторону реализма и классицизма. Якопо родился в Венеции около 1400 года и работал там, в качестве подмастерья, вместе с Джентиле из Фабриано над большим циклом исторических картин во дворце дожей. С Джентиле он поехал и во Флоренцию, но едва-ли сопровождал его в Орвието и Рим, где Джентиле скончался в 1427 г. В 30-ых гг. мы застаем Якопо в северной Италии; здесь, на родине—в Вероне, Падуе и Венеции,—он развернул свои силы в богатейшей деятельности; это доставило ему громадное влияние, подкрепленное еще тем, что он был отцом двух и тестем третьего из числа самых крупных мастеров второй половины столетия в северной Италии,—Джентиле и Джиованни Беллини и Андреа Мантеньи.

По решающим впечатлениям Якопо во Флоренции, сказавшимся на его стиле, мы и можем судить о том, что в эти годы было там в центре внимания, по крайней мере, в облюбованной им реалистической школе.

В самом деле, от кого во Флоренции исходила струя реализма в новом стиле? Этот вопрос может показаться мелочным; однако, разрешение его чрезвычайно важно, если вспомнить, в какой тесной зависимости от знания обстоятельств стоит правильное понимание искусства эпохи. Донателло тут нужно исключить: мы видели, что его реализм, при всем богатстве индивидуальными чертами,—совершенно своеобразный, не столько отражающий существующий мир, сколько создающий свой, чисто художественный. В портрете время и не пошло за ним; эта чрезвычайно значительная в искусстве Возрождения область ведет свое начало от совершенно других руководителей. Конкуррентами за честь быть первыми выразителями реального взгляда на природу выступают—или, лучше сказать, выводятся в литературе—Мазолино, Кастаньо, Учелло, Мазаччио и даже Джентиле из Фабриано. Для последнего однако, такая честь—слишком тяжелая ноша. Его модернизм сводится, главным образом, к пейзажу, и в этом он в самом деле является, может быть, посредником между Флоренцией и заальпийским искусством, если только не заимствовал своих перенаселенных всяческими подробностями пространств у Герардо Старнины, не говоря уже о приобретениях Сиенской школы 14 века, сильно влиявшей на его родину, Умбрию. Его прелестные, расцвеченные богатыми ювелирными деталями костюмные мотивы не могли особенно импонировать серйозной, монументальной Флоренции, при том они появились здесь значительно раньше—у Герардо Старнины. Наконец, в однообразной миловидности типов он окончательно выявляет себя отсталым медиэвалистом. Больше же всего говорят против его притязаний те незначительные следы, которые он оставил на художественных впечатлениях своего долголетнего сотрудника Якопо, который, однако, лично сохранил о нем настолько добрую память, что назвал его именем своего старшего сына.

Обращаясь теперь к разбору правововых титулов прочих конкуррентов флорентийцев, мы различаем при внимательном сравнении уцелевших произведений не одно, а несколько, очевидно, независимых одно от другого, возникших путем самозарождения, течений, искавших свои мотивы в действительности; два крайних, наиболее несходных между собой, я бы назвал мелкотравчатым и монументальным реализмом. Первый находит свое характерное выражение во фресковой росписи двух капелл: одной, устроенной и украшенной иждивением кардинала Бранда Кастильоне в церкви св. Климента в Риме, и другой, служащей баптистерием при соборной церкви в фамильном владении рода того же кардинала в предгориях Альп, Кастильоне д'Олона. Рядом с новыми реалистическими мотивами повсюду тут стоят еще фигуры и лица, характеризованные миловидным готическим благолепием.

В самой церкви Кастильоне своды алтарной части,—«хора»,—расписаны и помечены художником:—«Мазолино из Флоренции»; эти фрески, почти лишенные реальных деталей, настолько однако сходны с «миловидными» частями в баптистерии, роспись которого помечена только годом,—1438-м., что сомневаться в принадлежности последней также Мазолино не приходится. Хотя по разным почти бесспорным соображениям фрески на сводах писаны еще в 1425 году, отсутствие в них реальных подробностей следует об'яснить, по моему, только сюжетом и крайне невыгодною для развертывания его формой полей свода, а не тем, что в стиле Мазолино эти подробности появились будто-бы только впоследствии.

Прямую противоположность этому стилю образует тот совершенно особый мощный и характерный реализм, который в виде цельного и исключительного личного пошиба пропитывает весь oeuvre Андреа Кастаньо. Если-б традиционно принимаемый год его рождения (1390) был документально подтвержден, вопрос о филиации реализма значительно упростился бы; но, к сожалению, у нас нет таких данных, и случаю угодно было, чтобы до нас дошли только поздние его произведения, и даже сведения о погибших также относятся к поздним датам; поэтому многие отодвигают его рождение на два десятка лет, заставляя Кастаньо умереть еще молодым человеком. Год рождения Мазолино твердо установлен (1385), но вполне удостоверенные оставшиеся произведения его также относятся к второй половине его жизни. Пользуясь этим положением, новейшие исследователи (Шмарзов, Крейц) выступают горячими сторонниками Мазаччио, приписывая ему, вслед за Вазари, фрески в Сан-Клементе и, вопреки ему, все сохранившиеся в Кармине. В соответствии с этим они утверждают, что старик Мазолино заимствовал свой поздний реализм у своего же ученика. Наконец, другие ведут и Кастаньо от Мазаччио, а не наоборот.

Таким образом, оба столь несходные стиля раннего флорентийского реализма сводятся к одному источнику и приписываются одному инициатору, вдобавок умершему на 27-м году жизни. К этому следует еще присовокупить, что большинство несомненно принадлежащих Мазаччио произведений показывают признаки третьего стилистического направления, наиболее знаменательного для этого мастера, которое оказалось преждевременным и не нашло продолжения в искусстве эпохи; это же направление ничего общего с реализмом не имеет. Какая всеоб'емлющая и вместе с тем в сущности бесхарактерная индивидуальность должна была быть по этой теории у Мазаччио, какое отсутствие самоограничения и концентрации, чтобы позволить ему совместить или свободно переходить на пространстве его короткой жизни от стиля к стилю, каждый из которых несомненно предполагает целого и различного человека для своего создания. Все это построение психологически несостоятельно и совершенно исключается духом времени и бытовыми условиями его искусства. При ремесленном характере обучения и слабом еще влиянии чисто интеллектуальных течений в образованном обществе на художества, личность и стиль отдельного мастера складывались очень рано по решающим впечатлениям во время его ученичества. Дальше уже он развивается извнутри; отклонения и новые элементы со стороны в зрелом возрасте и при сложившемся личном стиле были почти невозможны; особенно же мало вероятным представляется воздействие молодых на старших, как видно по почти постоянному сосуществованию тогда отсталых и прогрессивных мастеров из наслоений за пятьдесят и более лет: Боттичелли умер с кистью в руках в 1510-м г., когда расписывался уже свод Сикстинской капеллы.

Мазолино был типичный бытовой мастер переходного времени, и его искусство является образцом того, чем стало бы все искусство, еслиб не громадный под'ем духа под влиянием раздражающего фермента в атмосфере эпохи. Конечно, не ему было ломать старое и мощной рукой давать искусству совершенно новое направление; но он чувствовал инстинктом естествен-

ные директивы и если не двигал, то двигался, заблаговременно и в надлежащую сторону. Все у него дышит милой гармонией бессознательного примитива, но под этой искренней психологической цельностью кроется разношерстность мотивов, указывающая на созревание нового посреди неустраненного старого.

Он продолжал линию, начавшуюся еще в 14-ом веке, и хотя до нас не дошло ни одного достоверного произведения Старнины, но по описаниям легко узнать в них промежуточные звенья, свидетельствующие, что не требовалось особо крупной силы для создания того нового, что мы видим как в Кастильоне, так и в Сан—Клементе.

Личностью совершенно иного роста и закала представляется Мазаччио.

Если мы возьмем за исходную точку наиболее ранние бесспорные произведения, т. е. лучшие фрески капеллы Бранкаччи, то не трудно убедиться по сравнению некоторых деталей с такими же у Мазолино, что Мазаччио во всяком случае был учеником последнего. Если мы примем далее в соображение то, как далеко назад заходят первые симптомы внимания искусства к повседневным неприкрашенным подробностям жизни, как рано и уже достаточно изобильно эти подробности появляются у Старнины и даже у провинциала Джентиле, и как мало стиль Мазолино выступает за линию среднего нормального массового движения вперед, то едва-ли останется место для сомнения в самобытности у него этого стиля со всеми его реальными деталями. И вот, возвращаясь теперь к Мазаччио, мы не без удивления должны констатировать, что он примыкает вначале по преимуществу не к новым, реальным и «прогрессивным» элементам у Мазолино, а к старым готическим; но, разумеется, он создает из них нечто такое, о чем Мазолино и мечтать не смел. Я вижу в Мазаччио не творца реализма, а предтечу идеального стиля «Высокого Возрождения», предупредившего эпоху на три четверти века. Этого не было даже у Гиберти и Донателло. Открытия Мазаччио переводили формы от их средневекового внешнего каллиграфического благообразия непосредственно к органическому совершенству, притом минуя трамплин античного стиля. Это вполне могло быть плодом гениальной интуиции, быстро созревшим под карандашем молодого, но из ряду вон выходившего ученика когда он, как все тогда, 17—18 лет от роду оставил мастерскую учителя и открыл собственную, уже на первых самостоятельных работах. Его простая, большая линия, его до крайности обобщенные формы допускают овладение чутьем, без долгого упорного труда, природными пропорциями масс человеческого тела и общей анатомией его движений, а прирожденное чувство ритма создает при помощи этого бессознательного умения замечательный рисунок Мазаччио, так мало привившийся его веку.

Не буду касаться того, что Мазаччио—не только мастер абстрактной пластической формы но и живописец; и в этом он предупредил век, но за безвременной кончиной также не нашел непосредственных продолжателей. Что он имел уже в мастерской Мазолино перед глазами реалистические попытки учителя, видно по многочисленным портретам и некоторым подробностям лучших фресков в Кармине, и было бы по всей вероятности, еще очевиднее, еслибы уцелел тот из них, который представлял крестный ход при освящении монастыря. Но как округляет, увеличивает, облагораживает он индивидуальные черты лиц, как упрощает и переводит в грандиозные контуры и линии! И это будто бы та самая рука, которая только два—три года раньше вычерчивала средневековые плавные линии миловидной Эвы и бескостных тел в «Грехопадении» капеллы Бранкаччи, а затем в Сан—Клементе рядом с такими же милыми наивностями с видимым увлечением выписывала преметы обстановки, затейливые модные костюмы, меховые шапки и вооружение неблагородных персонажей и мелкие, угловатые черты их корявых, морщинистых повседневных лиц со всею наторелостью опытного, поседевшего среди выработанных ремеслом приемов практика, теперь

вдруг создала одно из вечных произведений искусства, классически прекрасное «Изгнание из рая»!

Жизнь Мазаччио пресеклась на самом пороге, но он успел показать, что и ему, как Донателло, не чужда была естественная тенденция века не только к обобщенному, но и к индивидуализированному искусству. Очевидно, однако, что он не мог искать его там, где над тем же работал Мазолино. В Кармине начатая Мазолино и им декорация капеллы Бранкаччи приняла уже определенно торжественный и обобщенный характер; если даже Мазаччио самостоятельно, на высоте развития своего стиля в эту сторону, вдруг почувствовал влечение в диаметрально противоположную, он не мог уже без дисгармонии дать тут волю и этим стремлениям. Они выразились в другом месте, в двух последних перед роковой для него поездкой в Рим произведениях: напрестольном полиптихе для Пизы и особенно в «Тройце» церкви Санта Мария Новелла. И вот тут именно возникает спор о приоритете; эта «Тройца»—еще более грандиозный образчик «стиля Кастаньо», нежели собственная «Тройца» последнего в Аннунциате. При неизвестности точной даты рождения Кастаньо и в виду несомненно большей гениальности Мазаччио можно, конечно, разрешить этот спор и в пользу последнего; но психологически мне кажется более вероятным, что внезапное и неподготовленное появление в классическом настроении искусства Мазаччио ноты корявой, монументально-жесткой мощи, столь исключительно господствующей у Кастаньо, говорит за последнего. Он имел чем увлечь даже Мазаччио.

Как хорошо направление Мазолино укладывалось в естественную линию развития, видно из того, что реализм в позднейшем флорентийском искусстве фактически примыкает не к Мазаччио и даже не к Кастаньо а, если не к самому Мазолино, то скорее всего к последнему корифею, выступающему претендентом на приоритет. Во всяком случае, тут время чувствует себя более близким к Мазолино, чем к слишком уже крупным и мощным, уносимым своим талантом далеко за пределы действительности, Донателло, Мазаччио и Кастаньо.

Остается таким образом ознакомиться с искусством этого последнего крупного реалиста с огромным влиянием,—Паоло Учелло. Веселенькие анекдоты Вазари сделали из него забавную фигуру; но давно уже дознано, что при исследовании даже флорентийского искусства к Вазари нужно относиться с величайшей осторожностью. Увлечение проблемами линейной перспективы, конечно, очень явно в картинах Учелло, что и было источником анекдотов; но в ней не единственная и не главная суть; впрочем, не он один, а все без исключения художники отдавали тогда дань увлечению открытием Брунеллеско и тем новым рессурсом, который открылся тут искусству. В глубоких перспективных простираниях сцены у Учелло двигается целый любопытный пестрый и забавный мирок, облеченный в нарядные и затейливые костюмы времени, со всеми предметами его вооружения, обстановки и обихода; вместе со всевозможными животными, птицами и растениями. Все это воспроизведено с величайшей любовью и точностью, с восторгом ребенка, открывающего мироздание. При всей верности и точности мирок передан в очертаниях, линейный элемент которых имеет свою собственную деликатную природу, характер и тонус юношеской суховатой гибкости, тугой, прямолинейной упругости. Много сходства с Пизанелло, но без его угловатой энергии; при всем стремлении к портретности—тайная мягкость и нежность. В обмен в этом реализме масса стиля роднящего манеру Учелло с линейными оргиями Донателлистов, почему он получил влияние и вошел в такой тесный союз с новой музыкой линии, сменившей средневековое благообразие.

Итак, вот наиболее популярный новый вид искусства, найденный Якопо около 1425 г. во Флоренции. Ему он и отдался целиком, на всю жизнь, с такой исключительностью, что все анекдоты Вазари по всей справедливости следовало бы отнести к нему; пространство, архитектурное и пейзажное, до

того стоит в центре его художественной любознательности, что живое население едва терпится в нем, и даже священные сюжеты должны довольствоваться небольшим масштабом, чтобы не закрывать и не портить перспективных линий. Пропорции фигур у Якопо преувеличенно растянуты, с общим налетом времени тайной суховатой грации; реальные черты и бесчисленные подробности трактованы со всей тщательностью и любовью Учелло. В общем он одна из привлекательнейших фигур на горизонте времени.

Трудно найти художника, который имел бы такое широкое и продолжительное влияние, как Якопо; а между тем, при всей своей привлекательности и симпатичности, он ни в каком случае не может быть отнесен к великим корифеям. Еще у Паоло Веронезе и Париса Бордоне, даже у Тиеполо, продолжают действовать архитектурно-пространственные мотивы, вынесенные им из Флоренции, где они хранились с гораздо более умеренным почтением. Причиной столь широкого распространения воззрений Якопо является одно случайное обстоятельство. В Падуе образовалось учреждение, одно время почти монополизировавшее художественно-ремесленный промысел в городе и крае и во всяком случае сосредоточившее у себя обучение ему молодежи. Это была большая мастерская живописца Франческо Скварчионе, настоящая фабрика церковной декорации, бравшая прямо оптовые подряды и постоянно нуждавшаяся в молодых силах для их исполнения. Как видно, бездарный Скварчионе сам ограничивался хозяйственным ведением дела, художественное же руководительство ко времени пребывания Донателло в Падуе было в руках Якопо. Чтобы обеспечить себе эксплоатирование таланта самого выдающегося среди молодых учеников мастерской, Андреа Мантеньи, Скварчионе усыновил его, что не избавило его однако от неприятных судебных дел со сварливым приемным сыном. За него же Якопо выдал замуж свою дочь, и в этой странной по современным понятиям художественно-ремесленной среде выросли и окрепли таланты Андреа, Джентиле и Джованни, руки которых так трудно различать в их юношеских произведениях. Если Якопо был главным авторитетом в школе во всем, что касалось внешней механики дела, то богом, которому там поклонялись с идейной стороны, был Донателло. Только самые старые ученики уберeглись до известной степени от его влияния. Около 1460 г. мастерская распалась, и питомцы ея разбрелись в разные стороны, разнося по всей Северной Италии полученные там неизгладимые художественные впечатления. Этой лавиной начисто сметены были повсюду старые местные навыки и пошибы, и страна покрылась удивительнейшим, небывалым по единству искусством, не менее характерным, чем стиль Филиппо Липпи, отрочески строгим и жестким, порою неловко угловатым и даже вычурным, но почти всегда благоуханным и девственно непорочным в тайной грации линий.

Нужна целая книга, чтобы проследить все изгибы путей, ведущих из Падуи в Феррару, Болонью, Верону, Мантую, Виченцу, Милан, Венецию и т. д. Ограничусь поэтому самой краткой характеристикой видов «стиля Донателло», принятых им под руками крупнейших воспитанников мастерской Скварчионе.

В Ферраре основались целых три из них, вероятно, из числа наиболее старых. Эта школа носит особо архаический, сперва отталкивающий, но при интимном проникновении в ея ядреную непосредственность обворожительный отпечаток. Из Феррарцев Франческо Косса менее всего тронут влиянием Донателло и явно преклонялся непосредственно перед Учелло («Житие св. Гиацинта» в Ватикане), и особенно перед Пиеро делла Франческа (фрески виллы Скифанойя).

Эрколе Роберти—прямой последователь Якопо, и только особая сухая энергия мускульного чувства выдает его скульптурные впечатления. Зато Козимо Тура целиком во власти Донателло в его характерности.

Милану суждено было развить богатейшую художественную деятельность,

но никогда она не могла охранить своей самобытности. В XV веке искусство попадает тут сперва под начало Пизанелло (Леонардо и Миккелино да Безоццо). Стоило появиться птенцу из гнезда кукушки на выворот, Скварчионе, и вся западная Ломбардия «Падуанизируется»; этот птенец был Винченцо Фоппа. Его прелестная школа исчезает, в свою очередь, под тяжелой стопою гиганта Леонардо да Винчи.

На каменистую почву, в Асколи, в диких полуязыческих Абруццах, попало еще одно зерно из Падуанской житницы,—Карло Кривелли. Дальнейших плодов оно тут не могло дать, но сам этот обаятельнейший и невежественнейший сын Донателло, прямое повторение случая с Агостино ди Дуччио в живописи, сохранился до конца своей долгой жизни, как на льду, благоуханным полевым цветком из другой геологической эпохи, когда кругом кипела уже совершенно иная жизнь, пускай более богатая, но едва-ли столько говорящая непосредственному чувству.

Богатейшее будущее, напротив, ждало группу трех великих мастеров из семьи Якопо, выпестованных им на молоке Флорентийского искусства, особенно же на Донателло. Мантенья был безусловно достойнейшим духовным потомком Донателло и в свою очередь, по очевидному влиянию на братьев своей жены, оплодотворителем громадной, мощной Венецианской школы со стороны форм. Стоит только вникнуть в элементы искусства Джорджоне, чтобы оценить по достоинству весь тот огромный вклад, весь обильный плодоносный осадок, принесенный потоком духа одного человека на богатую уже, правда, от природы почву, но которая без этого, вероятно, не дала бы столько разнообразных и прекраснейших произрастаний. Громадная колористическая, чисто живописная эволюция, в которую вскоре под руками братьев Беллини вступила живопись,—течение, затопившее все школы и школки Падуанского «согласия», пошло в конце концов в разрез с форменными элементами Донателло. В живописи Пальмы и Тициана им становилось все меньше места. Ту же судьбу вытеснения и смывания еще гораздо катастрофичнее готовило наследству его «Высокое» или «классическое» Возрождение, в свою очередь разрушенное землетрясением, имя которому—Микельанджело. Но это—судьба всего человеческого. Жизнь поддерживается смертью—закон, из которого не исключено и искусство. Только в воспоминаниях можно и должно оживлять прошлое. Настоящее и будущее не следует обременять тяжелыми глыбами умерших наслоений, как бы издалека ни шли живые импульсы жизни. Но в области чистого познания мы вправе отдаваться воскрешению былого, ибо это—мощное средство поддержки работоспособности духа и залог его плодотворности в будущем, не говоря уже о высоком наслаждении в этих переживаниях. Не может быть поэтому бесплодной и передача жизни и дел редкого человека—Донателло.

Н. Н. ЩЕКАТИХИН.

Иллюстрации Даниеля Ходовецкого к „Буре" Шекспира*).

Среди изобилия графических работ, представляющих собою высшую вершину художественных достижений разностороннего и плодовитого берлинского мастера, во много раз превосходящую его мало оригинальные опыты в области масляной живописи и миниатюры,—несколько особое место занимают серии иллюстраций к многочисленным произведениям как немецкой, так и иностранной литературы. Как известно, общее число рисунков и гравюр Ходовецкого превышает пять с половиною тысяч[1]): из этого числа приблизительно третья доля—1905 листов—носят иллюстративный характер[2]). Большая часть их, конечно, по вполне понятным причинам, в сюжетах своих восходит к произведениям литературы германской. Просмотр каталога гравюр Ходовецкого за время с 1773 по 1801 год, по меткому замечанию Servières'а, может в известной степени явиться обзором литературного творчества Германии, и в частности Пруссии, за последнюю треть восемнадцатого столетия[3]). Действительно, имя Ходовецкого, как иллюстратора, столь тесно связано с именами многих выдающихся деятелей как немецкой романтики, так и предшествовавшего периода, что даже некоторые историки литературы считают необходимым в некоторых пунктах своих исследований делать о нем соответствующие упоминания[4]), учитывая, по всей вероятности, ту видную роль, которую может для нас играть в настоящее время художник в деле более углубленного и верного уразумения как самых литературных памятников, так и сопутствовавших им общественных настроений современников[5]). В этом смысле, без всякого сомнения, многочисленные работы неутомимого резца Ходовецкого, не всегда удачные в чисто художественном

---

*) Я не мог познакомиться с целым рядом исследований о Ходовецком, вышедших в Германии после 1918 года. Таковы. P. E r n s t. Chodowiecki's Sittenbilder, 2 Bde, Weimar; Chodowiecki's Illustrationen zu den deutschen Klassikern. Hrsg. v. P. Lindau. «Bard's Bücher der Kunst». Berlin; M. S t ü b e l. Chodowiecki in Dresden und Leipzig. Dresden; B. V o e l c k e r. Die Hamlet-Darstellungen D. Chodowiecki's und ihr Quellenwert f. d. deutsche Theatergeschichte des 18 Jahrh., Leipzig.

[1]) См. W. von O e t t i n g e n. Ein Berliner Künstlerleben im XVIII Jahrhundert. Berlin 1895; также G. S e r v i è r e s. Le peintre-graveur Chodowiecki. «Gasette des Beaux-Arts». 1913. Novembre. Pp. 372—373 (1) и L. K a e m m e r e r. Chodowiecki. «Künstler-Monographien». XXI. Bielefeld u. Leipzig 1897.

[2]) S e r v i è r e s, op. cit. p. 384 (1).

[3]) Ibidem, p. 382.

[4]) Ср. напр. E. V o g t u n d M. K o c h. Geschichte der deutschen Litteratur. Leipzig und Wien 1897, S. 493; также R o b e r t K o e n i g. Deutsche Litteraturgeschichte. Bielefeld und Leipzig 1883, S. S. 421 ff.

[5]) На это мимоходом указывает K a e m m e r e r: «...da, wo die litterarische Fassung der Zeitideen fur unser Empfinden bereits verblasst ist, belebt ihr künstlerisches Spiegelbild unser nachfühlendes Interesse von neuem». Op. cit. S. 124.

смысле, но всегда характерные и достоверные в качестве почти исторического документа,—заслуживают несколько большего внимания, чем им до сих пор уделяли существующие монографии о художнике[1]). Начиная с 1770 года, Ходовецкий, к тому времени ставший общепризнанным и модным иллюстратором, принимает самое деятельное участие в целом ряде изданий: богословского, научного, философского, исторического, сатирического, наконец,—чисто литературного характера; для первых он часто ограничивается лишь фронтисписом, виньетками, заставками, и др. книжными украшениями: к последним, особенно в тех случаях, где налицо имеется действие, он дает более или менее длинные иллюстративные серии, в которых отмечает главные эпизоды; таким образом им были иллюстрированы: «Басни и рассказы» *Геллерта*. «Идиллии» *Гесснера* «Минна фон-Барнгельм» и «Басни» *Лессинга*, «Луиза» *Фосса*, «Баллады» *Бюргера*, многочисленные произведения *Рихтера*, *Иффланда*, *Коцебу*, *Клопштока*, *Гете* и *Шиллера*. Значительно меньшая часть иллюстраций исполнена на сюжеты, взятые из литературы иностранной: однако и здесь мы можем найти очень много материала, чрезвычайно любопытного,—поскольку выбор его, как это нами будет показано в дальнейшем, определялся не столько личными склонностями и пристрастиями художника, сколько общим уклоном умственных интересов и художественных вкусов современного ему немецкого общества. Здесь мы встречаем во многих отношениях чрезвычайно своеобразные и примечательные интерпретации произведений *Бюффона*, *Вольтера*, *Руссо*, «Roman comique» *Скаррона*, «Жиль Блаза» *Лесажа*, «Женитьбы Фигаро», «Школы мужей» *Мольера*, «Мемуаров Кавалера де-Граммон», «Вексфильдского священника», «Клариссы Гарлоу», «Сентиментального путешествия», «Неистового Роланда» *Ариосто*, «Дон-Кихота» *Сервантеса*, наконец,—некоторых драм и комедий *Шекспира*[2]).

Тесная связь Ходовецкого с современными ему течениями литературы, а также с известными уклонами литературной моды, в продолжении 18-го столетия неоднократно обращавшей свое внимание к некоторым литературным памятникам предшествовавших эпох,—в известной мере определяет особенности его и значение в качестве иллюстратора. Так Kaemmerer в первую очередь отмечает унаследованный, якобы, им от современников чисто-повествовательный характер: „Вся его художественная манера,—говорит он,—всецело стремится к тому, чтобы уподобиться своим литературным современникам; таким образом, так же, как и они, он является прежде всего, художником повествующим“[3]). Замечание это верно только отчасти: при более детальном исследовании иллюстративных работ Ходовецкого оно окажется справедливым лишь в самой общей форме, отнюдь не определяя собою всех тех характерных черт, которыми отмечена в достаточной мере значительная часть оставленного нам в наследство художником громадного иллюстративного материала. Прежде всего, необходимо принять во внимание, что очень многие из этих черт были заранее обусловлены его предшествующей художественной деятельностью: применяя впервые неутомимые силы своего своеобразного таланта в области иллюстрации, 43-х-летний художник[4]) выступает как уже вполне зрелый, законченный и оформленный мастер: в

---

[1]) Вышеупомянутые работы Oettingen'a и Kaemmerer'a, также D-r Frida Schottmüller. Daniel Chodowiecki. Bielefeld und Leipzig 1912. Вышеперечисленные новые исследования, особенно анонимная работа «Illustrationen zu den deutschen Klassikern», восполняют, повидимому, этот недостаток.

[2]) Servières, 382—383.

[3]) Kaemmerer, S. 123.

[4]) Ходовецкий родился 16 октября 1726 года. Kaemmerer S. 6.—Первая серия иллюстраций для «Elementarbuch der menschlichen Erkenntnisse» Иоганна Бернгарда *Базедова* была начата в 1774 году. Servières, 381—382.

отношении формы—под явным влиянием французских художественных традиций,—в области содержания—как сдержанный реалист и тщательный интерпретатор как пышного и блестящего величия, так в равной мере и мелкого повседневного ничтожества современного ему национального быта. Таким образом, дебютируя в 1770 году в качестве литературного иллюстратора двенадцатью гравюрами к „Минне фон-Барнгельм" *Лессинга*[1]), помещенными в «Берлинском Календаре»[2]), Ходовецкий не столько заимствует у писателя свою изобразительную манеру, сколько обнаруживает некоторое внутреннее с ним сродство в отношении к сюжету и лицам, которым и был обусловлен—в данном случае, очевидно, свободный—выбор художника. Написанная в 1764 году, „первая немецкая национальная драма" при постановке ее в 1768 году в Берлине встречена была всеобщим восторгом; Ходовецкий, без всякого сомнения, вполне разделял этот восторг: общая структура пьесы, смелый реализм ее характеров и правдивое, натуралистическое изображение современной автору жизни немецкого бюргерства,—все это были черты, роднившие поэзию *Лессинга* с жизненным и реалистическим искусством Ходовецкого. И та энергичная изобразительная манера, с которой, несмотря на маленький формат иллюстраций, он с'умел придать персонажам *Лессинга* всю знаменательность жестов и значительность выражения,—явно говорит нам о глубокой любви и духовной близости, соединявшей иллюстратора с великим поэтом[3]). В данном случае, таким образом, имеет место лишь случайное совпадение органически родственных друг другу художественных тенденций, и вопрос о влиянии писателя на художника должен быть, повидимому, разрешен в отрицательном смысле. Некоторым подтверждением этого вывода могут служить его масляные семейные сцены: «У окна» или «Карточная игра», датированные 1757 годом[4]), а также некоторые рисунки 1764 года, как напр. «Детская комната» (E. 24) или «Три дамы у окна» (E. 35), которые задолго до появления иллюстраций к *Лессингу* во всей полноте обнаруживают преимущественную склонность художника к изображению жанровых сцен и мелочей повседневного быта, со всею остротою свойственного в то же время и *Лессингу* реалистического беспристрастия. Именно этим врожденным свойством художника и об'ясняется, прежде всего, та редкостная гармония между литературным сюжетом и иллюстративной его обработкой, которая отличает серию иллюстраций к „Минне фон-Барнгельм", делая ее одним из самых зрелых и лучших плодов графической деятельности Ходовецкого.

Однако, далеко не всегда между замыслами иллюстрируемых писателей и поэтов и их интерпретацией в гравюрах художника находим мы такое полное и законченное согласие. Типичный и характерный для всей своей эпохи в целом, Ходовецкий все же не раз оставался глубоко чуждым целому ряду литературных течений и легких уклонов общественных интересов и мыслей, являвшихся достоянием лишь некоторого ограниченного круга и не распространявших своего влияния в более широкие слои немецкого общества,—или же носивших до известной степени случайный и временный характер. Между тем, в силу определенных внешних условий его художественной деятельности, Ходовецкому неоднократно приходилось с ними сталкиваться; и даже больше: во всей остроте переживать те трагические подчас противоречия, которые неизбежно приходится пережить каждому художнику, вынужденному, в силу тех или иных обстоятельств, сохранить хоть минимум художественной

---

[1]) W. Engelmann. Daniel Chodowiecki's sämtliche Kupferstiche. Leipzig 1857. №№ 51, 52.

[2]) Berliner Genealogischer Kalender, издававшийся «Королевской Академией».

[3]) Kaemmerer, S. 38.

[4]) Собрание д-ра Эвальда в Берлине; на берлинской выставке 1896 года №№ 3389 и 3390.

корректности в обработке сюжетов, извне ему навязанных и внутренне чуждых. Именно такого рода противоречия могут легко быть нами обнаружены в целом ряде работ Ходовецкого, исполненных за последний период его художественной деятельности [1]), в частности—в иллюстрациях к комедиям и драмам Шекспира, относящихся ко времени с 1779 по 1788 год, когда вослед за известными уклонами вкуса и соответственными требованиями некоторой части читающей публики Ходовецкий, в качестве постоянного излюбленного сотрудника многочисленных, модных в то время, карманных календарей и альманахов, должен был несколько себя ограничивать в собственных склонностях, уступая склонностям моды и литературным интересам потребителя. И если в этих работах сравнительно меньше художественных достоинств и чисто эстетической ценности—то это еще отнюдь не уменьшает их несомненного значения: с одной стороны—как некоторого документа, преломляющего в себе и показывающего нам в отраженном свете известные мелкие черты культурного лика эпохи; с другой стороны—как ряда примеров, основываясь на которых мы имеем возможность поставить и, по мере сил, разрешить некоторые весьма существенные вопросы, связанные с общими проблемами иллюстративного искусства.

Изучение истории возникновения данного художественного явления—как бы ни старались нас уверить в противном сторонники „чистого" искусствознания [2]),—всегда является необходимейшей предпосылкой для правильного его анализа и уразумения. Мы не считаем, поэтому, возможным в отношении к „Шекспировскому циклу" Ходовецкого, одна из серий которого является предметом настоящей работы,—обойтись без поверхностного хотя бы рассмотрения как обстоятельств художественной деятельности мастера, так и некоторых общих моментов культурно-исторической обстановки; первая наша задача заключается в том, чтобы по возможности выяснить характер и степень тех разнородных внешних влияний, которые оказывали свое совместное действие на художника к 1788 году, т. е. к году создания серии из 12-ти иллюстраций к «Буре».

Среди многочисленных изданий, в которых, начиная с 1770 года, Ходовецкий принимает участие в качестве иллюстратора, на первое место—по их значению для направления и развития творчества художника—должны быть поставлены чрезвычайно в то время распространенные различные карманные календари и альманахи. Заимствованная из Франции мода на такого рода издания к середине века достигла размеров настоящей мании, которая, между прочим, была осмеяна тем же Ходовецким в его сатирической серии «Centifolium stultorum» (E. 440) [3]). В течение долгого времени, конечно, наилучшие образцы альманахов создавались во Франции, где были использованы в полной мере все художественные возможности типографского искусства с целью удовлетворить самим изысканным вкусам капризной и прихотливой эпохи Рококо; все возрастающая утонченная роскошь изданий влекла за собою все большее усовершенствование технических средств; тенденция к уменьшению формата, доводимого иногда до размеров брелока для часовой цепочки, требовала особенной чистоты и отчетливости шрифта; наконец, особую важность приобретал вопрос о графических украшениях и рисунках, необходимых для того, чтобы придать изданию, помимо элегантной внешности, также и подлинную художественную ценность: вопрос этот был разрешен привлечением целого ряда выдающихся художников, среди которых были Nicolas Cochin, Gravelot, несколько позднее Queverdo и

---

[1]) Начиная приблизительно с 1779 года, когда в «Берлинском Календаре» появилась серия из 12 иллюстраций к «Гамлету». (E. 252).

[2]) Ср. напр. утверждение Конрада Фидлера: «Die Kunst ist auf keinem anderen Wege su finden, als auf ihrem eigenen»... и т. д. (Über die Beurteilung von Werken der bildenden Kunst. 1876.—Fiedler's Schriften über Kunst. Leipzig 1895. S. 30.)

[3]) Kaemmerer, S. 35.

Moreau Младший[1]). В Германии до середины столетия содержание календарей исчерпывалось различного рода полезными справками и добрыми советами на текущий год; однако, под влиянием, очевидно, опасной конкуренции со стороны французских изданий их начинают впоследствии сопровождать графическими украшениями в виде фронтисписов, заставок и концовок; далее несколько изменяется и содержание, приобретая некоторый художественно-литературный оттенок: в календарях начинают перепечатываться, в отрывках, лучшие образцы немецкой поэзии; даются краткие отчеты о новостях текущей художественной жизни, о новых произведениях литературы и новых театральных постановках. Так календарь прежнего типа постепенно обращается в альманах, и книгоиздатели наперерыв состязаются друг с другом, стараясь при помощи увеличения художественных достоинств своих изданий обеспечить им возможно большее распространение, преимущественно среди мелкого бюргерства. Тогда одну из наиболее существенных ролей в альманахе начинают играть иллюстрации, по большей части на темы текущей и общеизвестной литературы, обыкновенно—в количестве 12 штук, по числу месяцев[2]). Самый характер издания требовал от украшавшего его иллюстратора некоторых определенных стилистических особенностей: живого, всем понятного натурализма,—легкой приспособляемости к общественным вкусам, в то же время без ущерба для чисто художественных качеств работы,—наконец, особой ясности и отчетливости рисунка, необходимых по причине маленького формата. Всем этим требованиям в полной мере мог удовлетворить талант Ходовецкого, обладавшего, преимущественно перед остальными современными ему немецкими художниками, как раз всеми указанными необходимыми свойствами,—и сверх того—еще удивительной работоспособностью и производительностью, позволившими ему сделать чрезвычайно широким свое участие в календарях и альманахах, Действительно, после того, как первая серия из 12 гравюр к „Минне фон-Барнгельм" украсила в 1770 году страницы Берлинского Генеалогического Календаря (Berliner Genealogischer Kalender),—целый ряд аналогичных издательских предприятий в течение многих лет считает Ходовецкого в числе самых деятельных и полезных своих сотрудников. До самой смерти почти ежегодно он украшает своими иллюстрациями: Генеалогический Календарь Восточной Пруссии (Genealogischer Kalender von Westpreussen, 1770—1803), Готский Альманах (Gothaischer Hofkalender, 1778—1794)[3]), Гёттингенский Карманный Календарь (Göttinger Taschenkalender, 1778—1794), Великобританский Генеалогический Календарь (Königl. Grossbritannischer Genealogischer Kalender, 1778—1796), издававшийся в Лауенбурге[4]),—и некоторые другие, более мелкие, вроде Дамского Календаря (Damen Almanach) или Альманаха Муз (Musenalmanach)[5]). Именно на долю календарей и альманахов приходится большая доля—1275 из 1905—общего количества исполненных Ходовецким иллюстраций[6]).

Тесно связав, таким образом, художественную свою судьбу с изменчивостью общественных настроений тревожного и бурного периода Sturm-und Drang'а, с которой издателям альманахов приходилось, конечно, считаться,

---

[1]) Servières, p. 383.

[2]) Dr. Frida Schottmüller. Daniel Chodowiecki. Bielefeld und Leipzig 1912. S. 18.

[3]) Готский Альманах, сыскавший себе наибольшую популярность не только в Германии, но и за-границей, пользовался до этого времени услугами французских художников; работы их были, однако, постепенно вытеснены работами Ходовецкого. Kaemmerer, 57—58.

[4]) Servières, 384.

[5]) Schotmüller, 18.

[6]) Servières, 384, (1).

учитывая каждое требование момента и отвечая ему соответствующим откликом,—Ходовецкий всецело обрек себя на постоянную зависимость от постороннего руководства в виде определенных заданий, лишавших его возможности свободного выбора иллюстративных сюжетов[1]). Особенно явственно выявились последствия этого стороннего воздействия в его работах для Гёттингенского Карманного Календаря, где, между прочим, в 1785, 1786, 1787 и 1788 годах последовательно появились серии интересующего нас «Шекспировского цикла».

Гёттингенский Карманный Календарь в издании Иоганна Христиана *Дитериха*[2]) приобретает особый интерес и значение, вместе с более широким распространением, начиная с 1778 года. когда во главе его в качестве ревностного вдохновителя и в высшей степени энергичного, а также оригинального редактора стал один из остроумнейших современных юмористов, гёттингенский профессор физики и вместе с тем публицист—ГеоргХристоф *Лихтенберг* [3]). С этого времени на всем направлении Календаря как в отношении выбора материала, так и в смысле соответственной его разработки, явно сказалось влияние широкого и острого ума *Лихтенберга*, который о серьезных вещах умел говорить серьезно, но еще более был значителен в своих глубоких и метких шутках, за которыми, по словам *Гете*, по большей части, скрывалась целая проблема[4]). Именно *Лихтенбергу*, по всей вероятности, и принадлежит инициатива в деле привлечения Ходовецкого к постоянному сотрудничеству в Гёттингенском Календаре[5]). Он, несомненно, высоко ценил художника, называя его «рисовальщиком душ»[6]) и отдавая, очевидно, должное—остроте его психологической проницательности, верности его взгляда, легкой склонности, наконец, к затаенной насмешке и тонкому юмору, инстинктивному природному чувству комического, сближающему иногда Ходовецкого с *Вильямом Гогартом* (1697-1764), как это видно, например, в некоторых иллюстрациях к „Жизни и мнениям Господина Магистра Себальдуса Нотанкера“ (Leben und Meinungen des Herrn Magister Sebaldus Nothanker) Кристофа Фридриха *Николаи*, (1773-1811) в берлинском издании 1774-1776 года (E. 104, 132, 157)—в иллюстрациях к «Басням» *Геллерта* в Генеалогическом Календаре Восточной Пруссии за 1776 (E. 141) и 1777 год. (E. 160), или же, наконец—в

---

[1]) Kaemmerer высказывает противоположный взгляд (op. cit., S. 58), ссылаясь при этом на «Двенадцать месяцев» в Лауенбургском Календаре за 1777 год (E. 123), а также на рисунки мод и причесок и, наконец, на серию «Успехи добродетели и порока» (E. 188) в Геттингенском Карманном Календаре за 1778 год. Относительно первой серии с Kaemmerer'ом можно согласиться: она действительно представляет собою оригинальное создание Ходовецкого, послужившее даже, поэту Хакену (L. Haken) как тема для вдохновленного им рассказа. Что касается двух других примеров, то их, конечно, следует признать неудачными, ибо указанные работы художника как раз наименее интересны и самостоятельны. Как показывает вся совокупность его работ, костюм никогда не имел для него самодовлеющего значения, но лишь значение известного аксесуара, придававшего большую жизненность и верность изображаемым жанровым сценам, где центр тяжести всегда лежит не в обстановке, но именно в действии; трудно поэтому предположить, чтобы «модные картинки» для Геттингенского Календаря были им выполнены по собственной инициативе. Еще менее, конечно, свойственна Ходовецкому нравоучительная тенденция последней серии, чрезвычайно далекая от его обычного реалистического об'ективизма и внушенная ему, по всей вероятности, автором сопровождавшего ее текста, Георгом Христофом Лихтенбергом (1742—1799).

[2]) Oettingen, 204.

[3]) Georg Christoph Lichtenberg род. 1742 в Оберрамштадте, ум. 1799 в Гёттингене, автор многочисленных газетных и журнальных статей и заметок (1775-1785), собранных уже после его смерти, а также неоконченного труда о гравюрах *Гогарта*, изданного в 1794-1799 годах. Vilmar. Geschichte der deutschen National—Literatur. Marburg und Leipzig 1883. S. 540. Anm. 289.

[4]) Vogt und Koch, 535.

[5]) Oettingen, 204.

[6]) Servières, 385.

оригинальном эстампе „Паломничество в Бухгольц“ (Wallfahrt nach Buchholz) 1775 года. Все эти работы Ходовецкого были, несомненно, известны *Лихтенбергу*; больше того—именно в отношении к *Гогарту* между писателем и художником легче всего могла быть найдена точка соприкосновения и верный путь для дальнейшего сближения. Ходовецкий как известно, был очарован *Гогартом*[1])—и несмотря на глубокое различие в критическом отношении к предметам восприятия и изображения, несмотря на то, что Ходовецкому совершенно не была свойственна характерная гогартовская черта несколько мрачной и тяжелой сатирической горечи,—он все же во многом—и в выборе известных сюжетов и в их обработке, даже в изобразительной манере, в стиле и композиции,—в течение долгого времени испытывал несомненное его влияние. Что же касается *Лихтенберга*, то проведя долгое время в Англии, он кажется и вообще был поклонником всего английского [2]),—к Гогарту же в частности, относился с особым интересом и повышенным вниманием, сделав его художественную деятельность предметом специального своего изучения в большой, оставшейся незаконченной[3]), работе «Подробное раз‘яснение гогартовых гравюр», вышедшей в свет в 1794-1799 годах и бывшей его последним трудом [4]). Вполне возможно, таким образом, что именно в процессе этой работы,—или даже в ее подготовительной стадии, при рассмотрении предположенных к описанию гравюр прославленного лондонского сатирика,—заметив сходство и некоторое внутреннее сродство своего собственного прихотливого и остро-иронического стиля с соответствующей изобразительной манерой художника, *Лихтенберг* впервые мог напасть на мысль о желательности сотрудничества с Ходовецким—в известной степени и в некоторых отношениях конгениальным *Гогарту* и близким ему по духу,—при этом к тому же художником глубоко национальным, могущим сыграть для Германии такую же роль, какую *Гогарт* сыграл для Англии, и стать для писателя деятельным помощником в деле борьбы с недостатками и пороками современного им обоим немецкого мелко-буржуазного общества. За неимением точных данных мы можем, конечно, только догадываться об этих и им подобных мотивах, заставивших *Лихтенберга* привлечь Ходовецкого к участию в Гёттингенском Календаре; но как бы то ни было, однако,—желанное сотрудничество писателя и художника было фактически осуществлено начиная с 1778 года, т. е с первого же года, когда *Лихтенберг* взял на себя редактирование Гёттингенского издания. В этом году появилась серия «Успехи добродетели и порока» (Fortgang der Tugend und des Lasters. E. 188); несколько позже—«Естественные и принужденные действия человеческой жизни» (Natürliche und affektierte Handlungen des menschlichen Lebens. E. 256); в 1780 году «Orbis pictus» (E. 368) [5]); все эти серии, где меткий резец Ходовецкого стройно и в полном согласии сочетался с острым пером *Лихтенберга*, стали одною живой и остроумной сатирой на современные нравы, до известной степени выполняя намерения *Лихтенберга*, желавшего «придти на помощь убожеству современных драматических писателей актеров и художников, чтобы собрать и изобразить самые примечательные черты из всяческих случаев бюргерской жизни»[6]).

---

[1]) Servières, 385.

[2]) См. Adolf Bartels. Geschichte der deutschen Litteratur. Leipzig 1909. I B. S. 289.

[3]) Vilmar. S. 540 Anm. 289.

[4]) Vogt und Koch, 535.

[5]) Предисловием к нему был «Трактат о прислуге» (Abhandlung über die Bedienten) *Лихтенберга*, иллюстрированный Ходовецким в Göttingischer Magazin der Wissenschaften за 1780 г. Kaemmerer, 64-65. См. также Robert Koenig. Deutsche Litteraturgeschichte. Bielefeld und Leipzig 1883. S. 414.

[6]) Kaemmerer, 64.

Намеченная Лихтенбергом такого рода художественная программа определялась, конечно, соответствующим направлением общественных интересов; однако, желая удовлетворить этим интересам в полной мере, ею одной нельзя было ограничиться. Сложная и стремительная эпоха Sturm- und Drang'а не отличалась устойчивостью общественных движений, сменявших друг друга с калейдоскопическою изменчивостью и разнообразием. Есть основания думать, что Лихтенберг особенно внимательно следил за этими сменами, стараясь, преимущественно пред другими изданиями, сделать к ним наиболее отзывчивыми страницы Гёттингенского Календаря. Некоторые письма Дитериха к Ходовецкому ясно показывают, что далеко не последнее место оставалось при этом за выбором иллюстративного материала, намечаемого в соответствии с требованиями данного момента. Так, однажды, в течение долгого времени *Лихтенберг* старался найти „интересную идею" для иллюстраций, считаясь при этом, очевидно, с наиболее распространенными современными вкусами; сообщая Ходовецкому в одном из писем некоторые его соображения по этому поводу, Дитерих приходит к мысли о необходимости резких противопоставлений, изображения крайних противоположностей: спокойной, обыкновенной человеческой фигуре нужно противопоставлять другую, находящуюся в состоянии возбуждения или аффекта; рядом с ординарными, ничем не выдающимися лицами всегда помещать красивые лица или фигуры, «чтобы таким путем—добавляет он—в равной мере доставить удовольствие как зрению, так и покупателям»[1]). Вышеупомянутая серия „Natürliche und affektierte Handlungen des menschlichen Lebens." (E. 256) всецело явилась, таким образом, выполнением замысла *Лихтенберга*, порожденного, в свою очередь, только лишь текущими потребностями литературного и художественного потребителя.

Явная тенденция к своевременности и злободневности особенно ясно обнаруживается в Гёттингенском Календаре начиная с 1784 года, когда вослед за иллюстрациями к «Зигфриду фон Линденберг» *Мюллера* (E. 480,487—490) [2]), в течение следующих четырех лет одна за другой последовательно появлялись серии иллюстраций к комедиям и драмам *Шекспира*[3]): в 1785 году «Макбет» (E. 514), в 1786—«Генрих IV» (E. 539) в 1787—«Виндзорские кумушки» (E. 568) и, наконец, в 1788—«Буря» (E. 583) [4]). Трактовка этих сюжетов, действительно, являлась глубоко уместной и своевременной. Известно, какую громадную роль сыграло влияние Шекспира в культурной и литературной истории Германии 18-го столетия: под знаком неизменного увлечения Шекспиром и восторженного восхваления его неподражаемых образцов в большей части своей протекло развитие немецкой романтической литературы и театра, и порожденные этим увлечением сложные культурные и художественные явления уже неоднократно были предметом особых исследований[5]). Первые следы английского влияния в Германии замечаются еще в 1739 году, на что указывает *Готшед* в письме своем к *Бодмеру*, отмечая, что «англичане, повидимому, должны скоро вытеснить французов из Германии», и придавая этому факту, очевидно, большое значение в деле борьбы со все возрастающей «французоманией» и обновления немецкой литературной и театральной жизни новыми оздоровляющими течениями, идущими на

---

[1]) Oettingen, 285, Anm. 12 (zu S. 206).

[2]) Иллюстрации эти появились предварительно в лейпцигском издании романа 1783 г. Müller. Siegfrid von Lindenberg. Leipzig 1783.

[3]) Oettingen, 205.

[4]) Kaemmerer, 62.

[5]) См. R. Genée. Geschichte der Shakespeareshen Dramen in Deutschland. Leipzig 1870. M. Joachimi-Dege. Deutsche Shakespeare-Problem im 18 Iahrh. und im Zeitalter der Romantik. 1907.

смену искусственному и лживому пафосу ложноклассицизма[1]). Несколько позже, в 1743 году, семнадцатилетний Ходовецкий, приехав в Берлин, только лишь начинал свою художественную карьеру; таким образом, вся его художественная деятельность с самого начала протекала в несколько освеженной атмосфере, чем, быть может, и об'ясняются его натуралистические тенденции и некоторая близость к *Гогарту*, на которую мы уже указывали, пришедшая на смену испытанному первоначально французскому влиянию. Однако, прямого влияния Шекспира в эту эпоху мы еще не усматриваем: Германия с ним не была еще знакома, если не считать тех немногочисленных драм, которые еще в 17-м столетии, в сильно искаженном виде, исполнялись иногда передвижными английскими труппами, и небольшого отрывка из «Юлия Цезаря», изданного в 1741 году в переводе *Каспаро Вильгельма фон-Борка*[2]). Первое непосредственное знакомство Германии с Шекспиром относится к эпохе шестидесятых годов 18-го столетия: именно начиная с 1760 года ослепительное богатство шекспировского искусства, его удивительная натуралистическая сила жизненных изображений и редкий талант нахождения и созидания действительно трагических ситуаций—впервые находят себе в литературной Германии должную оценку, постепенно становясь общепризнанным образцом, достойным изучения и подражания[3]), довольно далекого, впрочем, от блестящих совершенств оригинала. «Тень Шекспира,—по выражению *Вильгельма Шерера*,—с этого времени упала на Германию»[4]). К этому периоду относится первый перевод 22 драм Шекспира на немецкий язык, сделанный *Христофом Мартином Виландом* (1733—1813) за время с 1762 по 1766 год, и несколько позже—в 1775—77 годах—исправленный и дополненный *Иоганном Иоахимом Эшенбургом* в его полном переводе всех драм Шекспира. Именно этот текст в течение долгого времени царил на германской сцене, будучи положен в основу переделки «Гамлета» *Вильгельма Мейстера*, и неизменно принимаясь в рассчет при постановках шекспировских пьес даже тогда, когда на смену ему пришел гораздо более совершенный в литературном отношении классический стихотворный перевод *Вильгельма Шлегеля* (1797—1801)[5]). И с этим же текстом, конечно, пришлось иметь дело и Ходовецкому в его работе по иллюстрированию Шекспира. Вернее, даже, не с самым текстом, но лишь с его сценической интерпретацией, которая, повидимому, по большей части ложилась в основу для всех иллюстраций, делавшихся Ходовецким к произведениям драматической литературы.

В сущности, по природе, Ходовецкий вовсе не был иллюстратором; он совершенно не обладал необходимой для этого способностью—проникаться и увлекаться чужими идеями и замыслами, отчетливо воспринимать литературные формы в качестве носителей известного изобразительного начала, и мысленно воссоздавать со всею ясностью оформления точные характеристики литературных типов и образов и сложность драматических ситуаций. В его художественном характере меньше всего можем мы обнаружить элементы изобразительной фантазии, ибо реальное жизненное бытие всецело определяло его художественное сознание. Врожденный «инстинктивный реализм» Ходовецкого, о котором говорит Kaemmerer[6]), направлял его к точному, любовному наблюдению жизни и всего, что творится вокруг; и все искусство его, по замечанию *Мутера*, было проникнуто «наивным желанием истин-

---

[1]) Vogt und Koch, 436.

[2]) Ibid., 438.

[3]) Oskar Walzel. Deutsche Romantik. Leipzig 1912. S. S. 149—150.

[4]) Wilhelm Scherer. Geschichte der deutschen Literatur. Berlin 1910 S. 276.

[5]) Vogt und Koch, 529—530; также Vilmar, 365.

[6]) Kaemmerer, 103.

художника—претворять в картины все то, что он видел»[1]). В этих пределах—реально существующего и видимого—замыкался весь круг сюжетов, доступных его художественному пониманию и выражению; и поскольку воля художника по большей части согласуется с его художественной потенцией и ею в известной степени определяется,—постольку *вне этих пределов* Ходовецкий неизбежно обнаруживает свое безсилие. По всей вероятности, он сам это сознавал; быть может, его желание изображать и претворять в художественные образы явления окружающей реальной действительности было не столь наивно, как это думает *Мутер*, но явилось лишь результатом того основного свойства его художественной природы, что только лишь реальное и видимое могло вообще быть предметом его художественной интерпретации, что он *мог изображать только то, что он видел*, только лишь результаты своих непосредственных наблюдений и зрительных восприятий. Именно поэтому—как справедливо отмечает *Верман*,—в своем искусстве «он следовал природе и жизни, наблюдая их остро и правдиво; он следовал духу своего времени, действительно гениально запечатленному в его работах; он следовал, наконец,—собственному чувству, которое было в то же время (поскольку художник стоял в самой тесной связи и с жизнью и с классом, к которому он принадлежал)—простым немецким народным чувством»[2]) Такого рода свойства, однако, именно в области иллюстрации должны были обусловить собою чрезвычайно характерное своеобразие Ходовецкого. Действительно, никто другой в этой области не представляется нам столь изменчивым, столь непостоянным и неровным, как бы колеблющимся между двумя противоположными полюсами,—то подымающимся до необычайной изобразительной силы и выразительности,—то снова падающим к холодному равнодушию и несомненной, плохо скрываемой слабости. Причины таких колебаний совершенно ясны: Ходовецкий был слишком законченной, ясной и самобытной художественной индивидуальностью для того, чтобы быть в состоянии в силу внешних воздействий изменять и варьировать раз навсегда установленные формы своего изобразительного стиля. За исключением *Шардена* и *Гогарта* рядом с ним невозможно назвать ни одного художнического имени[3]). Он мог исполнять чужие желания—даже в том случае, если они противоречили его собственным; но он не мог подчиняться чужому влиянию и хотя бы на мгновение переставать быть самим собою. Отсюда вытекает та характерная двойственность, которой отмечена его иллюстративная деятельность. Действительно, мы здесь должны различать две резко выраженные и глубоко друг от друга отличные категории его работ: с одной стороны, те из них, в исполнение которых он вкладывал весь свой энтузиазм и любовь, все обильные силы своего художественного таланта; с другой же стороны—работы иного рода, о которых он сам говорил: «Ich mache, was man mir in Auftrag gibt, und lasse die anderen reden», которые он выполнял без всякого увлечения, повинуясь требованиям момента и обстоятельств, а не велениям собственной творческой воли[4]). Первые случаи были возможны тогда, когда наличие известного органического сродства и внутреннего соответствия между данным писателем и художником, обусловливало собою не только выбор сюжетов, в равной мере близких по духу как тому, так и другому,—но и одинаковую степень возбуждаемого ими в том и другом внимания и напряженного художественного интереса. Ходовецкий, как иллюстратор, становился тогда деятельным и конгениальным сотрудником иллюстрируемого писателя, находя в изображаемых им типах и характерах, в разрабатываемых им темах, и в создаваемых им ситуациях—те же жизненные, бытовые и национальные.

---

[1]) Richard Muther. Geschichte der Malerei im XIX Jahrhundert. I B. S. 89

[2]) Верман: История искусств. Т. III. стр. 636.

[3]) Muther, I, 88.

[4]) Kaemmerer, 97—98.

черты, которые всегда являлись предметом его художественного изображения. Он мог тогда не отказываться от обычной своей манеры—давать художественное воплощение лишь непосредственным зрительным восприятиям,—и в тех же постоянных, беглых своих наблюдениях: дома, на улице, в различных общественных местах—он мог найти необходимые формы и образы, которые лишь комбинировались и компоновались в соответствии с данным иллюстративным заданием, т. е. следуя как общему плану, так и частностям иллюстрируемой литературной композиции. Такого рода работа непосредственно увлекала художника; текст и рисунок взаимно дополняли друг друга, и тот и другой, хотя и различными художественными языками, говорили об одном и том же, рассказывали одно и то же жизненное повествование, которым авторы того и другого, т. е. писатель и иллюстратор, в равной мере глубоко были захвачены и одинаково искренно взволнованы. В этих случаях —Ходовецкий вполне на высоте положения: он равносилен и равноценен писателю, как, напр., в вышеупомянутых иллюстрациях к *Лессингу* («Минна фон-Барнгельм». 1770. E. 51, 52), или к «Басням» *Геллерта* (1776—77. E. 141 и 160); иногда же, он даже превосходит писателя в изобразительной силе и отчетливости выявления известных сюжетов,—и тогда литературное произведение, как напр. «Зебальдус Нотанкер» *Николаи*, только лишь благодаря сопровождающим его иллюстрациям Ходовецкого (1774—76. E. 101, 102, 104, 132, 157) приобретает свой законченный смысл, а также получает ценность и значение.

Вторая категория иллюстраций носит совершенно иной характер. Требования литературного сюжета и текста находятся здесь в явном противоречии с основными устремлениями художника,—и в каждом отдельном случае, в той или иной мере, здесь налицо известное столкновение противоположных художественных интересов, из которого далеко не всегда интерес иллюстрируемого писателя выходит победителем. Ходовецкий же ищет известного компромисса, стараясь уступить определенным, извне поставленным требованиям, т. е. исполнить данный „заказ",—в то же время, по возможности, не поступаясь ни в чем своими собственными художественными навыками и традициями, которые чрезвычайно часто идут в разрез с общим духом и смыслом иллюстрируемого литературного произведения, остающегося ему глубоко чуждым, и по существу совершенно его не затрагивающего. Так было в тех случаях, например, когда *Лихтенберг* на страницах Геттингенского Календаря воплощал свои нравоучительные тенденции, а Ходовецкий, вовсе не желавший ни поучать, ни выражать какую нибудь идею, ни быть сатириком, ибо самый характер его искусства как бы исключал всякую возможность проповедничества[1]),—сопровождал его литературные опыты в этом направлении незначительными и бледными рисунками, вроде вышеупомянутой серии «Fortgang der Tugend und des Lasters» (1778. E. 188), в которых мы лишь с большим трудом узнаем работу живого и талантливого берлинского мастера. Мы уже указали, что выбор тем в данных случаях определялся известным уклоном общественных вкусов и настроений, бывших предметом особого внимания со стороны деловитого и чуткого *Лихтенберга*. Роль Ходовецкого сводилась здесь, таким образом, только к тому, чтобы по возможности удовлетворять тем или иным общественным интересам, находившим себе выражение в соответствующих литературных склонностях. Однако нельзя забывать постоянной тесной связи художника с той средой, для которой он исключительно работал. „Он сам принадлежал к среднему классу, замечает *Мутер*,—и для него писал; своим тонким и быстро схватывающим резцом он создал неистощимую живую хронику немецкой бюргерской жизни своего времени»[2]). Это замечание остается верным даже в отно-

[1]) Muther, 89.

[2]) Ibidem, 88—89.

шении к тем работам, где самый сюжет и характер чужд ему и не свойственен, где чувствуется влияние таких настроений, которые его собственным были абсолютно противоположны; ибо все-таки и в этих случаях Ходовецкий неизменно остается верным барометром общественной атмосферы и в характерных, конкретных, «обратных»—если можно так выразиться—изображениях запечатлевает самую сущность тех или иных культурных движений и те своеобразные формы, в которых преломлялись и воспринимались некоторые извне приходящие и органически чуждые влияния, распространявшиеся в Германии во второй половине 18-го столетия. Именно в этом смысле такого рода работы имеют для нас самостоятельное значение, не меньшее, чем блестящие достижения первой категории иллюстраций. И в частности, интересующие нас иллюстрации Ходовецкого к Шекспиру именно с указанной точки зрения могут для нас представлять значительный интерес и ценность, в качестве прекрасного материала для правильной оценки влияния шекспировской поэзии в эпоху Sturm und Drang'а и в немецкой романтической литературе.

Это влияние, все возраставшее начиная с 1760 года, во многих отношениях наложило свой отпечаток прежде всего на облик немецкого театра. Еще в 1741 году появление вышеупомянутого отрывка из «Юлия Цезаря» в переводе *фон-Борка*, о котором, имея даже лишь смутное вообще представление о Шекспире, с большой похвалой отозвался *Бодмер*, могло, по мнению некоторых историков литературы, грозить серьезной опасностью достигнутому с таким трудом господству правильной трагедии, бывшему результатом энергичной деятельности Готшеда и его сподвижников: похвальный отзыв *Бодмера* о Шекспире знаменовал собою известный перелом в умах и в направлении художественных вкусов образованной части общества, уже не удовлетворявшейся, очевидно, условностями французской трагедии[1]). Однако, этот первый знак иных настроений еще не повлек за собою никаких реальных последствий. Но несколько позже, в 1759 году, движение обозначилось уже со всею определенностью. В этом году впервые познакомившийся с Шекспиром *Лессинг* (1729—1781) выставил в «Письмах о новейшей литературе»[2]) тезис, который впоследствии он защищал в «Гамбургской драматургии»: он утверждал, что «*Готшед* должен был преобразовать немецкий театр не по Корнелю и Расину, которые чужды немецкому духу, но по Шекспиру, который гораздо ближе к образцам древних, чем французы». Упрек этот, правда, в то время уже несколько запоздал, ибо вопреки усилиям *Готшеда*, историческая эволюция немецкого театра уже пошла тогда соответствующим путем,—однако, выступление *Лессинга* дало толчок дальнейшему движению, которое с 1760 года стало возможным и необходимым. И *Лессинг* попытался подтвердить свою мысль примером, опубликовав одну сцену из собственной драмы о Фаусте, которая, к сожалению, осталась незаконченной[3]).

В течение следующего десятилетия в ходе развития немецкой драмы шел некоторый подготовительный процесс. Хотя, по выражению одного из историков,—*Лессинг* в „Гамбургской драматургии“ и вызвал впервые тень Шекспира, чтобы смерить по ней рост Корнеля, Вольтера, Кронегка и Вейсе,—однако, долгое время еще не было вслед за тем совершено попытки приблизиться к свободному и великому ходу шекспировской трагедии, за исключением разве лишь *Герстенберга*, желавшего использовать—не отказываясь, впрочем, от французских форм с единством места, времени, и действия—некоторые шекспировские эффекты в своей трагедии «Уголино», по-

---

[1]) Vogt und Koch, 438.

[2]) «Письма» выходили каждый четверг, начиная с 4-го января 1759 по 4 июля 1765 в берлинском книгоиздательстве *Николаи*. Vogt und Koch, 502.

[3]) Ibid., S. 503.

явившейся в 1768 году. И только, наконец, лишь *Гёте* под свежим впечатлением Шекспира, которого он изучил под руководством *Гердера* в Штрасбурге, совершил решительный разрыв с ложно-классической драмой, закончив в 1771 году свою «Историю Готфрида фон-Берлихингена с железной рукой, в драматической обработке», которая впоследствии была переделана и издана под новым заглавием: «Гец фон-Берлихинген с железной рукой. Драма» в 1773 году[1]). В октябре того же 1771 года во Франкфурте с большою торжественностью был отпразднован шекспировский юбилей, где Гёте выступил с програмною речью, самым энергичным образом протестуя против французского подражания греческой трагедии, и выставляя Шекспира, как высший драматургический идеал: «Shakespeares Theater,—говорит он,—ist ein schöner Raritätenkasten, in dem die Geschichte der Welt vor unsern Augen an dem unsichtbaren Faden der Zeit vorbeiwallt.—Er wetteiferte mit dem Prometheus, bildete ihm Zug vor Zug seine Menchen nach, nur im kolossalischer Grösse; darin liegt's, dass wir unsere Brüder verkennen; und dann belebte er sie alle mit dem Hauch seines Geistes, er redet aus allen und man erkennt ihre Vervandschaft"[2]). В этих словах уже со всей несомненностью обнаруживается наличие того, «шекспировского энтузиазма», который со всей полнотою выявился впоследствии в литературной деятельности *Вильгельма Шлегеля и Тика*, но уже начиная с 1771 года неоднократно находил отчетливое свое выражение как в общем уклоне немецкой драматургии, постепенно восходившей к шекспировскому идеалу, так и в отдельных моментах развития немецкого драматического искусства—в заимствованиях, в подражаниях, наконец,—в шекспировских постановках. В семидесятых годах шекспировское движение, таким образом, представлялось вполне установившимся и реальным фактом текущей художественной жизни, с которым приходилось считаться, и на который должны были в той или иной мере отзываться все повременные издания и все близкие к общественной жизни и культурным ее движением литературные и художественные деятели,—в том числе, конечно, и Гёттингенский Карманный Календарь в лице *Лихтенберга* и его неизменного сотрудника *Ходовецкого*.

Если мы остановились несколько подробно на вышеизложенных воспоминаниях некоторых страниц из истории немецкого театра,—то прежде всего потому, что именно в этой плоскости, в первую очередь, нам надлежит искать в достаточной мере случайных и странных связей, соединяющих Ходовецкого с Шекспиром. Действительно, для всякого, знакомого с творчеством Ходовецкого в общих и наиболее характерных чертах, самое сопоставление этих двух имен должно казаться до последней степени неожиданным. Несомненно, что Ходовецкий по собственной инициативе никогда не пришел бы к мысли об иллюстрировании Шекспира, и только лишь совокупность чисто внешних, вышеизложенных нами причин могла побудить его к этой работе. При этом, конечно, резкое противоречие между шекспировским духом и собственным художественным его характером явно обнаруживается и в самых иллюстрациях, где всюду чувствуются,—по выражению Kaemmerer'а,—те путы чужого сюжета, которые сковывали художника, внутренно остававшегося глубоко чуждым бурным страстям и пламенным порывам «великого британца»[3]). И вместе с тем совершенно естественно, что при выполнении этой заказанной, извне навязанной ему работы, Ходовецкий невольно искал тех условий, которые могли бы ему облегчить ее, свести до минимума необходимость столь мало свойственного ему, как это нами было указано, напряжения и проявления творческой фантазии, стараясь заменить их, по возможности, непосредственными зрительными восприятими, наиболее часто и всегда успешно

---

[1]) Ibid., 605—606.

[2]) Robert Koenig. Deutsche Litteraturgeschichte. Bielefeld und Leipzig 1883. S. S. 431—432.

[3]) Kaemmerer, 62.

ложившимися в основу его искусства. И эти условия были им, повидимому, найдены именно в современном ему театре. Есть основания предполагать что иллюстрации Ходовецкого к Шекспиру, а также и к некоторым другим произведениям драматической литературы,являются, скорее, лишь иллюстрациями к соответствующим, современным художнику постановкам, которые и давали ему в значительной мере непосредственный образный материал; относительно некоторых шекспировских серий это уже доказано; другие, в том числе и «Буря», лишь ждут своей разработки, в равной мере имеющей значение как для истории гравюры, так и для истории театра. Именно со второй точки зрения, между прочим, к разработке этого вопроса подходит в настоящее время германская наука в лице Voelcker'а, недавно опубликовавшего свое исследование об иллюстрациях Ходовецкого к «Гамлету»[1]),—серии наиболее важной также и для характеристики приемов художника в истории его шекспировских иллюстраций, которую мы не можем оставить без внимания, придерживаясь, даже, несколько отличной от Voelcker'а точки зрения.—

В 1778 году Ходовецкий впервые столкнулся с Шекспиром, именно в виде сценического впечатления, полученного от постановки «Гамлета» в «Берлинском театре» с *Брокманом* в заглавной роли, прошедшей с громадным успехом, и бывшей некоторым весьма значительным театральным и литературным событием, вполне соответствующим общему настроению берлинской публики, уже совершенно вошедшей в то время во вкусы второго периода эпохи Sturm und Drang'а, чрез юношеские драмы Шиллера и гётевского «Геца фон-Берлихингена» упорно восходившего к Шекспиру, как к некоей высшей вершине[2]). Это первое шекспировское впечатление, и именно в сценическом его воплощении, в том же 1778 году послужило основой для двух рисунков к «Гамлету» (Е. 213 и 214), появившихся в виде художественного дополнения к двум статьям, посвященным сценическому искусству *Брокмана*, на страницах „Литературной и театральной газеты"[3]); и из него же впоследствии выросла серия из двенадцати иллюстраций к «Гамлету» (Е. 252) в Берлинском Генеалогическом Календаре за 1779 год. В данном случае, таким образом, наличие театрального влияния на иллюстратора является совершенно несомненным; но даже, однако, и в том случае, если бы мы не обладали по этому вопросу указанными фактическими сведениями,—мы чрезвычайно легко могли бы установить этот факт хотя бы по одному лишь мелкому признаку—чрезвычайно неудачному и несоответствующему характеру роли гриму *Брокмана*, который в рисунках Ходовецкого к «Гамлету» оказался запечатленным со всею свойственной художнику мелочно-педантической добросовестностью[4]).

Так или иначе, однако, но этого во всяком случае совершенно достаточно для того, чтобы мы имели право искать следов театральных влияний также и в более поздних шекспировских иллюстрациях Ходовецкого, непосредственная связь которых с театром еще не установлена с окончательной достоверностью. Одна из наших задач по отношению к «Буре» сведется, таким образом, к отысканию и показанию этой связи, поскольку это окажется возможным на основании данных, заключающихся непосредственно в художественных формах, рассматриваемых как в отношении к обычным характерным приемам и постоянной манере художника, так и в отношении к шекспировскому тексту.

---

[1]) Voelcker. Die Hamlet-Darstellungen D. Chodowiecki's und ihr Quellenwert für die deutsche Theatergeschichte 18 Jahrhunderts. Leipzig 1918.

[2]) Oettingen, 201–206.

[3]) «Litteratur-und Theaterzeitung» за 1778 год. Kaemmerer, 61.

[4]) Ibid.

В шекспировском цикле Ходовецкого серия из 12 иллюстраций к «Буре» занимает несколько особое место. С 1779 года—т. е. года появления иллюстраций к «Гамлету» в Берлинском Генеалогическом Календаре—по 1785 год Ходовецкий совершенно не соприкасается с Шекспиром; начиная же с 1785 года в течение четырех лет, как это нами уже было указано, на страницах Геттингенского Карманного Календаря последовательно появляются четыре серии: «Макбет» (Е. 514), «Генрих IV» (Е. 539), «Виндзорские кумушки» (Е. 568) и «Буря» (Е. 583); кроме того, в 1787 году наряду с «Виндзорскими кумушками» в Лауенбургском Генеалогическом Календаре (Genealogischer Kalender von Lauenburg) появляется серия из 7 иллюстраций к «Кориолану» (Е. 571). Таким образом, иллюстрации к «Буре» по времени являются наиболее поздней серией в шекспировском цикле и, следовательно, в наибольшей полноте и законченности обнаруживают в себе те характерные черты и особенности, которые отличают деятельность Ходовецкого по иллюстрированию произведений Шекспира. Кроме того, если верно высказанное нами предположение о театральном влиянии,—то в этом случае указанная серия приобретает еще особый интерес в силу некоторых привходящих обстоятельств: действительно, в одном отношении иллюстрации к «Буре» несколько отличаются от всех остальных шекспировских серий Ходовецкого: в подходе к „Буре" как самому Ходовецкому, так, очевидно, и немецкому театру 80-х годов 18-го столетия пришлось столкнуться с особой, чрезвычайно трудной проблемой, попытки к разрешению которой с характерной ясностью обнаруживают для нас художественный и культурный облик соответствующей эпохи; проблема эта заключается в причудливой и контрастной шекспировской фантастике, дыханием которой овеяна «Буря», в странном сплетении с самым острым жизненным реализмом. Глубоко чуждый по собственному складу характера всякой фантастике, Ходовецкий, без всякого сомнения, должен был здесь испытать величайшие трудности, явными следами которых с достаточной ясностью отмечена большая часть его рисунков; в результате—до последней степени характерная неожиданность большей частью неудачных образов, а также и совершенно необычная, столь же неожиданная техника тех гравюр, где в общую композицию включен необходимый, соответственно сюжету, фантастический элемент,—при самом беглом просмотре серии с первого же вгляда бросается в глаза, сразу приковывая к себе наше особое внимание.

Пользовался ли при этом Ходовецкий *непосредственно* сценическим впечатлением от *постановки* «Бури» или же нет—в данном случае, кажется нам, не имеет особо существенного значения. Просматривая всю совокупность работ Ходовецкого, мы в них нигде не находим следов фантастического элемента [1]). Трудно, следовательно, предположить, чтобы не имея никаких образцов в своем предшествующем творчестве, Ходовецкий смог при создании иллюстраций к «Буре» обойтись без каких либо вспомогательных средств в виде тех или иных впечатлений извне и непосредственных зрительных восприятий. В правильности этого соображения нас убеждают еще и те значительные несоответствия между образами Ходовецкого и некоторыми шекспировскими ремарками, а часто даже и самым ходом действия драмы, которые в дальнейшем будут нами указаны при более подробном анализе отдельных гравюр. По всей вероятности, образы *Ариэля*, *Калибана*, а также и других фантастических персонажей шекспировской драмы, не были плодом оригинального творчества иллюстратора, основанного на непосредственном изучении шекспировского текста, но были срисованы им с соответствующих сценических изображений указанных или аналогичных фигур—может быть непосредственно при постановке «Бури» на сцене, а

---

[1]) За исключением лишь эстампа «Wercke der Finsternis» 1781 года (Е. 394) и некоторых других не столько фантастических, сколько аллегорических сюжетов, как, напр., Е. 46, Е. 460 и Е. 661, о которых речь будет ниже.

может быть и при каких либо иных постановках таких пьес, где было наличие фантастического элемента. Возможно даже, что и не только сценические впечатления легли в основу графичеекого изображения указанных образов, но вместе с ними и некоторые художественные реминисценции, т. е. влияние тех или иных живописцев, граверов и рисовальщиков, как современных Ходовецкому, так и старых, с работами которых, будучи, как известно, страстным коллекционером [1]), он был внимательно и хорошо знаком.—Но так или иначе, во всяком случае при любом разрешении данного вопроса мы остаемся в праве видеть в иллюстрациях к «Буре» не только показатель индивидуального подхода художника к шекспировской теме, но так же и памятник более широкого значения, характеризующий вкусы и склонности данной эпохи и данного класса, преломленные в понимании сюжета, органически чуждого, но соответственным образом, применительно к этому пониманию, обработанного. И в этом мы должны искать об'яснения тех многочисленных особенностей и характерного своеобразия, как в выполнении, так и в распланировке иллюстративного материала, которые могут быть нами обнаружены в порядке последовательного рассмотрения и анализа отдельных номеров настоящей серии.

(*Продолжение следует*).

---

[1]) Им была собрана богатая коллекция гравюр, преимущественно 17 века, а также рисунков старых мастеров, среди которых имеются работы Рембрандта, Рубенса, Веронезе, Воувермана и др. Общее количество собранных им гравюр и рисунков превышает десять тысяч. Kaemmerer, 130.

Л П. РОЗАНОВ.

Действие крови, как пищевого материала, на деятельность пепсиновых желез.

(*Предварительное сообщение.*)

Работа эта, начатая в августа 1922 года в Петрограде по предложению профессора И. П. Павлова в заведуемой им физиологической лаборатории Института Экспериментальной Медицины, еще не закончена и продолжается мною в заведуемой мной физиологической лаборатории Белорусского Государственного Университета. Тем не менее уже получены некоторые данные, имеющие большой интерес. Описываемые опыты произведены в Петрограде на собаке «Гейша», имевшей маленький желудок по способу проф. И. П. Павлова.

Целью опытов было, во первых, выяснить способность крови, принятой в желудок, вызывать секрецию желудочного сока. В этом отношении уже исследовано множество сортов пищевых веществ, но кровь до сих пор не исследовалась, хотя это и представляет большой интерес: ведь кровь часто входит в состав нашей пищи.

Оказалось, что кровь вызывает секрецию.

Тогда явился вопрос, не действует-ли она только своей водой? Опыт № 2 показал, что вода вызывает значительно меньшую секрецию, чем кровь.

Далее, беря кровь от лошади и от собаки, мы получили большее отделение сока от собачьей крови, чем от лошадиной, т. е. кровь плотоядных как бы сильнее гонит сок, чем кровь травоядных. Кровь от собак бралась натощак. В следующих опытах кровь от собак была взята в разгар пищеварения, через 2$^1/_2$ часа после обильного кормления их сырым мясом.

Оказалось, что такая кровь слабее действует, выделяется менее желудочного сока, чем от крови голодного животного. Тогда тот же опыт был поставлен в хронической форме: собаки целую неделю обильно откармливались сырым мясом (и в день опыта) и оказалось, что их кровь также слабее вызывает секрецию желудочного сока, чем кровь голодных собак.

Вот протоколы опытов, из которых видны подробности:

Оп. № 1.

^{22}/VIII «Гейше» влито желудочным зондом 100 куб. с. дефибринированной лошадиной крови, свежеполученной пункцией вены у лошади.

До опыта отделение желудочного сока совершенно отсутствовало: в течение $^1/_2$ часа не было ни одной капли и слизь, полученная из маленького желудочка с помощью бумажки, имела щелочную реакцию.

В 1 ч. 47 минут, как сказано, влито 100 к. с. крови.

За первую четверть часа 0.
За вторую 0,3
За 3-ю . . 0,5
За 4-ю . . 0,2
} Итого за 1-й час 1,0

За 1-ю четверть 2-го часа 0,2
За 2-ю 0,2
За 3-ю 0,2
За 4-ю 0,2
} Итого за 2-й час 0,8

За 1-ю четв. 3-го часа 0,1
За 2-ю 0,4
За 3-ю 0,1
} Итого за 3-й час 0,6.

Отделение прекратилось

О п. № 2-й.

²⁵/VIII «Гейше» в 1 ч. 47 м. влито 100 к. с. воды комнатной температуры.

До опыта отделения не было, в желудке была слизь слабо кислой реакции.

Через 13 минут отделилась капля слизи кислой реакции.

За 1-ю четв. часа 0,1
За 2-ю 0,2
За 3-ю 0,2
За 4-ю 0,2
} Итого за 1-й час 0,7

За 1-ю четв. 2-го часа 0, 1
За вторую 0. Отделение прекратилось.

О п. № 3.

27/VIII. В 2 ч. 17 м. влито 100 к. с. дефибринированной лошадиной крови. До опыта отделения не было, в желудочке щелочная реакция.

За 1-ю четв. часа 0.
На 20-й минуте первая капля сока.
За 2-ю 0,2
За 3-ю 0,6
За 4-ю 0,6
} Итого за 1-й час 1,4.

За 1-ю четв. 2-го часа 0,2.
За 2-ю 0. Отделение прекратилось.

О п. № 4.

28/VIII. В желудке щелочная реакция, отделения нет.

В 3 ч. 22 м. влито 100 к. с. дефибринированной крови от голодной собаки.

За 1-ю четверть часа 0.
На 16-й минуте первая капля
За 2-ю—0,6
За 3-ю—1,6
За 4-ю—0,8
} За 1-й час 3,0

За 1-ю четв. 2-го часа 0,8
За 2-ю—0,1
За 3-ю—0,2
За 4-ю—0,4
} За 2-й час 1,5

Оп. № 5.

$^1/_{IX}$. Гейша поставлена в станок, как обычно, в 10 ч. утра, до 11 часов отделилось 0,3 сока со слизью кислой реакции.

От 11—12 часов 3 капли слизи.

Реакция в 12 часов нейтральная.

До 1 часа отделения не было, в трубке немного слизи, реакция щелочная.

За полчаса до половины второго отделения не было.

В 1 ч. 30 мин. влито 100 к. с. свежей собачьей дефибринированной крови, по 10 к. с. осталось в зонде и влито, т. обр., всего 90 к. с. Кровь была взята из art. femoralis собаки натощак.

За 1-ю четв. часа 0.
На 20-й минуте первая капля.
За 2-ю—0,6
За 3-ю—1,0
За 4-ю—0,4
} За час 2,0

За 1-ю четв. 2-го часа 0,4
За 2-ю—0,2
За 3-ю—0,1
За 4-ю—1 капля слизи
} За 2-й час 0,7

За 1-ю четв. 3-го часа 0, реакция в желудке нейтральная.

Оп. № 6.

$^{10}/_{IX}$ (сравн. оп. $^{28}/_{VIII}$). Гейша поставлена в станок, как обычно, в 10 ч. утра. До 11 ч. 30 м. выделилось 2,3 к. с. сока со слизью кислой реакции.

С $11^1/_2$ ч. до 12—3 капли слизи. Реакция в 12 ч. слабо кислая.

До 1 часа отделения не было. Реакция нейтральная.

До 2-х часов отделения не было. Р. нейтральная.

В 2 ч. 45 м. реакция щелочная.

В 2 ч. 45 м. влито 100 к. с. дефибринированной крови, взятой у собаки весом 39 ф., у которой брали кровь $^{28}/_{VIII}$, через 2 часа 20 мин. после кормления сырым мясом в количестве $1^1/_2$ фунтов.

За 1-ю четв. часа 0. На 20-й минуте первая капля.
За 2-ю—0,5
За 3-ю—0,9
За 4-ю—0,6
} За час 2,0

За 1-ю четв. 2-го часа 0,5
За 2-ю 0,3 (потеряно 3 минуты, кот. собака капплась)
За 3-ю 0,1
За 4-ю 0,1
} За 2-й час 1,0

За 1-ю четв. 3-го часа 0,1
За 2-ю — — — 0. Отделение прекратилось.

О п. № 7.

12/IX Гейша поставлена в станок, как обычно, в 10 утра.
10—12 отделения нет.
В 12 ч. р. кислая, отделения нет.
12—1 ч. 45 м. отделилось 3 капли щелочной слизи.

В 1 ч. 48 мин. влито 100 к. с. дефибр. крови от собаки после недельного кормления последней сырым мясом. (У этой собаки кровь была взята в опыте 1/IX). В день опыта собака также с'ела 1 ф. сырого мяса за 2½ часа до взятия крови.

Через 9 минут—капля слизи нейтрал. реакции.
В желудочке через 10 мин. кислая р.
Через 12 минут выделилась капля слизи кислой реакции.

За 1-ю четв. 1-го часа 0,1
За 2-ю 0,8
За 3-ю 0,6
За 4-ю . . . . . . 1 капля.
} За час 1,5

За 1-ю четв. 2-го часа 0,1
За 2-ю 0,1
} Итого за 2-й час 0,2

За 3-ю . . . . . 0. Реакция в желудочке слабо-кислая.
За 4-ю . . . . . 0. Реакция » » нейтральная.
Через 5 м. реакция щелочная.

II. Случай исследования спинномозговой жидкости при Encephalitis lethargica на присутствие глюкозидазы.

Я применил исследование на глюкозидазу в одном довольно тяжелом' но окончившемся выздоровлением, случае encephalitis lethargica, имея в виду констатировать наличность или отсутствие при этой болезни указанного фермента, а следовательно и процессов ферментативного расщепления цереброзидов мозговой ткани. Исследование имело интерес в виду редкости болезни, интереса к ней, и произведено впервые, насколько мне известно при этой болезни мною, давая некоторую характеристику происходящим при ней патолого-анатомическим и химическим процессам. Оказалось, что в противоположность различным заболеваниям в центральной нервной системе, сопровождающимся процессами распада, при нашей «сонной болезни» в спинномозговой жидкости глюкозидазы не содержится, т. е. грубых анатомо-патологических изменений или патолого-гистологических изменений, сопровождающихся рассасыванием части нервной ткани, не имеется. Таков результат в моем случае. Спинномозговая жидкость была взята у больной П., поступившей в Иваново-Вознесенскую Чернорабочую больницу 24 февраля 1921 г. в отделение д-ра М. М. Романова, которому здесь приношу благодарность за предоставление случая и истории болезни. Жидкость была взята в разгар болезни, через две недели после начала заболевания, когда все явления со стороны нервной системы были наиболее резко выражены. При этом надо отметить, что хотя сонно-дремотное состояние не покидало больную, однако, когда ее разбудили, она была в состоянии сама сесть и лом-

бальная пункция была произведена в сидячем положении. Заметна была некоторая анельгезия: больная нисколько не реагировала на укол, хотя пришлось колоть два раза, так как при первом уколе игла встретила кость.

Поставленная в термостат жидкость в смеси с однопроцентным раствором амигдалина не вызвала разложения последнего даже через 3 суток.

Литература: *Оссовский И. А.* «Русский Физиологический Журнал имени И. М. Сеченова» 1919 г, т. II.

III. О венечном суставе лошади.

Изучая строение и функции суставов лошади, я проверил на собственном препарате, насколько справедливо можно относить венечный сустав лошади к двух-осевым суставам, как это делает проф. Диссельгорст в своем руководстве по анатомии домашних животных*), где он приводит этот сустав даже в качестве примера двухосевых суставов.

На основании проверки этого, я пришел к заключению, что считать этот сустав двухосевым было-бы ошибочно, так как в нем возможны движения только вокруг одной оси. Форма суставных поверхностей не допускает движения вокруг других осей (в том числе и ротации). По форме сустав является блоковидным гинглимом, т. е. одноосевым суставом и его, следовательно, нельзя приводить в пример двухосевого.

*) Диссельгорст. «Анатомия домашних животных». Русский перевод. стр. 122.

Е. Е. СИРОТИН.

Интегрирование уравнения Riccati вида:

$$y'+y^2+\frac{a}{x}=o$$ *при помощи рядов.*

В некоторых вопросах теоретической физики, напр., при интегрировании уравнений диффузии, теплопроводности и т.д. для некоторых частных случаев, приходится решать уравнение, поставленное в заголовке. Так как вопрос может иметь и самодавляющее значение, то ниже дается решение такого уравнения в виде рядов.

Уравнение Riccati общего вида

$$\frac{dy}{dx}=Py^2+Qy+R \tag{1}$$

может быть, путем соответствующих преобразований, приведено к виду:

$$y'+y^2+f(x)=o \tag{2}$$

где коэффициенты при y' и y^2 равны единице, а $f(x)$ есть какая-нибудь функция независимого переменного (см. напр. лекции проф. Егорова по интегрированию дифференциальных уравнений. Москва 1909).

Некоторые частные виды функции f позволяют произвести интеграцию квадратурами, напр., когда

$$f(x)=x^m$$

если

$$m=\frac{-4i}{2i\pm L},$$

где i—любое целое положительное число.

Если известно одно частное решение

$$y=y_1$$

то уравнение (2) может быть сведено к уравнению Bernoulli вида

$$z'=-2y_1z-z^2$$

подстановкой

$$y=y_1+z$$

а последнее при помощи подстановки

$$z=\frac{1}{u}$$

приводится к линейному уравнению 1-го порядка, которое решается двумя квадратурами.

Предлагаемый метод решения может быть приложен (хотя, в общем случае, и с большими техническими затруднениями) к типу уравнений

$$y' + y^2 + \frac{1}{x} F(x) = 0 \tag{3}$$

Этот тип соответствует случаю, когда в выражение функции $f(x)$ общего уравнения (2) входит множитель $\frac{1}{x}$

$$f(x) = \frac{1}{x} F(x)$$

Функция $F(x)$ имеет весьма общий вид, хотя и подлежит некоторым ограничениям.

Мы рассмотрим здесь только частный случай уравнения (3), когда $F(x)$ постоянно:

$$y' + y^2 + \frac{a}{x} = 0 \tag{4}$$

Предлагаемый метод сводится к нахождению частного решения уравнения (4).

Из общей теории уравнения Riccati известно, что общее решение имеет вид дробно-линейной функции относительно произвольной постоянной C:

$$y = \frac{f_0(x)\, C + f_1(x)}{f_3(x)\, C + f_2(x)}$$

Найдем частное решение y^0, соответствующее значению $C=0$. Оно будет иметь такой вид

$$y_0 = \frac{f_1(x)}{f_2(x)}$$

где, очевидно, одна из функций произвольна, а другая определится уравнением (4).

Подстановка в данное уравнение дает:

$$x f_1' f_2 - x f_1 f_2' + x f_1^2 + f_2^2 a = 0$$

или

$$x f_1 (f_1 - f_2') + f_2 (f_2 a + x f_1') = 0 \tag{5}$$

Пользуясь произвольностью одной из функций f_1 и f_2, берем f_1 в таком виде, чтобы последние скобки обращались в нуль

$$f_2 a + x f_1' = 0 \tag{6}$$

При таком выборе f_1 уравнение (5) превратится в

$$f_1 = f_2', \tag{7}$$

и искомое решение y_0 будет иметь вид

$$y_0 = \frac{f_2'(x)}{f_2(x)} \tag{8}$$

$f_2(x)$ определяется из уравнений (6) и (7), которые после исключения f_1 дают уравнение 2-го порядка

$$f_2(x) = \frac{-x}{a} f_2''(x) \tag{9}$$

Решение этого уравнения найдем при помощи рядов. Для этого разложим функцию $f_2(x)$ в ряд *MacLaurin'a*.

$$f_2(x) = f_2(0) + \frac{x}{1} f_2'(0) + \frac{x^2}{2!} f_2''(0) + \ldots \tag{10}$$

Тогда из уравнения (9) видим, что

$$f_2(0) = 0$$

и ряд (10) вместе с уравнением (9) даст по сокращении на x

$$-\frac{1}{a} f''_2(x) = f'_2(0) + \frac{x}{2!} f''_2(0) + \frac{x^2}{3!} f'''_2(0) + \ldots \tag{11}$$

полагая в последнем равенстве $x=0$, находим

$$\frac{f''_2(0)}{a} = -f'_2(0) \tag{12}$$

Дифференцируя (11) один раз, получаем

$$-\frac{1}{a} f'''_2(x) = \frac{1}{2} f''_2(0) + \frac{2}{3!} x f'''_2(0) + \frac{3}{4!} x^2 f^{IV}_2(0) + \ldots$$

При подстановке $x=0$ имеем

$$\frac{f'''_2(0)}{a} = -\frac{1}{2} f''_2(0) \tag{13}$$

Повторяя тот же прием дифференцирования и подставляя $x=0$, находим

$$\frac{f^{IV}_2(0)}{a} = -\frac{1}{3} f'''_2(0) \tag{14}$$

$$\frac{f^{V}_2(0)}{a} = -\frac{1}{4} f^{IV}_2(0) \qquad \text{и т. д.} \tag{15}$$

и вообще

$$\frac{f^{(n)}_2(0)}{a} = -\frac{1}{n-1} f^{(n-1)}_2(0) \tag{16}$$

Перемножим теперь все равенства (12), (13) (14,) (15)... (16) почленно и произведем сокращения; получаем

$$f^{n}_2(0) = (-1)^{n-1} \frac{a^{n-1}}{(n-1)!} f'_2(0) \tag{17}$$

Давая n всевозможные целые значения, начиная с 2, напишем таблицу, к которой сверху прибавим равенство

$$f_2(0) = 0$$

и тождество

$$f'_2(0) = f'_2(0)$$

т. е. будем иметь

$$f_2(0)=0$$
$$f'_2(0)=f'_2(0)$$
$$f''_2(0)=-\frac{a}{1!}f'_2(0)$$
$$f'''(0)=+\frac{a^2}{2!}f'_2(0)$$
$$f^{IV}_2(0)=-\frac{a^3}{3!}f'_2(0)$$

. . . .

. . . .

$$^{n}_{2}(0)=(-1)^{n-1}\frac{a^{n-1}}{(n-1)!}f'_2(0)$$

Помножим 2-ое из этих равенств на $\frac{x}{1}$, 3-ье на $\frac{x^2}{2!}$, 4-е на $\frac{x^3}{3!}$ и т. д.—последнее на $\frac{x^n}{n!}$, и затем сложим почленно. В левой части окажется разложение (10) функции $f_2(x)$.

$$f_2(x)=xf'_2-(0)\frac{a}{1!2!}x^2f'_2(0)+\frac{a^2}{2!3!}x^3f'_2(0)-\ldots(-1)^{n-1}\frac{a^{n-1}}{(n-1)!n!}x^nf'_2(0)$$

Это уравнение и решает вопрос об отыскании частного решения нашего уравнения. Взяв от него производную, вставляем в выражение (8).

$$f'_2(x)=f'_2(0)-\frac{a}{(1!)^2}xf'_2(0)+\frac{a^2}{(2!)^2}x^2f_2!(0).\ .(-1)^{n-1}\frac{a^{n-1}}{(n-1)^2!}x^{n-1}f'_2(0)$$

$$y_0=\frac{1-\frac{a}{(1!)^2}x+\frac{a^2}{(2!)^2}x^2-\frac{a^3}{(3!)^2}x^3+\cdot\ \cdot\ \cdot}{x-\frac{a}{1!2!}x^2+\frac{a^2}{2!3!}x^3-\frac{a^3}{3!4!}x^4+\cdot\ \cdot} \qquad (18)$$

Решение (18) действительно удовлетворяет уравнению (4), в чем можно убедиться непосредственной подстановкой. К полученным рядам легко применяются обычные признаки сходимости.

В случае общего типа уравнения (3) метод отыскания частного решения остается тот же, только приводит, как было уже сказано, к более сложному выражению, что обусловливается необходимостью дифференцировать функцию $F(x)$.

А. В. ФЕДЮШИН.

К вопросу о фаунистическом исследовании Белоруссии.

В настоящее время, когда в Белоруссии существует два высшие учебные заведения: Университет и Сельско-хозяйственный институт и когда вопросы естествознания особенно выдвинуты на первый план не только оффициальными программами советских учебных заведений, но и в обществе заметно стремление к широкому и всестороннему изучению природы, вместе с укреплением идей материализма, в противовес господствовавшим до сего времени гуманитарным влечениям, вопрос о фаунистическом исследовании нашей страны и в частности Белоруссии особенно уместен. Россия, являясь огромной географической областью в высшей степени недостаточно изучена в фаунистическом смысле и, как ни странно, зачастую центр страны гораздо хуже исследован в отношении естественных условий, нежели далекие окраины, вроде Сибири, Севера и Кавказа. Пожалуй это не так и удивительно, если помнить, что далекие окраины всегда больше манили исследователя своею неизвестностью; именно туда охотно снаряжались экспедиции и в результате несомненный курьез: фауна центральной России и ближайших окраин исследована хуже, нежели фауна некоторых областей Сибири или Кавказа. Что касается района Белоруссии: Минской губ., Гомельской, части Смоленской и Витебской, и особенно Минской и сев. части Волыни (южн. Полесья), то будет нисколько не преувеличением, если сказать, что эта область представляет не менее «terra incognita», чем любая дальняя окраина. Ниже я привожу список литературных указаний на происходившие здесь когда либо исследования, из коего можно убедиться насколько неполно описана белорусская фауна. Между тем Полесье, в особенности же южные уезды Минской губ. (долина реки Припяти), представляют чрезвычайно интересную замкнутую зоогеографическую станцию с собственной фауной, отличной от смежной в окружающих губерниях. Особенности Полесской фауны вытекают из своеобразных физико-географических условий страны, и вместе с тем необычайного разнообразия биологических станций, обусловливающихся наличием, с одной стороны, обилия заболоченных мест, открытых водных пространств, больших массивов лесных, камышевых зарослей, иногда тянущихся на десятки верст, пустошей и т. п., с другой стороны, значительными климатическими колебаниями на протяжении одной губернии. Уже и раньше было подмечено чрезвычайно интересное обстоятельство в отношении Полесья, а именно—сходство полесской природы с крайним севером, с одной стороны, и югом, с другой. Правда, сходство это заметно только в некоторых чертах, так, например, характер нашего бора (Игумен., Минск., Борисов. уезда) чрезвычайно схож с сосновыми лесами Петроградской, Олонецкой, Вологодской губерний, главным образом характером своего, так называемого подседа; присутствие таких растений, как богульник (Ledum palustre L.), клюква (Vaccinium oxycoccus L), Sphagnum; Eryophorum Vaginatum L., Cossandra calyculata Don., Vaccinium uliginosum L.; Drosera rotundifolia L.—еще более увеличивают это сходство. Судя по сохранившимся постройкам из лиственницы повидимому и этот абориген севера не-

когда встречался значительно чаще, нежели теперь. Из животных свойственных северу здесь еще и теперь сохранились, правда, уже как редкость, медведь (Ursus arctos L), лось (Alces palmatus Blas), россомаха (Gulo Borealis L), рысь (Lynx vulgaris L), заяц беляк (Lepus viriabilis Pall), Mustela martes L., Pteromys volans L., (экземпляр, добытый в Борисов. у., хранится в Варшавском музее), Myoxus dryas Schreb, белая куропатка (Lagopus lagopus L), рябчик (Bonasa canescens Spuarrm.), глухарь (Tetras urogallus L), филин (Bubo maximus ger), большой сорокопуд (Lanius excubitor L), ореховка (Nucifraga caryoutactes L). Типичными же для южной полосы животными являются такие, как дикий кабан (Sus scrofa L), Mustela foina Briss, Vesperugo Nathusii Keiser Blas, Vesperugo Serotinus Schreb. Myoxus glis L), сизоворонка (Coracias garrula L), рыжая цапля (Ardea purpurea L) пеликан (Pelecanus onocrotalus gm), Scops giu, Scop, баклан (Phalarcrocorax carbo L) и даже попадалась каравайка (Ibis falcinellus L), удод (Upupa epops (L) широко распространенный. Присутствие таких животных как бобр (Castor fiber L) правда, уже окончательно истребленный на нынешней территории Белоруссии *) и только местами по пограничной реке Морочь, затем по рекам Лань, Случь, Орессе сохранились остатки построек) и зубров (Беловежская Пуща) и, по сведениям местного отдела охоты и рыболовства, перекочевавших в небольшом числе в Бобруйский уезд **) несомненно указывают на определенную своеобразность фауны края, так как последний вид уцелел еще на Кавказе, а бобр, вероятно, нигде не уцелел ***) и во всяком случае скоро окончательно исчезнет с лица земли, не успев попасть даже во многие музеи. Что же касается представителей других отделов фауны, как, например, огромнейшего класса насекомых, представителей водной фауны и других менее бросающихся в глаза животных, составляющих отдел главным образом беспозвоночных, то безусловно среди них будет найдено очень много, не описанных для России форм, так как в этом отношении почти никем и никогда исследований в местном крае не производилось.

Впрочем прилагаемый список литературы, касающийся фаунистики Полесья и в частности Минской губернии наилучшим образом может подтвердить это.

ПО ПОЗВОНОЧНЫМ ЖИВОТНЫМ:

1. „Фауна Полесья" А. М. Никольский. Компилятивный труд, составленный на основании очень старых источников, относящихся не к самой Минск. губ., а к смежным губерниям и поэтому не имеет исследовательского характера.

2. „Ptaki krajowe" Taczanowskiego. Очень устарелый труд, главным образом, касающийся птиц коренной Польши и только местами ссылками на Мин. губ., как на область распространения некоторых видов птиц.

3. „Ornithologia powszechna" Hr. Tyzenhauza. Общего характера работа ни в коем случае не имеющая прямого отношения к фауне Полесья, очень устаревшая.

4. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Минская губерния. Зеленский. Содержит очень краткий и весьма неполный список животных наиболее известных. Составлено более 50 лет тому назад и поэтому значения иметь не может.

5. „Краткий очерк Минск. губ. в физико-географическом и статистико-экономическом отношениях". Ф. Н. Ястремский. Часть заключающая описание животных Минск. губ. составлена на основании списков, указанных в работе Зеленского, и по общим работам с указанием на распространение животных и априорных заключений о нахождении того или иного вида в пределах Минск. губ. Исследовательского характера не имеет.

---

*) Последних бобров я видел в 1913 г. на Огинском канале (шлюз № 1) в имении помещика Твардовского, где они усердно охранялись.

**) По последним сведениям Отд. Охоты С. С. Р. Б. в 1923 г. зубры в Бобруйском уезде уже не обнаружены.

***) Если не считать искусственно заведенных и сохранившихся в числе считанных экземпляров в Воронеж. губ. и, кажется, в одном месте в Тамбов. губ. Финляндии и Прибалт. края я не считаю, ввиду выделения этих окраин из состава России.

6. „О некоторых птицах Минской губернии" А. В. Федюшин „Орнитологический Вестник" за 1912 г. кн. IV (ч. I)

7. „О некоторых птицах Минской губернии" А. В. Федюшин. Орнитологический Вестник 1914 г. № 4. (ч. II) Самостоятельное исследование на основании наблюдений и собранных коллекций, обработанных в зоологическом музее Москов. Университета. Полного списка птиц не содержит.

8. „Материалы к познанию флоры и фауны Российской империи" Вып. XII отд. зоол. „Птицы Минской губернии". В. Н. Шнитникова. Наиболее полное исследование по материалам собранным на месте и обработанным при содействии В. Л. Бианки (б. завед. орнитол. отд. музея Академии Наук). Нуждается в значительном добавлении и внесении некоторых неописанных видов птиц, найденных позже в Мин. губ.

9. В. И. Грацианов. «Заметка о коллекции рыб Мин. экспедиции». Труды Студенческого Кружка для исследования Русской природы, сост. при Москов. Универ. Кн. III—1907 г. Означенная работа содержит перечисление только 17 видов, т.-е. менее половины всех видов рыб, обитающих в Белорусских водоемах.

ПО БЕСПОЗВОНОЧНЫМ ЖИВОТНЫМ:

Воронков Н. Я. „К фауне Rotatoria Минской губ. „Труды Студен. Кружка для исследований Русской Природы, сост. при имп. Москов. Университете. Кн. IV—1909 г. носит характер предварительного исследования, исчерпывающего значения не имеет, тем более, что в ней описаны немногочисленные сборы из оз. Князь-Жид, р. Припяти и оз. Стахово—всего в ч сле 48 видов.

Новиков. „Cladocera Мин. губ". Труды Студен. Кружка для исследования Русской природы, сост. при Имп. Моск. Унив. кн № III. Тоже.

Розен, Бар. „Моллюски, собранные в Пинском и Мозырском уездах Мин. губ". (Полесье). Труды Студен. Круж. для исследования Русск. природы, сост. при Имп. Московск. Универ. Кн. № III.

Муралевич В. С. «К фауне Myriapoda Минской губернии» Труды Студ. Круж. для исследования Русской Природы, сост. при Имп. Москов. Универ. Кн. № III.

Рузский М. „Список муравьев Мин. губ., собранных экспедицией Москов. Студен. Кружка" Труды Студен. Кружка для исследования Русской природы, сост. при Имп. Москов. Универ. Кн. № III.

Щелканцев Я. „Список прямокрылых Мин. губ., собранных экспедицией Студен. Кружка для исследования Русской природы".

Бартенев А. Н. „Odonata Полесской и Виленской экспедиции". Труды Студ. кружка для исследования Русской природы, сост. при Имп. Москов. Университете Кн. № III.

И. Шнабль. „Список двукрылых, собранных в разных местностях Царства Польского и Минской губ". (Труды V с'езда Р. Ест. и Врач. Варшава 1876 г.).

Конечно, значения хотя бы приблизительно исчерпывающего все эти работы не имеют.

Таким образом, приведенный список литературы, касающейся фауны Полесья, показывает, как велик тот пробел, который имеет место именно здесь, в этом вопросе. Вот почему мне кажется задачей достойной и достаточно почтенной поднять вопрос о скорейшем, планомерном, обстоятельном исследовании Белоруссии в отношении ее фауны. Здесь имеется широкое поле деятельности не только для зоолога, но и для ботаника, геолога и др. натуралистов. Нужно действительно поспешить с этим делом, так как на наших глазах происходит быстрая, чрезвычайно быстрая смена условий жизни для очень многих представителей фауны. Я уже указывал на примеры, вроде полного исчезновения бобра, но таких примеров можно привести много и некоторые из них повидимому не связаны с деятельностью человека. К числу последних можно отнести поразительно быстрое исчезновение сороки (Pica pica L) во многих местах Белоруссии в течение последних двух десятков лет. Мне лично известны многие глухие места в уездах, Слуцком, например, где лет 20 тому назад сорока была одной из наиболее обычных и часто встречающихся птиц. Во многих таких деревнях, особенно зимой, эту птицу можно было видеть на каждой, гуляющей по деревне, свинье или баране. Сколько угодно было сорочных гнезд в окрестных зарослях. Очень часто попадались оне и в городах. Теперь же картина совершенно изменилась. Не только в городах, но и в большинстве деревень сорока исчезла и исчезла, повидимому, окончательно. Крестьяне привыкши их видеть раньше на каждом шагу, теперь при случайном появлении сороки обращают на нее внимание и даже дивятся этому. Причины исчезновения сороки трудно об'яснить.

Во всяком случае прямому истреблению оне в описываемой местности не подвергались, условия жизни во многих местах, где эта птица исчезла, тоже повидимому не изменились. Не было ни сплошных рубок лесов, ни осушек болот, ни других обстоятельств, связанных так или иначе с деятельностью человека. Тем не менее абсолютное уменьшение этой птицы в числе резко заметно для всякого прожившего долгий промежуток времени в Полесьи. С грустью вспоминаются те места, где так недавно имелся, казалось, неистощимый запас дичи. Многое отошло уже в область преданий и потеряно безвозвратно. Несомненно, что сплошной фронт, так долго рассекавший и прокатывавшийся через самые заповедные места Полесья, сделал свое разрушающее дело и в этом отношении. Присутствие тысяч людей, обученных стрельбе и вооруженных дальнобойными винтовками, при отсутствии *культурности* вообще, а на войне тем более, очень скоро дало печальные результаты в виде поголовного почти истребления красного зверя. Лось стал редкостью, кабаны тоже поредели до нельзя, а о козах и говорить не приходится, и все это случилось в 2—3 года войны в этом крае. Кроме этих прямых влияний, конечно, были и косвенным образом действующие причины, поведшие к такому обнищанию охотничьей фауны. Сплошная рубка леса, неумолкаемая стрельба, постоянное движение войсковых частей заставило крупную дичь искать других более тихих мест. Тем не менее не всегда находились вблизи места удобные и спокойные для откочевавшего зверя. Известно, очень много примеров появления лосей, коз и даже медведей среди вовсе открытых мест, вдали от больших лесов.

Понятно, что здесь они очень скоро истреблялись. После окончания войны обстоятельства не улучшились. Во-первых, отсутствие первые годы после войны, да и теперь еще подчас, действительной охраны лесов казённых и бывших помещичьих, повсеместное усиленное вырубание леса, сразу отразилось и продолжает отражаться не только на количественной стороне представителей фауны, но изменяет ее и в составе. Я приведу здесь один чрезвычайно показательный факт очень быстрого, так сказать, на глазах происшедшего абсолютного изменения состава орнитофауны в одном хорошо знакомом мне месте. Ровно год тому назад мне пришлось коллекционировать птиц в Бобруйском уезде, в Любанской волости близ села Заболотья. Характер биологической станции был весьма определенно выражен наличием большого сплошного участка чистого ельника, имевшего вид острова, так как на далекое расстояние кругом подобных сплошных насаждений не было. Мне удалось в короткий промежуток времени добыть свыше 100 птиц, из них около 70% по числу были добыты в упомянутом лесу, а целых 6 видов из общего числа 54 были найдены, да и могли быть найдены преимущественно в сплошном лесу. Прошлой зимой, благодаря расселению крестьян на хутора и об'явлению упомянутого ельника запретным участком, последний был в течение нескольких зимних месяцев срублен, почти, что называется, в пень. Таким образом исчез в данной местности описываемый лесной участок, а вместе с ним исчезли и те 6 видов птиц, найденных в этом районе. Количественный состав орнитофауны абсолютно уменьшился, так как, если не все из числа 70% обнаруженных птиц исчезли из данного района (часть несомненно заменилась другими видами, предпочитающими пасеки или открытые места), то во всяком случае уменьшение все же произошло. Но это не единственный случай, а более или менее частое ныне явления. Во-вторых, одним из наиболее действительных факторов, в деле изменения фауны края в смысле общего обнищания ее и изменения состава, по моему мнению, это усиленное разверстание деревень на хутора. Трудно уже найти глухой уголок, где бы не слышался лай собаки или хлопанье кнута пастухов, а ведь известно, сколько гнезд разоряет всякий мальчуган, пася скот, сколько птенцов, зайчат и прочей живности давят пастушьи псы, бродя днями по лесу, болоту, зарослям. Почти не осталось нетронутых человеком мест, то там, то сям растут постройки,

валится лес, осушается болото. Кроме того, живя на хуторе, каждый крестьянин обязательно заводит ружье, так как оно ему необходимо для самозащиты и охраны своего скота от волков и, понятно, при всяком случае таскает его, пуская в дело часто и зря, без всякой задней мысли, стреляя мало нужную ему птицу или зверька. Таким образом, совершенно ясно, как быстро исчезает фауна и меняется ее состав под влиянием деятельности человека.

Кроме этих прямых влияний человека, связанных с уничтожением леса, расселением и т. п., не менее существенную роль играют также и следствия этой деятельности: уничтожение леса влечет за собою обмеление и высыхание рек и болот. Все это губительно отзывается на богатстве фауны, быстро ведя к исчезновению многих видов вовсе.

Я уверен, что скоро уже такая птица, как глухарь и белая куропатка, исчезнут на территории Полесья вовсе, за ними последует рябчик и тетерев. Первые две птицы страшно уменьшились уже в числе. Уже исчезли гнездовые колонии серых цапель, исчез баклан, некогда регулярно попадавшийся в Пинских болотах, исчезла белка-летяга, россомаха, бобр, исчезает лось, дикая коза, выдра, куница и др. звери и птицы, составлявшие некогда богатую и любопытную фауну пресловутого Полесья.

Выводы из всего этого должны быть очень неутешительные. Интересная фауна быстро уменьшается, теряя как раз наиболее редких представителей, а потому и требующих особой охраны и защиты со стороны того же человека, а с другой стороны необходимо спешить с изучением ее, чтобы хоть в форме точных описаний и в музеях сохранить ее потомству, если нельзя уже уберечь некоторых из них от окончательного исчезновения.

Теперь позвольте поделиться теми соображениями которые, мне кажется, должны иметь место в деле охраны природы вообще.

Прежде всего—никакими формальными законами и запретами тут ничего не поделаешь. Ведь главная то причина, которая заставляет человека самого разрушать природу, причем разрушать ее бессмысленно и нерасчетливо, это отсутствие культурности, а вследствие этого нельзя заставить человека рассуждать над тем, что он делает—хорошее или не совсем хорошее. Если мальчуган или даже взрослый простолюдин забирает весною целое гнездо яиц тетерки и дикой утки, то, конечно, ему и в голову не приходит тот плохой расчет, который он производит в конечном результате сам с собой, потеряв не один выводок дичи, а целое большое потомство этой же дичи в будущем. Пока его цель ясна и достигнута, так как дает ему возможность полакомиться яичницей. Но такие случаи понятны и, до известной степени, оправдывают себя. Но ведь на ряду с этим бывает исключительное озорство, когда бессмысленно истребляются яйца насиженные или разоряется гнездо с целью позабавиться птенцами или ради развлечения пускается пуля в сидящего кобчика, бросается бомба в стаю мелких рыбешек у мельничной плотины. Вот во всех этих случаях необходима культурная пропаганда не только в школах, но и при всяком удобном случае. Нескорое это дело, нескоро проникнет в сознание народных масс осмысленная любовь к природе, любовь заставляющая безкорыстно охранять ее и отдавать этому и время и труд. Ведь коренной сибиряк (чалдон) и теперь считает переселенца с Украины или Белоруссии все же тронутого культурой больше, нежели он сам, лентяем и плохим хозяином за то, что у него во дворе растут деревья, но там где коренному сибиряку приходилось вести упорную многовековую борьбу с тайгой, отвоевывая у нее клочек за клочком пахотной земли, это отношение к лесу, как к злу, еще понятно. Но ведь и у нас происходит нечто похожее, хотя никто не скажет, что лес—зло. Посмотрите, что сталось со многими казенными и быв. частновладельческими лесными дачами. Наконец, в каком виде городские насаждения, где, казалось бы, легче всего уберечь их от истребления. А ведь существуют декреты и распоряжения правительства, так или иначе запрещающие беспорядочную рубку и порчу леса

и других насаждений. Ясно, что дело не в законе. Вот тут-то наиболее воспитательное значение для населения, особенно подрастающего, должна иметь школа и музей местного характера, где бы природа нашла себе не только полное отражение, но где бы могла происходить постоянная публичная агитация в защиту природы с наглядными указаниями способов защиты и изучения природы, ее изменения, роль природных качеств страны в жизни человека, где бы могли быть рассказаны все экономические перспективы и проблемы края, всецело зависящие от его природы. Кроме того такой музей явился бы крупным государственным приобретением не только с образовательной точки зрения, но мог бы играть крупную роль и в хозяйственной жизни, так как отражая краевые природные богатства—легко способствовал бы их изучению и использованию. Подобный музей имеется в России и кто бы мог думать—в Минусинске, уездном городишке Енисейск. губ.—на самой окраине. Не многим известен этот музей у нас, а между тем за-границей о нем имеются лестные отзывы и вполне справедливые. Минчане могут гордиться, тем, что их согражданин, получивший первое образование в Минской гимназии, Н. М. Мартьянов был основателем Минусинского музея, имеющего такую выдающуюся роль в жизни края. Минусинский музей является действительным и полным отражением богатой местной природы и имеет не малое хозяйственное значение для края. Благодаря существованию музея в крае стали производиться усиленные изыскания, имеется богатая литература почти по всем отраслям природознания, имеются и практические результаты в виде вполне удачных опытов разведения сахарной свеклы, многих фруктов, разработки ценных горных пород, разведение тонкорунных овец, а в последние до войны годы, даже английской породы, настоящей шевиотской. Кроме музея местного края, конечно, весьма желательно устроение т. н. заповедника, на манер Американского Национального парка. Попытки к этому были и у нас, существует даже специальный отдел по охране природы Р. С. Ф. С. Р., но отсутствие специальных средств и недостаток людей, заинтересованных в этом—сводит дело на нет. Кажется, и в Белоруссии числится где-то заповедник, но едва ли постановка дела там отвечает своему назначению. Во всяком случае дело надо широко популяризовать и действительно заинтересовать в этом не только органы власти, но и население. Население же заинтересовать можно только путем широкой агитации, об'ясняя смысл затем, путем постепенного внедрения в сознание массы идей сохранения природы. Очень важным делом, несомненно, является кружковая работа, создание кружков по исследованию фауны, флоры и др., вовлекая сюда, не только учащуюся молодежь, школьников и студентов, но и такие организации, как Комсомол, и, конечно, особое внимание перенести в деревню, где главная работа то и происходит. Спрашивается, где взять руководителей и знающих людей, кому поручить эту работу по собиранию и изучению природы. Вопрос, конечно, очень важный, трудный, но вполне разрешимый постольку, поскольку в Белоруссии имеется два высших учебных заведения. Студенты Сельско-Хозяйственного Института и студенты—естественники Бел. Госуд. Университета—вот тот материал, который может и должен быть использован в качестве не только популяризаторов идеи об охране и изучении природы и фауны, но и из них нужно создать кадры постоянных коллекционеров по всем областям натуральных наук, инструкторов на местах, об'единив в студенческие кружки—фаунистические, ботанические, географическ. и т. п. при Университете-ли или при секциях Научного Общества. Без такой кружковой общей работы сделать ничего нельзя.

Итак, необходимо создание кружков для изучения природы, а также предварительная подготовка всей этой кружковой молодежи не только в лабораториях университетских и с.-хоз. института, где преподается предварительное и общее знакомство с биологическими науками, но нужно выделив лиц наиболее интересующихся подлинным знанием и любовью к при-

роде, заняться с ними в натуре и не на редких экскурсиях, а путем командировок на целое лето для работы на биологических станциях, где только и возможно планомерное и детальное исследование, скажем, фауны, вполне отвечающее требованиям настоящей науки.

Если бы это удалось осуществить—дело изучения нашей природы быстро бы двинулось вперед, вместе с тем легко создать было бы не только учебные кабинеты при наших высших школах, но пришлось бы взяться за создание музея, крупного органа знания, играющего колоссальную роль в хозяйственной жизни страны..

«Музеи—зеркало в котором народ видит отраженною природу своей родины, своей жизни и своей культуры, зеркало, при помощи которого проверяет он свои успехи в борьбе с природой, поощряется к продолжению этой борьбы, научается наиболее целесообразному ведению ее». Поэтому прежде всего, мне кажется, надо озаботиться созданием в наиболее требующем изучения месте центральной базы для исследовательских работ в Полесьи, созданием биологической станции, где бы могли работать научные силы и начинающие исследователи из числа студентов, имея все необходимое под рукой для своих работ.

Вопрос о биологической станции настолько важен, что он уже выходит за границы местного характера, ибо это культурное учреждение, имеющее не только значение общегосударственного характера с точки зрения науки, но гораздо шире. В биологической станции в Западной России, как первой в этом районе, смогут быть заинтересованы и все смежные нам страны.

20/I—1923 г. гор. Минск.

П. А. МАВРОДИАДИ.

„Косое" деление у инфузорий.

В вопросе об ориентировке при делении кариокинетического веретена и прохождении по отношению к нему плоскости деления О. Гертвиг в своем учебнике эмбриологии приводит следующие два правила, которые в нашей учебно-научной практике приняли даже характер законов: „1) Плоскость деления делит пополам всегда под прямым углом ось веретена; 2) ось ядерного веретена находится во взаимоотношении с формою и диференцировкой окружающей его протоплазмы, именно в таком, что оба полюса ядра располагаются по направлению наибольших протоплазменных масс". [1])

Оба эти правила прекрасно подтверждаются на огромном большинстве об'ектов, и в то же время нам необходимо подчеркнуть, что они не могут расчитывать на то, чтоб быть правилами без исключения.

Так, на примере Spirochon'ы (R. Hertwig, 1877—рис 3 и 5) [2]) мы видим, что процесс ее почкования противоречит первому правилу, так как ось веретена составляет у нее с плоскостью деления не прямой, а некоторый острый угол.

Что касается расположения полюсов делящегося ядра по направлению наибольших протоплазменных масс, то для этого правила можно привести еще больше исключений. Так, З а л е н с к и й. (1916) [3]), изучая дробление яйца сальп, находит здесь поперечное положение веретена перед образованием первой борозды дробления. „Это веретено", говорит он (стр. 136): „располагается в поперечном направлении, что указывает на характерное для всех сальп направление первой борозды деления. У всех сальп первая борозда, разделяющая яйцо на первые два бластомера, идет в меридиональном направлении".

Тем же автором подобное же поперечное положение веретена, но лишь временное, констатировано у сальп и во время созревания. Однако при самом выделении полярного тельца веретено располагается по продольной оси. (стр. 127—128).

У нематоды Cystoopis acipenseri N. Wagn., по моим наблюдениям, [4]) при созревании яйца также имеет место поперечное положение веретена по отношению к продольной оси клетки, при чем это положение веретено сохраняет при выделении как первого, так и второго полярного тельца.

Приведенные исключения единичны. Однако, если мы перейдем из области яйцевых клеток в область одноклеточных организмов, то увидим, что правилу О. Г е р т в и г а уже противоставляются не исключения, а другие правила. В данном случае я имею в виду два закономерные типа деления, которые мы встре-

---

[1]) *О. Гертвиг.* Элементы эмбриологии. Перевод под редакцией В. Рубашкина. СПБ—1912 г.

[2]) R. H e r t w i g. Ueber den Bau und die Entwicklung von Spirochona gemmipara. Ienaische Zeitschr. f. Naturw. Vol. II—1877.

[3]) З а л е н с к и й, В. В. Созревание и оплодотворение яйца Salpa maxima-afrikana. Изв. Акад. Наук. № 3—1916 г.

[4]) Указанная работа мною еще не опубликована.

чаем у Protozoa—деление поперечное и продольное. Если первое из них, свойственное инфузориям, вполне согласуется с идеей наибольших протоплазменных масс, то второе свойственное флягеллятам, в корне ей противоречит. И если-б мы, не считаясь с обширной областью других цитологических об'ектов, пожелали бы формулировать таковое же правило на основании положения веретена у флягеллат, то нам пришлось бы сказать, что ось веретена располагается по линии наименьших протоплазменных масс, т. е. пришлось бы сказать прямо противоположное тому, что говорит О. Гертвиг И выведенное нами правило страдало бы не так от того, что для его формулировки мы пользовались лишь небольшой группой клеток, как от нашего игнорирования сложнейших взаимоотношений живых сил организма и стремления облечь их в слишком простые формы.

Вот на такого рода размышления наводит меня найденный мною новый вид деления клеточного тела, не поперечный и не продольный, а, как я его называю, «косой». Он имеет место у изученной мною инфузории Heterocineta anodontae (n. g. n. sp.?), повидимому, представляющей новый род и вид инфузорий; паразитирует она в жабрах беззубки, а равным образом в других двустворчатых пресноводных слизняках. [5])

Heterocineta обладает грушеобразной формой тела—с передним суженным и задним расширенным концом (рис. 1). В передней части тела расположен присасывательный хоботок, спинная и боковые стороны инфузории—выпуклы, брюшная—вогнута.

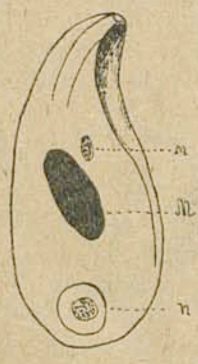

Рис. 1.

Heterocineta anodontae n. g. n. sp.?
М—макронуклеус
м—микронуклеус
п—проглоченная клетка хозяина.

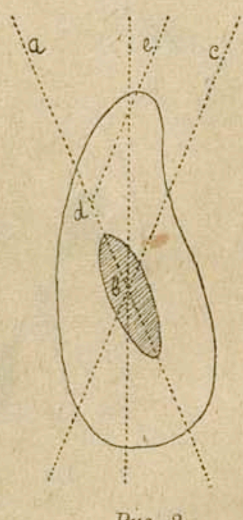

Рис. 2.

Относительное расположение макронуклеуса к остальным частям тела у Heterocineta anodontae. Угол abc=45°.

В тех случаях, когда на препаратах Heterocineta ориентирована соответствующим образом, т. е. лежит на боковой стороне, можно видеть, что по отношению к продольной оси тела (рис. 2) как ось хоботка (ed), так и ось макронуклеуса (ab) лежат под углом в $22^1/_2{}^0$, и таким образом к оси хоботка, макронуклеус расположен под углом в 45° (угол abc).

Что касается микронуклеуса, то в покоющемся состоянии его располо-

---

[5]) Изучение строения и развития Heterocineta мною закончено и подготовлено к печати еще в 1917 г. и до сих пор не опубликовано вследствие общих затруднений в печатании научных работ.

жение различно, но во время деления продольная ось кариокинетической фигуры параллельна продольной оси макронуклеуса (рис. 3).

С микронуклеуса и начинается процесс деления клетки. При вышеуказанной ориентировке, его дочерние части расходятся в различные стороны, при чем на поздних стадиях этого расхождения и в макронуклеусе образуется перетяжка, которая утончается по мере развития процесса.

Таким образом, уже в самом начале деления расположение обеих составных частей ядерного аппарата обращает на себя внимание тем, что оно находится не в соответствии с приведенным выше правилом наибольших протоплазменных масс: последние у его полюсов не наибольшие и не наименьшие, а представляют собою некоторого рода среднюю величину. Это особенно следует подчеркнуть по отношению к микронуклеусу, который делится кариокиетически и вообще играет руководящую роль в процессе деления. На расположение его веретена, следовательно, оказывают влияние не простые физические отношения, а какие-то более сложные условия, имеющиеся в теле организма.

О том же с еще большей очевидностью говорит прохождение плоскости деления. Как это видно из прилагаемых рисунков (рис. 3 и 4), последняя проходит параллельно оси хоботка; другими словами, угол, образуемый ею с продольной осью делящегося ядерного аппарата, составляет только 45°, т. е. вдвое меньше того прямого угла, под которым почти во всех известных нам случаях плоскость деления проходит к ядерному веретену.

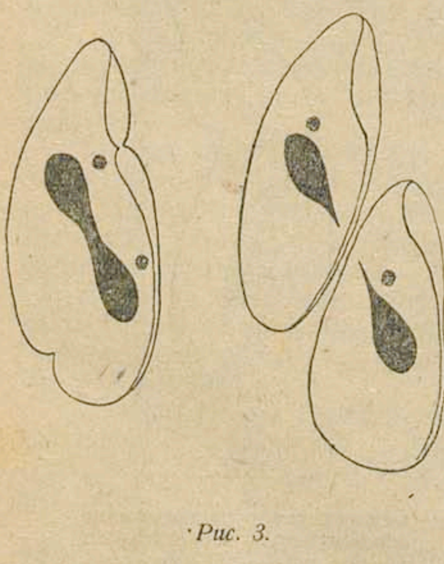

Рис. 3.

Процесс деления у Heterocineta anodontae.

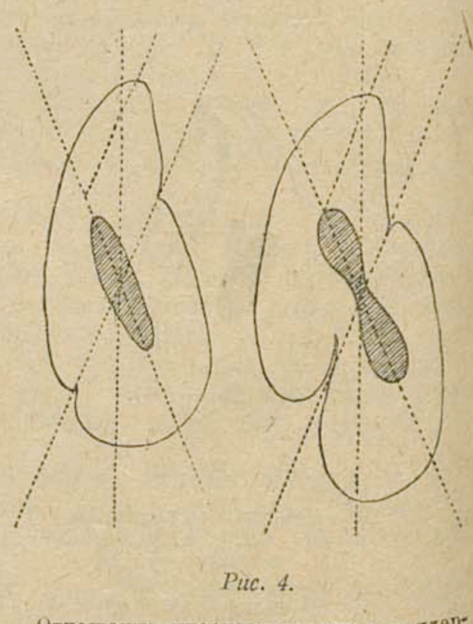

Рис. 4.

Отношение плоскости деления к ядерному аппарату у Heterocineta anodontae.

В результате получается оригинальный вид деления клетки, который я называю *косым* и при котором, как явствует из изложенного, ни положение ядерного веретена, ни отношение к нему плоскости деления не соответствует принимаемым нами нормам.

Так размножается Heterocineta в течение вегетативного периода своего существования. Однако, как известно, делению подвергаются инфузории и в другое время их жизни, именно—после кон'югации, в течение реорганизации их ядерного аппарата. Heterocineta не делает исключения из общего правила, и в этом отношении важно отметить, что и теперь деление ее происходит тем же «косым» путем, хотя в это время отношения между обоими членами

ядерного аппарата совершенно своеобразны; окончательно сформированным теперь является только микронуклеус; что касается макронуклеуса, то как функционирующая часть ядерного аппарата он отсутствует и представлен тем или другим числом зачатков, пассивно распределяющихся между делящимися клетками.

Следовательно, описанный вид деления органически характерен для Heterocineta, он может считаться ее видовым признаком и вытекает из тех неизвестных нам и безусловно сложных взаимоотношений, которые у нее существуют между клеточным телом, с одной стороны, и деятельностью микронуклеуса и центриоли—с другой.

Я не могу дать никакого другого об'яснения такому способу деления, кроме биологического. Наблюдения над Heterocinet'ой показывают, что почти вся ее жизнь проходит в состоянии прикрепления к жаберному эпителию хозяина, и в этом отношении для нее имеет большое значение выше указанный хоботок, с помощью которого она и присасывается к жабрам (рис. 5).

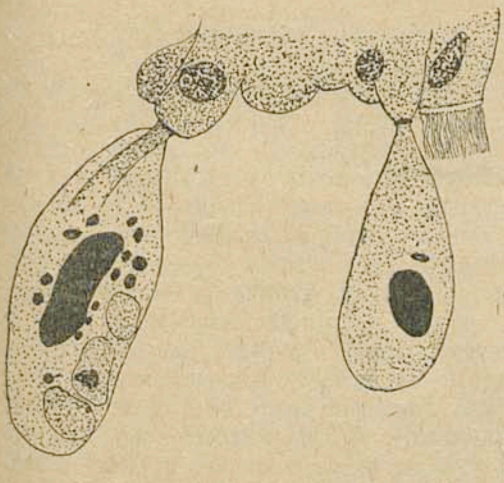

Рис. 5.

Прикрепление Heterocineta к эпителию хозяина.

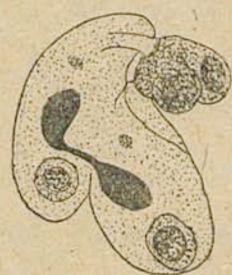

Рис. 6.

Прикрепление Heterocineta к эпителию во время деления.

При таком поведении инфузории нельзя не признать, что косое деление является для нее наиболее пригодным, так как только при нем раньше всего диференцируется столь необходимый для ее жизни хоботок, и дочерняя особь, еще до отделения от материнского организма, получает возможность прикрепиться к эпителию хозяина (рис. 6). Ни поперечное, ни продольное деление не создавало бы для Heterocineta таких условий.

Конечно, первым следствием таких биологических причин является определенная организация клетки, сущностью которой в данном случае надо считать установление определенных взаимоотношений между центриолями, как органоидами, обусловливающими собою положение веретена, и остальным клеточным телом.

В этом отношении я должен привести в заключение один факт, который со временем, в связи с другими фактами, может послужить выяснению значения центриоли.

Уже вышеупомянутое своеобразное поворачивание веретена во время созревания яиц Cystoopsis я об'ясняю теми внутренними изменениями, которые в это время претерпевает центриоля. Мне кажется, что в соответствии с такими соображениями находятся случаи поперечного деления, найденные мною у Heterocineta. Именно, хотя косое деление является для нее, как я выше выразился, органически характерным, однако, во время кон'югациия

два раза констатировал поперечное деление одного из кон'югантов. Что центриоли существуют у инфузорий, в этом убеждают меня и общие соображения и случай нахождения мною диплозомы у Ichthyophthirius [6]); что они подвергаются во время полового процесса изменениям—об этом говорит все наше знакомство с половым процессом. И констатирование мною во время кон'югации Heterocineta отклонения от обычного для нее типа деления я могу сейчас об'яснить только нарушением во время полового процесса обыденных соотношений между центриолью и клеточным телом.

Правильно ли такое толкование,—об этом, конечно, скажут нам дальнейшие наши исследования.

[6]) П. А. Мавродиади. К вопросу о строении ядерного аппарата у инфузории Ichthyophthirius.—Изв. Донского Университета, т. I—1918.

И. ЗАМОТИН.

Накануне Островского.

Русская драматургия 20—40-х годов. *)

Столетняя годовщина рождения А. Н. Островского (1823—1923) совпадает с заметным оживлением интереса к его драматическому творчеству. Еще не так давно решительно отвергнутая искателями нового театра, бытовая драма Островского теперь, в строительстве новой России, начинает рассматриваться как своеобразный метод приобщения широких народных масс к театральному искусству. И действительно, в наши дни, когда ясно осознана необходимость театра и драматургии для народа, литературное наследство Островского получает значение не мертвого архивного документа, а живого фактора в живом деле создания нового искусства: в Островском все—и реальные источники его творчества, и жизненно-простая композиция его драм, и широкая типизация средних и низших слоев тогдашней русской жизни, и, наконец, глубокое демократическое сознание, которым проникнуты его художественные обобщения русского социального быта на протяжении от 40-х до 80-х годов прошлого века,—все говорит о том, что перед нами писатель, который шел от разложения старого дворянско-помещичьего строя в сторону демократизации русской жизни и этому основному мотиву подчинял все свои поэтические замыслы и формы. К тому же необходимо вспомнить, что из наших драматургов именно Островский более всего хлопотал о создании народного театра, полагая, что театр, как и искусство вообще, должен обслуживать весь народ в его широких трудящихся массах, а не отдельные круги культурных общественных верхов.

Поэтому очередным вопросом историографии Островского несомненно должен стать вопрос о выяснении его роли в деле демократизации русской драматургии и русского театра. Посильному освещению этого вопроса посвящена и данная статья. Значение Островского как демократизатора русской драмы частично определяется той эпохой—именно эпохой 20—40-х годов—в истории русского театра, из которой он вышел и в которую, на исходе ее, внес заметный излом в сторону демократического направления всего театрального дела. Характеристика этой эпохи, предлагаемая ниже, своими основными чертами резко оттеняет демократизм творчества Островского по сравнению с предшествующими его выступлению десятилетиями и отчасти выясняет даже некоторые черты этой демократической реформы драмы, предпринятой Островским. Таким образом «канун» Островского в данном случае есть не просто только страница в развитии нашей драмы и театра, а некоторым образом и введение в историю демократизации русской драматургии.

---

*) Настоящая статья предназначалась для издания «История русского театра» под ред. Н. Е. Эфроса, но за остановкой означенного издания напечатана не была. Теперь она печатается, в некоторой переработке, в связи с оживлением интереса к эпохе Островского.

Тридцатилетие накануне расцвета творчества Островского отмечено в нашей драматургии тремя моментами высокого значения: в половине двадцатых годов были созданы «Борис Годунов» Пушкина и «Горе от ума» Грибоедова, в половине тридцатых годов явился «Ревизор» Гоголя, в половине сороковых—начал писать свои комедии сам Островский. Однако эти выдающиеся создания драматического творчества не сделались достоянием русского театра в эпоху их появления в печати: «Борис Годунов» Пушкина по самому характеру своей композиции не получил значения «репертуарной» пьесы, комедия «Горе от ума» в полном виде появилась на сцене лишь в конце 60-х годов, пьесы Островского стали завоевывать себе некоторое положение в театре в середине 50-х годов, и только «Ревизор» Гоголя с самого появления в печати прочно вошел в состав театрального репертуара. Общий фон драматического творчества эпохи, на котором резко выделяются создания Пушкина, Грибоедова, Гоголя, довольно бесцветный, почти сплошь заполненный шаблонными пьесами, приноровленными к оффициальным тенденциям эпохи и к ее обывательским вкусам. Но и этот фон заслуживает изучения с исторической точки зрения: второстепенная драматургия эпохи до известной степени подготовляла, как отрицательным, так и положительным путем, появление наших великих драматургов; она же, с другой стороны, популяризировала—правда, не всегда умело—для широких масс публики те или иные детали того поступательного движения в драматическом творчестве, которым крупные таланты в роде Пушкина и Гоголя, овладевали сразу, значительно опережая эпоху.

Николаевская эпоха, с которой совпадает интересующий нас период русской драматургии, унаследовала от предыдущих десятилетий шаблонный театральный репертуар, живший главным образом традициями французского классицизма. В сфере трагедии, накануне отечественной войны заметно приспособившейся к патриотическому настроению момента, в течение первой четверти XIX столетия господствовал еще В. А. Озеров («Дмитрий Донской», «Эдип в Афинах», «Фингал» и др.), в области комедии и водевиля—кн. А. А. Шаховской. «Летопись» петербургских театров начала 20-х годов, изложенная в известном труде П. Арапова, пестрит переводными французскими комедиями и водевилями, «героико-лирическими» и «волшебно-комическими» операми, «героическо-волшебными» балетами и всевозможными трагедиями, начиная от творений Расина и кончая безыменными пьесами, утратившими память о своих авторах за годы бесконечных и разнохарактерных переводов и переделок первоначального текста. Имена Озерова, Шаховского, Загоскина, Хмельницкого и других виновников той или иной «оригинальной» драмы попадаются в «летописи» даже сравнительно редко. Положение театрального репертуара мало меняется и в конце 20 х годов: «театральные воспоминания» С. Т. Аксакова за 1826—1830 годы группируются, помимо переводных пьес, главным образом, около произведений Озерова, Шаховского и Загоскина, которые вместе с веселыми водевильными переделками А. И. Писарева преобладают в это время и на московской сцене. Подобные же справки дают мемуары о петербургском и московском театрах 30-х годов. С некоторой оговоркой можно даже сказать, что репертуар начала XIX века благополучно доживает и до конца Николаевской эпохи: произведения только что названных авторов вместе с переводными пьесами всех сортов вплоть до французского водевиля продолжают ставиться и в 50-х годах XIX столетия—как на казенных сценах, так и на частных любительских спектаклях.

Несмотря однако на эту устойчивость театральных вкусов и традиций, русская драматургия всетаки заметно эволюционировала в течение 20—40-х годов. Свежие течения в этой области шли из сентиментализма и романтизма. Увлекавшие еще в самом начале XIX стол. нашу театральную публику «слезные» комедии Коцебу были у нас первым завоеванием в области новых драматургических исканий: мещанская драма начинала подрывать исключительное господство французского вкуса в области драматического твор-

чества. Следующим моментом в сфере поступательного движения нашей драматургии и сцены было появление у нас мелодрамы. Дитя дряхлевшего французского классицизма, усыновленное молодой, полной порывистых сил, романтикой—мелодрама, сохранивши до известной степени французский драматургический шаблон, оживила его эффектами романтического стиля и романтической композиции с значительной дозой чувствительности, занятой у слезных мещанских драм сентиментальной школы. На Западе с конца XVIII столетия под мелодрамой, обозначавшей собственно чтение текста в сопровождении музыки, стали понимать такое театральное представление с танцами и музыкой, в котором эффектно-трагическое перемешивалось с грубым комизмом. В дальнейшем развитии мелодрамы музыка перестала быть для нее обязательной, но излюбленные ею внешние драматические эффекты зато осложнились некоторыми приемами сентименталистов и романтиков, особенно последних, часто в свою очередь обращавшихся к крикливым сценическим средствам мелодрамы и тем самым создававших пародию на настоящую романтическую драматургию. Начало мелодрамы, в таком именно смысле, не без основания видят еще в пьесах Вольтера, представляющих иногда переход от ложноклассической трагедии к мелодраме; а расцвет ее соединяют с именем Пиксерекура, в котором этот род драматического творчества нашел, как казалось его современникам, своего Корнеля, Расина и Кребильона. Мелодрамы входят у нас в моду приблизительно с 20-х годов. В это время на петербургской сцене ставятся «историко-романтические» мелодрамы Жильберта Пиксерекура, напр. «Обриева собака или лес при Бонди» и «Христофор Колумб, или открытие Нового Света», и мелодрамы других французских и немецких авторов, в русском переводе или переделке, каковы напр. «Тереза или Женевская сирота» (перев. с франц. А. Г. Волкова). «Текеллий, или осада Монкача» (перев. с франц. Вешнякова). «Диадима, или Ричард, медвежья лапа» (перев. с немец. А. Шеллера) и т. д. Сторонники освобождения театра от господства французского классицизма встречали мелодраму, как вестницу новой драматургии, и ставили ее появление на сцене в связь с победами в области искусства романтической школы. Первое впечатление от известной мелодрамы Дюканжа «Тридцать лет, или жизнь игрока», пользовавшейся у нас в свое время большим успехом, передается в «Записках» П. А. Каратыгина в следующих словах: В 1827 году появилась на петербургской сцене известная мелодрама Дюканжа: «Тридцать лет, или жизнь игрока» и произвела необыкновенный фурор; ее давали почти ежедневно. В этот период времени романтизм начал серьезно угрожать классицизму. Хотя и прежде наш репертуар имел много мелодрам с бенгальской и трескучими эффектами, но они не были опасны классическим трагедиям, и гордая Мельпомена с презрением смотрела на свою соперницу и не имела причины бояться за свою традиционную самостоятельность. Но с появлением «Жизни игрока» повеяло какой-то заманчивой новизной, о вкус публики к классицизму с того времени начал заметно ослабевать. Я помню, как начало этого сценического раскола возмутило наших истых поборников классицизма: Гнедича, Катенина, Лобанова и других, как они соболезновали о жалком упадке современного вкуса; даже дедушка Крылов, который, конечно, был поэтом реальной школы, (но) и этот с презрением отзывался об этой возмутительной, по его словам, мелодраме. На другой день после первого ее представления он говорил моему брату: „Помилуйте, что это за безобразная пьеса! Теперь остается авторам выводить на сцену одних каторжников или галерных преступников“ (П. А. Каратыгин, Записки, Спб. 1880).

Параллельно с мелодрамою, и даже несколько раньше ее стали появляться на русской сцене разные пьесы, претендовавшие на „романтическое“ происхождение: „романтические оперы“ (напр. „Жилблаз в вертепе разбойников“—муз. соч. Маурера, перев. Н. В. Всеволожского, «Пустынник дикой горы»—перев. Вешнякова из романа виконта д'Арленкура и др.), «романтические комедии», обыкновенно соединенные с балетом (напр. «Иваной или

возвращение Ричарда Львиного Сердца» и «Таинственный Карло или долина черного камня»—переделки кн. Шаховского из романов В. Скотта, «Морской разбойник или волшебство не волшебство»—перед. А. А. Жандра из романа В. Скотта «Pirate», «Лилия Нарбонская или обет рыцаря»—соч. кн. Шаховского и т. п.) и просто «романтические представления» (напр. «Привидение в Радклифском замке»—сочин. Коцебу, «Бронзовая голова или уединенная хижина»—перев. с франц. Д. Н. Баркова и т. д.). Впрочем, русская драматургия и сцена черпали свое обновление в это время и из настоящих источников романтизма. Если, согласно свидетельству Ф. Ф. Вигеля, русская публика и в эпоху войн с Наполеоном сохраняла свое пристрастие к «французскому театру» и «не спешила знакомиться с гениальными творениями Лессинга, Шиллера и Гете», то в двадцатых и тридцатых годах драмы романтиков и их учителей в области драматургии, к которым они относили прежде всего Шекспира, заметно завладевают вниманием нашей сцены. Ранее других возникает интерес к Шиллеру. 5-го октября 1814 года поставлена была в первый раз в Петербурге трагедия Шиллера «Разбойники» в перев. Н. Н. Сандунова; 31 мая 1822 года была сыграна в Петербурге же «Дева Орлеанская», «историческая и романтическая трагедия» Шиллера; позже явились на нашей сцене и другие его драматические произведения.

Новые романтические пьесы смотрелись с живым интересом. Так по поводу первого представления в Петербурге трагедии Шиллера «Дон Карлос» читаем следующую журнальную заметку («Сын Отечества и Северный Архив» 1829 г., т. I, стран. 359—362: С.-Петербургский театр. О представлении Шиллерова «Дон-Карлоса»): «К числу любопытнейших явлений в нашем литературном мире принадлежит представление Шиллерова «Дон-Карлоса» на С.-Петербургском театре сего февраля 4 и 8-го. Доныне из трагедий сего германского исполина известны были у нас только два произведения бурного периода его молодости: «Разбойники» и «Коварство и любовь». И сии пьесы нравились нашей публике силою характеров, разительностью положений и хорошею игрою г.г. актеров. Представление «Дон-Карлоса» превзошло наши ожидания. Трагедия сия переведена молодым поэтом, П. Г. ободовским, с сохранением размера подлинника, т. е. пятистопными ямбическими стихами... Публика наша, как уже выше сказано, приняла сию трагедью с великим участием. Во втором представлении все места были заняты. Толпы стояли в ходах между креслами и ложами. Внимание зрителей было напряженное и беспрерывное; одобрение единогласное. Лучшие места были все схвачены и сопровождены громкими рукоплесканиями. Что из этого следует?»... Отвечая на свой собственный вопрос, автор рецензии представляет себе будущее русской драмы и русского театра, именно как подражание Шиллеру и другим великим творцам самобытной европейской драмы: «Шиллер, Гете, Шекспир, Кальдерон представляют обильную жатву нашим хорошим переводчикам, обещают одушевить наших возрастающих поэтов новым божественным огнем. И в этом представлении, видя, как тысячи зрителей оком, слухом и душою ловили чувства и мысли, мастерски выраженные Шиллером, я думал: может быть, теперь здесь, посреди нас, молодой любимец муз, питая дух картиною изящного и высокого, ощущает в глубине души своей таинственный призыв небесной поэзии и в волнениях дум, восторженных новым зрелищем, готовит нам русского Шиллера!»..

В конце 20-х годов появились на русской сцене пьесы французских романтиков, а несколько позже, именно в начале 30-х годов, начали чаще ставить Шекспира, и уже не в «переделках Дюсиса», как раньше, а в чистом виде. П. А. Каратыгин, как выше было указано, упоминает о мелодраме Дюканжа «Тридцать лет или жизнь игрока», как о первой романтической пьесе, подорвавшей вкус к классицизму. Эта пьеса поставлена была в 1827 году, а «через несколько времени после этого», говорит он, «начали у нас появляться переводные драмы Виктора Гюго, Дюма и других. Плодовитый кн. Шаховской, потерпевший неудачи в классических трагедиях, при-

нялся также за романтический род сочинений и начал перекраивать драмы из романов Вальтер-Скотта. Шекспир в буквальном переводе появился на нашей сцене несколько позже, а до тех пор его пьесы переводились с французского; так, например, «Гамлета» перековеркал Висковатов; «Лира», или, как его тогда называли, «Леара», перевел Гнедич; «Отелло» переиначил Дюсис и т. д. Все эти пьесы были безобразно урезаны и втиснуты в классическую форму, которая требовала на сцене неизменных трех единств. С гениальным Шекспиром обращались тогда без церемонии, и чопорные французские переводчики воображали, что изящный вкус публики и сценические условия требовали непременно их услужливой редакции» (П. А. Каратыгина «Записки»). Проходит еще два-три года, и интерес к романтикам и чистому не искаженному переделкою, Шекспиру берет верх над французским классицизмом. «В 1837 г. с возрастающим интересом драматических произведений гениального А. С. Пушкина и театральных представлений Н. В. Кукольника, и Н. А. Полевого исчезает со сцены псевдоклассицизм, и современное романтическое направление уничтожает окончательно тягучее чтение нараспев и так называемую икоту александрийского стиха». Так рассказывает о победе романтизма в области драмы один из представителей русского театра средины 30-х годов („Русск. Стар." 1888, т. 58: Воспоминания Л. Л. Леонидова за полсотни лет назад, 1835—1843 г.). «С этого периода времени», продолжает он, «Шекспир возрастает на нашей сцене... «Гамлет», «Отелло» и, в особенности, «Король Лир» делаются любимыми представлениями. Современный романтизм пополняется мелодраматичными переводными пьесами и, по примеру французского театра, вводится обстановка (mise en scène) в среде русских актеров. Даже и мы на школьном театре, мы старались ставить небольшие комедии, уже заботясь об искусственной натуре в ансамбле, и вели сценариум, подражая иностранным артистам»... «Наше поколение», многозначительно говорит другой представитель 30-х годов, «начало свое художественное воспитание в хорошее время. С театральных подмостков мы слышали творения Шекспира, Шиллера»... («Русск. Стар.», 1896, т. II, стр. 54: А. Стахович, Клочки воспоминаний).

Эти новые веяния в области драматургии и театрального репертуара нашли себе выражение в современной русской литературе, главным образом, на страницах журналов 20—30-х годов. В особенности живой интерес обнаружила периодическая печать к вопросам о шиллеризме и шекспиризме. На протяжении 20—40-х годов русские журналы поместили около 30-ти статей, посвященных биографии Шиллера и характеристике его произведений, в том числе и драматических (См. Н. Бахтин, «Биографический очерк русской литературы о Шиллере»—Собр. соч. Шиллера, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Ефрон, т. IV). К этому же времени относится и появление более или менее удачных в художественном отношении переводов драм Шиллера: трагедия «Разбойники», переведенная еще в 1793 г. Н. Сандуновым и в 1824 г. Ф. Ф. Ивановым (с франц. переделки), нашла себе в 1828 г. нового переводчика в лице Н. Х. Кетчера; он же перевел в 1830 г. «Заговор Фиеско в Генуе» (первый перевод Г. и А.—М. 1803); «Дон Карлос», помимо упомянутого выше Ободовского, переводили в отдельных частях, напечатанных в журналах 20—30-х годов, Колачевский, М. Лихонин, Олин и др.; «Мессинская невеста» и «Вильгельм Телль» вышли полностью в 1829 году в переводе А. Ротчева; «Мария Стюарт» и две части из Валленштейновской трилогии («Пикколомини» и „Смерть Валленштейна") напечатаны полностью в 1831 г. в переводе Ал. Шишкова 2-го; отрывками обе трагедии неоднократно кроме того печатались на страницах журналов 20—30-х годов в переводе разных лиц; „Орлеанская Дева", поставленная на петербургской сцене уже в 1822 году, появилась в печати в переводе В. А. Жуковского в 1824 году.

Изучение Шекспира, начавшееся у нас еще в конце XVIII столетия в 20—40-х годах представлено было в нашей литературе гораздо обильнее,

чем изучение Шиллера; за эти годы можно встретить в наших журналах около сотни переводных и оригинальных статей, решающих в том или ином направлении вопросы о шекспиризме; между авторами оригинальных статей наибольшего внимания в данном случае заслуживают П. А. Плетнев, В. П. Боткин, В. Р. Зотов и Кронеберги—И. Я. Кронеберг в 30-х и А. И. Кронеберг в 40-х годах. В длинной истории многочисленных переводов Шекспира на русский язык в 20—40-х годах заметный след оставили А. Г. Ротчев, переводивший кроме Шекспира, также Шиллера и В. Гюго, М. П. Вронченко („Гамлет" в его переводе—Спб. 1828, Макбет—Спб. 1837), А. И. Кронеберг, известный в особенности своим переводом «Гамлета» (Харьков, 1844 г.), Н. Х. Кетчер, друг Огарева и Герцена, воспитавший свое поклонение Шекспиру еще в кружке Станкевича; последний, как переводчик Шекспира, отличался особенной неутомимостью: он перевел 37 драматических произведений, составивших первое собрание драм Шекспира в русском переводе (М. 1841—1850 и 1862—1879). (Библиографию шекспиризма в России см. Н. Бахтин. «Шекспир в русской литературе», библиографический очерк—Соч. Шекспира, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз-Евфрона, т. V. Кроме того, у André Lirondelle, Shakespeare en Russie 1748—1840).

Новая драматургия, вдохновлявшаяся главным образом творениями Шиллера и Шекспира, находила себе истолкование не только в журналистике, но и на сцене. Изучаемая эпоха выдвинула целый ряд даровитых артистов; но истолкователями обновлявшейся драмы были по преимуществу двое—В. А. Каратыгин и П. С. Мочалов. В репертуар В. А. Каратыгина, подвизавшегося на петербургской сцене в 20—40-х годах, входили не только классические трагедии, но и „романтические" пьесы, в особенности мелодрамы, где он мастерски исполнял роли, обставленные внешними эффектами. По свидетельству современников, он в своем роде блестяще играл также Гамлета и короля Лира, но для глубокого истолкования Шекспира или даже Шиллера у Каратыгина, в совершенстве владевшего внешней техникой игры, не хватало того богатства внутренних переживаний, без которого невозможно подняться до воплощения в живом образе сложной психики того или иного героя в духе Шекспира и Шиллера. Таковое истолкование шекспиризма и шиллеризма на сцене более удалось П. С. Мочалову, не обладавшему выдержкой и техникой Каратыгина, но зато одаренному от природы редким талантом создавать на сцене в своем лице самые разнообразные и тонкие душевные переживания. Подобно Каратыгину, Мочалов обслуживал, в те же 20—40-е годы, на московской сцене довольно разнообразный репертуар; но ему более, чем Каратыгину, оказались сродни и мещанские и романтические драмы; в особенности же он увлекал современников исполнением ролей в пьесах Шиллера и Шекспира. Дон Карлос, Карл Моор, Фердинанд („Коварство и Любовь"), Мортимер („Мария Стюарт"), Отелло, Лир, Ромео, Гамлет и другие роли в исполнении Мочалова восхищали не только Москву, но и провинцию, где нередко выступал Мочалов в качестве гастролера, насаждая и там культ Шекспировского и Шиллеровского репертуара. Чтобы оценить вполне значение Мочалова в деле развития у нас шекспиризма и шиллеризма, надо вспомнить, что его артистическая деятельность, как истолкователя обновлявшегося театра, совпала с развитием в 30-х годах московских кружков, в которых, особенно же в кружке Станкевича, вместе с научными интересами составился и философско-романтический культ искусства, в частности культ театрального искусства, сопровождавшийся страстным поклонением Шиллеру и Шекспиру. Мочалов осуществлял на практике это романтическое понимание искусства и тем способствовал его проникновению в сознание эпохи. Отсюда понятны восторг Белинского перед Мочаловым-Гамлетом, бросившим, по его выражению, „новый свет на это создание Шекспира", и благоговение Ап. Григорьева перед „великим трагиком", которого он называет „романтическим веянием эпохи" и ставит „выше всех драматургов, которые для него писали роли", потому что он „на все на-

лагал свою печать, печать внутреннего душевного трагизма, печать романтического, обаятельного и всегда—зловещего».

При наличности в обществе, в журналистике и на сцене сочувствия новым веяниям в драматическом творчестве, обновление нашей драматургии и вместе с ней театрального репертуара в 20—40-х годах шло однако медленно и во всяком случае с большими уступками в пользу литературного староверства и общественного консерватизма. Причиною этого была общая для режима эпохи правительственная опека над развитием просвещения, выражавшаяся, в частности, в цензуре. „Чугунный“ Шишковский устав 1826 года, предоставлявший цензору неограниченную роль судьи достоинства рассматриваемой книги, сменился в 1828 году новым цензурным уставом более умеренного направления. Но согласно общему характеру эпохи этот довольно снисходительный к печати—по первоначальному замыслу законодателя—устав скоро оброс запретительными статьями и раз'яснениями в реакционном духе; при этом самый цензурный надзор перестал быть преимущественным правом министерства народного просвещения и раздробился между различными ведомствами и учреждениями, а многочисленные цензора печати, запуганные постоянными строгими взысканиями, своим излишним усердием еще более с'узили и обострили цензурные требования и привели их к неумеренным цензурным строгостям 30-х и 40-х годов. Эти строгости коснулись, конечно, и драматических произведений, состав которых в 20—30-х годах обновлялся переводными романтическими пьесами, представлявшими смелую новинку и по форме и по содержанию. По рассказу Р. М. Зотова („Записки“—Истор. Вестн. 1896, т. III), переведенная Ротчевым пьеса В. Гюго „Эрнани“ была запрещена цензурой, а „Вильгельм Телль“ Шиллера, в переводе того же лица, запрещен был после первого представления, при чем „министр двора, князь Волконский, сделал выговор за переводы подобных пьес“; точно также „Мессинская невеста“ Шиллера встретила сначала противодействие в цензурном театральном комитете и прошла на сцену лишь после некоторой борьбы двух комитетских партий. В одном рапорте на имя великого князя Константина Павловича (Р. Стар. 1903, ноябрь: Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и А. Мицкевич) настойчиво подчеркивается „сильное впечатление и вредное влияние на умы молодых людей“ трагедии Шиллера „Разбойники“. Сохранилось, кроме того, свидетельство, что «Шиллерова Иоанна» запрещена для театра в Царском Селе из опасения „соблазна явлений Богоматери“ (Р. Арх. 1897, т. II: Письма Карамзина к кн. Вяземскому). Даже Шекспир, обновлявший и европейскую и нашу драму уже с конца XVIII столетия, не всегда встречал одобрение цензуры, причем контролировался, хотя и случайно, но очень придирчиво. «В приговорах театральной цензуры—говорит П. С. Федоров, характеризуя отношение «цензуры III-го отделения» к театральным пьесам после 1826 года (Р. Арх. 1896, т. I: К истории театральной цензуры. Записка П. С. Федорова, 1859 года)—трудно отыскать последовательность: она ее знать не хочет. Вот две пьесы. В одной („Макбет“) феодальный барон убивает своего короля, садится на его престол, и с этой минуты жизнь его—пытка, которая кончается страшною смертью. Сильный урок для честолюбцев! В другой („Гамлет“) родной брат убивает своего короля, садится на его престол, женится на его вдове, покушается на жизнь племянника; жизнь его беспрерывный пир; конец—смерть совершенно случайная. Урока нет! Что ж бы должно запретить, в видах нравственности и уважения к власти, как понимает их цензура? Разумеется „Гамлета“? Нет. Цензура пропускает на сцену «Гамлета» и запрещает „Макбета“.

Несмотря, однако, на эту цензурную опеку и на общий консервативный уклад жизни, отражавшийся и на театральном деле, изучаемая эпоха отмечена в истории нашей драматургии, помимо целого ряда переводных пьес, значительным количеством оригинальных драматических произведений, которые иногда стояли более или менее близко к романтическим образцам, но боль-

шею частью, претендуя на звание „романтических“, в действительности сбивались на мелодраму. Особую группу в драматургии данной эпохи составляет историческая драма, создавшаяся, впрочем, также на драматургических приемах романтизма.

Сравнительно удачные попытки создать романтическую драму могут быть иллюстрированы для 30—40-х годов драмою В. Г. Белинского „Дмитрий Калинин“ и юношескими драмами М. Ю. Лермонтова. Эти произведения, правда, не попали в театральный репертуар и не были поставлены на сцене; но в эволюции русской драматургии сыграли, конечно, известную роль в смысле обращения к новым идеям и формам.

Драма Белинского „Дмитрий Калинин“ написана около 1830—31 года, но в печати, в полном своем виде, стала известной лишь с 1891 года (напеч. в „Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов.“ и в полн. собр. соч. В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. I). Незаконный сын помещика Лесинского Дмитрий Калинин, воспитанный вместе с его детьми под видом сына одного из его крепостных, страстно влюбился в дочь Лесинского Софью, девушку, получившую на стороне прекрасное образование. Не подозревая своего родства, молодые люди вступают в связь. Между тем умирает старик Лесинский. Его сыновья, жестокие крепостники, в отсутствие Дмитрия, уехавшего в Москву, уничтожают данную ему покойным Лесинским отпускную и самым унизительным образом требуют его к себе, как крепостного, потому что в доме „не достает лакеев“. В то же время, Софья по настоянию матери, ненавидящей Дмитрия, должна выйти замуж за князя Кизяева, „всесветного жениха“, обольстившего уже одну благородную девушку, которой случайно выпала на долю роль руководительницы образованием Софии. Приехавший из Москвы Дмитрий думает с помощью своего друга Сурского похитить Софью во время именинного бала в доме Лесинских и тайно обвенчаться с ней, но сам разрушает свой замысел, благодаря своей неистовой натуре: он является неожиданно в дом Лесинских, бросается в об'ятия Софьи и убивает ее брата, оскорбившего его словом „раб“. Заключенный в тюрьму, Дмитрий бежит оттуда еще раз в деревню Лесинских для свидания с Софьей; отчаявшись в своей судьбе, молодые люди решают умереть: Дмитрий закалывает Софью, а потом убивает и себя. Лишь перед самой смертью он узнает, что Лесинский был не просто его благодетель, но и отец, и что он, таким образом, и братоубийца и кровосмеситель.

Независимо от своей общественной тенденции, направленной против ужасов крепостничества, драма Белинского представляет по обрисовке характеров и по самой своей конструкции типичный образец сентиментально-романтической трагедии, впадающей, впрочем, местами в мелодраматизм. Дмитрий Калинин и Софья—довольно яркие символы прекраснодушия,— первый с уклонением в сторону протестующего романтизма, вторая с сильным налетом сентиментальной восторженности и грусти. Дмитрий—враг „холодного рассудка“, живущий воображением; его душа, „напитанная духом поэзии“, „окрыляется каким-то невыразимым восторгом“, „истинная его отрада“—„занятие науками и чтение поэтов“; „божественная сила поэзии“ доставляет ему „священные наслаждения, непонятные для душ обыкновенных“; и из мира „горького“ и „плачевного“ он любит переноситься в „прелестный мир очарований“. В этой прекрасной душе вместе с тем живут бурные стремления и неистовые порывы к борьбе с злом жизни, роднящие ее с высшими натурами Sturm-und-Drang'a. В груди Димитрия „бунтует ад“, когда при нем рассказывают „о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми, о злоупотреблении властей; слово „раб“, которым его клеймят братья Лесинские, «уязвляет» его сердце, как «острие кинжала», как „гибельное жало змеи“, и он „весь превращается в злобу и неистовство“. Горячо протестуя в частности против „гибельного права одних людей порабощать своей власти волю других, подобных им существ“, т. е. против крепостного права,—он в то же время считает несправедливыми все вообще законы

„противные правам природы и человечества“. Самая мысль о неизбывности для человека на земле страдания глубоко его волнует и кажется несогласной с «правосудием Бога». Возлюбленная Дмитрия, Софья Лесинская, ближе к сентиментальному прекраснодушию, чем к романтической высшей натуре; но и у ней нежная и тихая меланхолия прерывается моментами бурного протеста против зла окружающей ее действительности: полное мечтательного квиэтизма обаяние «цветущей юности» с ее «сладостными мечтанаями» и «лестнейшими надеждами» не мешает ей со всею силою оскорбленного человеческого достоинства обрушиться на своего брата, этого «палача и кровопийцу», этого «подлого» человека, с «душой низкой и презренной», за то, что он позволяет себе насмехаться над «чувствами» своей сестры, и если она отталкивает Дмитрия, как убийцу ее брата, потому что с убийством не может мириться ее кроткая и чувствительная природа, то она же берет под свою защиту Дмитрия, как человека, и бурно—в духе романтической femme supérieure—отстаивает его человеческие права, потому что «этот лакей выше и благороднее всех князей и графов», и потому что, по ее мнению, „права происхождения, предки суть не что иное, как предрассудки, постыдные для человечества“, и „единственно одни достоинства личные должны давать права на почести и славу“. Дмитрия и Софью, как представителей романтических настроений, дополняет друг Калинина Сурский, воспитанный, по его собственному признанию, вне „предрассудков почтенной русской старины“,—по «новому», но переживший уже пору сентиментально-романтического очарования и в противоположность Дмитрию, впадающему часто в тон пушкинского Ленского, напоминающий иногда по своим речам разочарованного Евгения Онегина.

Романтическому содержанию «драматической повести» Белинского соответствует и ее форма. Свободно распоряжаясь сценическим временем и местом (Москва, деревня Лесинских, провинциальный «городок»), автор не менее свободно относится и к пресловутому единству действия: он рисует ряд картин, почти самостоятельных и независимых—интимную жизнь двух друзей в Москве, помещичий быт в деревне, страдания молодой благородной девушки в чуждой ей по духу среде жестокости и произвола и трагедию крепостного крестьянства, как общий фон к отдельным эпизодам большого полотна; в эти картины деревенской жизни, составляющие большую часть литературного замысла Белинского, лишь дважды (в конце четвертого и в средине пятого действия) врывается бурный Дмитрий, чтобы своими мелодраматическими выкриками и выходками, по воле автора, «обратить драматическую повесть» в полную ужасов романтическую трагедию. При некоторой формальной пестроте и нестройности в драме есть другое, более ценное, единство, найденное драматургами романтизма: это—определенное психологирование героев, которых автор обставляет не столько внешними эффектами, сколько детальными справками в отношении их душевных переживаний и настроений; такие справки Белинский дает, главным образом, применительно к характерам Дмитрия, Сурского, Софьи и ее воспитательницы Рудиной; взятые в своей совокупности, эти характеры создают, по замыслу автора, единое настроение протеста против старого уклада жизни и искание нового идеала. Романтизм дал и еще один важный художественный прием в распоряжение нашего автора: он подсказал ему необходимость реализировать сюжет драмы путем наложения на него колорита места и времени: если Софья несколько напоминает добродетельную резонерку во вкусе ложноклассицизма, а г-жа Лесинская—до каррикатурности злонравную барыню, написанную по известной Фонвизинской модели, такой же «презлой фурии», г-жи Простаковой,—то многие картины и отдельные черты помещичьей жизни и особенно крепостного быта изображены с большой жизненной правдой; в виде примера можно привести ярко вычерченный характер дворового человека Лесинских Ивана и его же рассказ о мужичке Антипе Власьеве».

Лермонтов почти одновременно с Белинским заинтересовался романтической драматургией. В 1829 году он увлекается «Разбойниками» Шиллера и игрой в них Мочалова; тогда же делает попытки перевода „Трех ведьм“ из «Макбета», переделки Шиллера; драматизирует „Цыган“ Пушкина и „Атала“ Шатобриана. В 1830 году он набрасывает сюжет исторической трагедии «Мстислав Черный», приуроченный к татарскому игу, и в то же время пытается драматизировать чисто романтический мотив из своей современности на тему о молодом русском мещанине, отвергнутом обществом и переживающем судьбу Вертера. В том же, 1830-м, году написана Лермонтовым драма «Испанцы». Как по внешним подробностям, так и по внутренним своим мотивам, эта драма—пестрая романтическая мозаика из таких западноевропейских образцов, как «Натан Мудрый» Лессинга, «Разбойники» Шиллера, «Эрнани» В. Гюго. Молодой испанец Фернандо, воспитанный дворянином Альварецом, любит его дочь Эмилию; но Альварец выгоняет его из дому, считая большой дерзостью притязания своего безродного воспитанника на руку своей благородной дочери. Между тем мачеха Эмилии продает ее в качестве любовницы иезуиту Соррини, одному из деятелей инквизиции. Спасая свою возлюбленную из рук безнравственного Соррини, Фердинандо принужден ее убить, и сам при этом попадает в руки инквизиции. Немного раньше он спасает от инквизиции еврея Моисея, который оказывается его отцом. Моисей напрасно прилагает все усилия, чтобы избавить от пытки и позорной казни своего сына; дочь Моисея, Ноэми, умирает с горя, узнав о казни своего брата Фернандо. Трагедия не окончена, но характер Фернандо достаточно очерчен. Как в своем настроении, так и в своей манере говорить, он является копией с известных благородных скитальцев романтизма—Карла Моора, Эрнани и т. п. Человек без рода и племени, он, однако, по признанию Эмилии, благороднее всех патентованных аристократов. Горячий протест этой высшей натуры направлен ближайшим образом на испанский религиозный фанатизм, опирающийся на инквизицию и другие виды изуверства; вообще же в лице своих соотечественников—испанцев Фернандо бичует жестокость и безнравственность всей европейской христианской культуры.

К тому же году относится драма „Menschen und Leidenschaften“, из которой мы убеждаемся, что романтическую трагедию души, усвоенную испанцу Фернандо, переживал в это время и сам Лермонтов: в драме поэт изображает несомненно себя и свои семейные отношения, в особенности отношения между отцом и бабушкой. Герой драмы Юрий Волин тяжело страдает от несогласия между своим отцом и бабушкой, и в то же время единственную отраду в этих семейных распрях видит в любви к двоюродной своей сестре,—любви, в силу родственной связи безнадежной. Заподозрив по несчастному стечению обстоятельств предмет своей любви в измене (на самом деле она была невинна), и заподозренный в свою очередь своим отцом в недостойных происках в пользу бабушки (на самом деле он не был виноват в этом), он в отчаянии выпивает яд, не дождавшись того момента, когда оба недоразумения сами собой выяснились. В лице Юрия перед нами представитель романтического безочарования, близкий к байроническому типу скорби. Изверившийся в людях, он дерзко восстает в своих думах против Бога и доходит до такого мрачного пессимизма, который граничит с мыслью о космическом самоубийстве. Но как многие протестующие против зла жизни высшие натуры, Юрий горячо высказывается в пользу тех положительных средств, которые могут претворить ум человека и его тягостную жизнь в светлый подвиг добра и спасти его от человеконавистничества и презрения к жизни. Такими средствами он считает науку и высокое чувство любви.

То же самое настроение романтической высшей натуры развивается и в драме 1831 года «Странный человек». Содержанием ее также служит семейная история детства и юности поэта, но только несколько замаскиро-

ванная. Семейный разлад здесь происходит между мужем и женой. Жена вызывает подозрение мужа в своей верности, и он ее удаляет из дому. Сын берет на себя посредничество между отцом и матерью, но неудачно: мать умирает, не доживши до примирения с мужем; а отец, раздраженный смелым об'яснением со стороны сына, проклинает его. Сын, кроме того, терпит еще неудачу в любви (его друг, Белинский, отбивает у него невесту) и сходит с ума. Независимо от автобиографического значения драмы, герой ее Владимир Арбенин интересен именно, как выразитель протеста против зла жизни и искатель новых ее путей. Он горячо высказывается за необходимость мирных и любовных отношений между людьми и, отрицательно относясь к светской праздности и скуке, ищет серьезных общественных интересов. Несмотря на неудачи своей личной жизни, приводящие его иногда к глубокому отчаянию,—он всетаки полон порыва к высокому жизненному подвигу. Его бурный протест обрушивается, между прочим, и на крепостное право, как на одно из самых страшных зол его эпохи. Выслушав рассказ о жестокостях одной помещицы, он произносит, в тоне речей Дмитрия Калинина, горячее осуждение помещичьим «злодействам» и помещичьему «счастью», покупаемому «кровавыми слезами». Совпадение в этом пункте юношеских драм Белинского и Лермонтова, этих двух чембарцев, об'ясняется, по мнению С. А. Венгерова, тем, что они могли в окрестностях Чембара наблюдать одни и те же примеры злоупотреблений помещичьей властью, напр. в среде дворян Мосоловых и Столыпиных.

Все эти юношеские драмы Лермонтова были недостаточно зрелы для постановки на сцене, да и по цензурным условиям времени они, подобно драме Белинского, вряд-ли получили бы в то время на это разрешение. Но Лермонтов хотел видеть на сцене свое создание. И известную драму «Маскарад» (1834—5), написанную в сравнительно более зрелые годы, он настойчиво готовил к постановке. Поэтому, когда первая редакция драмы по приговору цензуры «не могла быть представлена—так свидетельствует сам поэт—по причине слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена»,—он переделал драму, и она появилась в новой редакции. В обоих случаях драма Лермонтова написана не без влияния Грибоедова, как в отделке характеров, так и в стиле. По фабуле она отчасти напоминает «Отелло» Шекспира: разочарованный Арбенин видит единственный выход из своего отчаяния в любви к своей жене; один из его недоброжелателей возбуждает в нем чувство ревности; Арбенин отравляет жену, но, узнав затем о ее невинности, сходит с ума. По содержанию своему драма все-таки своеобразна и не лишена ценности: реальные картины жизни известных слоев светского русского общества,—карты, кутежи, сплетни, интриги проходят перед нами в резких и довольно ярких образах. На фоне этих картин вычерчивается, как и в более ранних драматических произведениях Лермонтова, фигура гордого страдальца в духе байронизма и с чертами Лермонтовского Демона и Печорина. Арбенин, проживший бурную молодость и изверившийся в жизни, выступает с горячим протестом против окружающей пошлости, с которой он сам однако крепко связан. Его последняя надежда—найти успокоение и обновление своей жизненной задачи в чистой любви и в семье—гибнет безвозвратно: раз'едаемый скептицизмом и самоанализом, он, как Демон или как Печорин, не способен к прочному счастью, и, действительно, своей подозрительностью и ревностью он разрушает свою, только что расцветшую, любовь.

Как известно, и эта пьеса Лермонтова не увидела сцены. Вообще наиболее типичные образцы романтической драмы, данные именно Белинским и Лермонтовым, не только не были поставлены на сцене, но даже и не были напечатаны при жизни авторов; таким образом область влияния их на развитие драматического творчества и сценических вкусов эпохи не пошла дальше того ограниченного круга лиц, которые имели возможность

прослушать или прочитать эти произведения в рукописи. Впрочем, это только лишний раз доказывает, что наиболее прогрессивные течения нашей общественности и литературы 30—40-х годов замыкались, в силу самого характера эпохи, в узкую сферу кружковщины и тесных дружеских связей. К тому же, для широкого распространения пьесы Белинского и Лермонтова не годились ни по условиям цензурным, ни по своему серьезному содержанию, стоявшему выше обычного уровня запросов массы, читавшей текущую беллетристику и посещавшей театры. Для обыкновенного потребителя книги и театра романтическая драма должна была сильно видоизмениться в сторону приспособления к требованиям обывательских литературных вкусов и к господствующему общественно-политическому направлению. Это и создало у нас в 30—40-х годах псевдоромантическую драму, которая, в противоположность пьесам Белинского и Лермонтова, нашла себе место в печати, в театре и в широких кругах читающей публики. Псевдоромантизм в драме представляет собою искажение идей и форм романтики или вследствие уклонения к литературным реминисценциям уже отживавших свой век направлений, главным образом французского классицизма и сентиментализма, или вследствие усвоения узкой тенденции времени, в большинстве случаев т. н. оффициальной народности. В литературном отношении романтическая драма невысокой художественной марки легко впадала в тон мелодрамы, которая, соединяя в себе наиболее крикливые эффекты французского классицизма и сентиментальной поэзии, вполне удовлетворяла требованиям рядового зрителя. В свою очередь мелодрама начала XIX столетия, очень близкая по своей внешней технике к романтической драме и отчасти подготовившая ее расцвет, усвоила у ней хотя и очень поверхностно—некоторые приемы и мотивы романтизма, как напр. стремление к необычайному и сверхчеловеческому, любовь к необузданной фантастике, колоритное и декоративное изображение исторического прошлого, обращение к первобытной жизни и природе, культ „высшей натуры“ и т. д. Представителями такой псевдоромантической драмы или, лучше сказать, романтизированной мелодрамы являются у нас в изучаемую эпоху Н. В. Кукольник и Н. А. Полевой.

Плодовитый писатель и неутомимый поставщик пьес для театрального репертуара 30—40-х годов, Н. В. Кукольник (1809—1868) пользовался в свое время шумным и блестящим успехом, и его литературное имя по значению ставили иногда рядом с нашими первоклассными художниками слова. Эта известность Кукольника у современников об'ясняется, конечно, тем, что он с'умел попасть в тон своей эпохе, взятой в ее среднем уровне. В особенности такое об'яснение приложимо к его деятельности, как драматурга. С развязностью посредственного литературного борзописца он схватил некоторые, в его время модные, приемы романтической драматургии и с находчивостью ловкого дельца использовал их применительно к литературным и театральным спросам своей современности и к ее господствующим общественно-политическим тенденциям. Следуя девизу романтической критики: «ubi vita, ibi poesis», Кукольник делает, в своих поисках сюжета для драмы, очень смелые, хотя и совершенно случайные в то же время, набеги на разные страны и эпохи. Он старается воскресить итальянскую старину 15—16 веков («Торквато Тассо», „Джулио Мости“, «Джакобо Санназар» и «Доменикино»), пробует живописать немецкую Ригу 15-го века («Статуя Кристофа в Риге или будет война!») и литературную Германию 18-го столетия („Иоанн Антон Лейзевиц“), рисует русский быт конца XVIII в. («Ермил Иванович Костров»), отдает дань внимания Петру Великому и его времени («Генерал-поручик Паткуль», «Деньщик», «Иван Рябов, рыбак архангелогородский»), драматизирует Московскую Русь 15-го века в ее внутренней жизни и в ее отношениях к соседям («Боярин Федор Васильевич Басенок», «Князь Даниил Васильевич Холмский») и с особенным под'емом оффициального патриотизма изображает Смутное время («Рука Всевышнего

отечество спасла», «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский»). Знакомство с романтической драматургией проявляется у Кукольника, кроме того, еще в идеализации героев и их чувств, в параллелизме трагического и комического и в пользовании внешне-эффектными драматическими положениями. Примеров много. Джулио Мости, символ необычайной дружбы и самоотречения, благородный страдалец Паткуль, Пожарский и Скопин-Шуйский, безупречные и бескорыстные слуги своего отечества, Ермил Иванович Костров, самоотверженный устроитель чужого счастья, денщик Петра Великого, безгранично чувствительный и трогательно великодушный—все это иллюстрации слишком наивно понятой романтической идеализации. В частности Кукольник старается использовать и отдельные мотивы романтизма в области живописания человеческих характеров и переживаний: он любит рисовать мир поэтов и художников, театральных артистов („Торквато Тассо“, «Доменикино», «Иоанн Антон Лейзевиц»), в котором пытается уловить как резкие проявления протестующего индивидуализма высокоодаренной личности, так и ее спокойные, почти идиллические интимные переживания; романтическую «высшую натуру», колеблющуюся между очарованием жизнью и ненавистью к ней, он ищет не только в Торквато Тассо или в поэте Джакобо Санназаре, но и в московском воеводе князе Даниле Холмском и в денщике Петра Великого; применяя известный, излюбленный романтиками, мотив благородного бандитизма, он заставляет разбойников, живущих грабежом, преклоняться перед гением поэта Тассо. Картины ужаса Кукольник сменяет сценами буйного веселья, и выдумывает такие неожиданные по контрасту и сочетанию положения и речи (в роде известной фразы „Пей под ножом Прокопья Ляпунова“), которые особенно удобны для игры посредственного трагика, бьющего на крикливую, показную декламацию.

Но романтизм все-таки был не по плечу Кукольнику так же, как и широким кругам его современников, для которых предназначались его скороспелые драмы. Поэтому он приспособлял романтическую драматургию и к уровню своего литературного горизонта и к уровню литературных вкусов своей эпохи, которая для Кукольника была ближе и понятнее, в своих обывательских претензиях, чем для Пушкина, Грибоедова и Гоголя. Это приспособление шло прежде всего в сторону тех драматургических традиций, с которыми русская публика успела крепко сжиться за вторую половину XVIII-го и за первые десятилетия XIX-го столетия и на которых воспитался и Кукольник, т. е. в сторону традиций ложноклассических. Понятно отсюда, что речи Торквато Тассо, Санназара, Доменикино, Минина, Пожарского, Ляпунова, князя Холмского и др., украшенные цветами риторизма, тянутся целыми страницами и поражают своим отвлеченным и надутым резонерством, заменявшим для Кукольника и для потребителей его драматургии то психологизирование жизни, которое было доступно выдающимся писателям-романтикам, но не давалось их плохим подражателям. Отсюда же об'ясняется и то постоянное нарушение колорита места и времени, которое Кукольник неизбежно допускает, уклоняясь, иногда, может быть, против своего желания, в сторону ложноклассической, холодной и безжизненной живописи: его поэты и художники одинаково мыслят и говорят, независимо от того, принадлежат ли они 15-му или 18-му столетию; его борцы за родину—Пожарский и Скопин-Шуйский, денщик Петра Великого и «архангелогородский рыбак» Иван Рябов—все на одно лицо. Неудивительно поэтому, что, несмотря на все усилия рисовать, по манере романтиков, данную эпоху ее красками, Кукольник постоянно впадает в фальшивый тон ложноклассического драматурга, особенно в построении речей действующих лиц в своих драмах: его герои 15-17 столетий произносят такие напр. витиеватые фразы на позднейшем литературном языке, как «Мое несчастье в вас поселяет подозрение» (Трубецкой), «Мы перестали верить порывам бескорыстным» (Заруцкий), «Теперь Святая Русь цела, как небо» (Трубецкой), «И нам доступны рыцарские чувства» (кн. Холмский); и даже когда автор,

заставляя эпоху говорить ее языком, нарочно вводит в речи архаизмы, это ему не удается, и речь остается по прежнему тяжелой и искусственной,— так, Пожарский называет лукавую Марину Мнишек «лжицей», а в одном из своих патетических монологов он допускает такие тяжелые конструкции и выражения, как напр.: «Ты мне глагол оставил, Боже правый, да Русь еще благословлю глаголом»... Применяясь к вкусам своего времени, Кукольник нередко пользуется и литературными приемами сентиментализма: «историческая драма» «Деньщик» построена по образцу т. н. «мещанских» драм, а драма «Иван Рябов, рыбак архангелогородский» по общему тону очень близка к чувствительной идиллии из простонародного быта в том театрально-бутафорском ее виде, как понимали ее ложноклассики и заурядные сентименталисты; кроме того большинство драм Кукольника, особенно тех, которые посвящены русской старине, отличаются неизбежным для мелодрамы 30—40-х годов налетом слезливо-слащавой трогательности в духе утрированной сентиментальной поэтики.

Приспособление романтической драматургии к господствующим общественно-политическим тенденциям совершалось под пером Кукольника еще настойчивее. Он прямо излагал в своих драмах программу оффициальной народности николаевской эпохи, и в этом отношении сходился не столько с правой фракцией славянофильства, сколько с крайними проявлениями реакционного консерватизма, выраженного, например, в таком журнале, как «Маяк» 40-х годов. Герои драм Кукольника, написанных на сюжеты из русской истории, все время славят «Святую Русь», восторгаются ее неизмеримыми пределами—«от восхождения солнца до Днепра, от вечных льдов Архангельских до Турок», с пафосом говорят о русских святынях, о русской храбрости—о «русском мече», который «с рукою русской сросся», о „русском стыде“, о русских нравах; о том, что силу государств чужих мы меряем „победами и милостью“, и что, наоборот, «и пядь земли от Божией державы ни сила, ни измена не отрежет». Вместе с тем герои Кукольника очень не одобряют вообще чужеземцев, которые, как им кажется, полны «бессильной зависти к Святому Царству»: особенно же сильно их нерасположение к «пресловутому Западу», который, по выражению Ляпунова («Князь Скопин-Шуйский»), «мы можем затопить, как наводненье»; впрочем, по поводу исторической роли Петра Великого, которую Кукольник признает, делается некоторая снисходительная уступка и европейской культуре: «Дворец Петра—безмерная Россия; Европа—палисадник с цветниками, где, как пчела, Петр собирает соты» («Деньщик»). Особенного напряжения этот оффициально-патриотический пафос Кукольника достигает в таких пьесах, как «Князь Михаил Скопин-Шуйский» и «Рука Всевышнего отечество спасла», долго не сходивших с репертуара и во второй половине XIX столетия. Журналы считали эти пьесы «истинно-народными» драмами, некоторые современники видели в них «высокое чувство», большинство проникалось патриотическим лиризмом Кукольника в доказательство своей солидарности с господствующим направлением правительственной политики. По свидетельству К. А. Полевого первые представления пьесы «Рука Всевышнего», поставленной в начале 1834 года, «отличались необыкновенным блеском». «Сказывали—говорит он,—что 40000 рублей было употреблено на постановку этой знаменитой пьесы, и самая блистательная публика наполняла ложи и кресла в первые представления ее на Александринском театре. Государь Император удостоил ее своим вниманием и одобрением. «Рука Всевышнего» казалась патриотическою, народною драмою, перед которою преклонялись все—и знатные, и простолюдины. О ней не произносили ничего кроме похвал». Единственный критик, решившийся громко заговорить в печати о том, что пьеса Кукольника, при всех своих романтических вольностях, не отличается художественностью, и что в ней «ничего нет исторического ни в событиях, ни в характерах», был Н. А. Полевой, с трудом избегший самых тяжелых последствий за свой смелый отзыв.

Сам Н. А. Полевой однако не с'умел стать выше шаблонных вкусов своего времени и вслед за Кукольником, которого так решительно осуждал, пошел по той же дороге оффициально-народного драматурга николаевской эпохи. Хороший теоретик романтической драмы, воспитавшийся на принципах главным образом французской и отчасти немецкой романтической критики, он, как и Кукольник, на практике создал лишь ряд романтизированных мелодрам. Таковы именно те 30—40 пьес, которые он написал за последние годы своей жизни (род. 1796, ум. 1846). Ободренный успехом своего перевода «Гамлета», появившегося на Московской сцене в 1837 году с Мочаловым в заглавной роли, Полевой усердно занялся драматургией, отыскивая для своих пьес самые пестрые и иногда неожиданные сюжеты. Сюжеты эти столько же свойственны мелодраме, сколько и драме романтической. В „Уголино“ драматизируется эпизод поэмы Данте,—вражда непримиримых врагов, графов Уголино и Руджиеро, развивающаяся на фоне быта средневековой Италии; «Елена Глинская» и «Костромские леса» посвящены допетровской Руси, «Дедушка русского флота» и «Купец Иголкин»—эпохе Петра Великого, «Параша Сибирячка»—времени имп. Александра I, „Солдатское сердце“ изображает эпизод из жизни современника Полевого—Булгарина и т. д. Таковы же сюжеты и комедий Полевого: в одном случае он обращается к довольно избитым темам (ком. „Отец и откупщик, дочь и откуп“), в другом—он пользуется для комедии бытовой историей прошлого (драмат. быль „Русский человек добро помнит»), а иногда находит сюжет для комедии там, где, казалось бы, трудно его отыскать (ком. «Первое представление мельника, колдуна, обманщика и свата»,—из истории русского театра). Характеры действующих лиц очерчены в этих пестрых по содержанию пьесах с свойственными псевдоклассической манере одноцветной колоритностью и даже карикатурностью. Злодеи нарисованы излишне мрачными, добродетельные люди одеты исключительно в сияние нравственной красоты. Между преступным Руджиеро и ангелоподобной Вероникой в „Уголино“ лежит целая пропасть; русский помещик начала XIX столетия („Русский человек добро помнит“) обращается под пером Полевого в трогательное, но не вполне естественное вместилище всех добродетелей, действующие лица „Параши Сибирячки“ почти все сплошь идеальны. Одно из обычных и сильных средств романтической драмы, именно введение фантастики как во внешнюю обстановку пьесы, так и в сферу внутренних переживаний героев, принимает у Полевого характер грубых эффектов во вкусе безвкусно и крикливо построенной мелодрамы; таковы напр. призраки и видения, которыми создает Полевой сценические эффекты в драме „Елена Глинская“; такое же впечатление производит и явление призрака Вероники в „Уголино“, которая, пролетая в тумане, поет по адресу своего возлюбленного мужа Нино романс: «О милый друг, из-за могилы узнай мой голос, мой привет»... Язык драматических произведений Полевого—за некоторыми исключениями, когда он, довольно хорошо знакомый с современной ему западноевропейской поэзией, умело использовал сентиментально-романтический стиль,—в большинстве случаев впадает в излишнюю напыщенность и трескучий риторизм, граничащий опять-таки больше с псевдоклассической трагедией и мелодрамой, чем напр. с цветистым, хотя и искусственным, стилем Гюго и его школы. „Риторика“ Полевого, выражающаяся в „наборе слов, взятых и сведенных на удачу из словаря“, отмечена была еще Белинским по поводу напр. драмы „Елена Глинская“. Наконец, наученный горьким опытом—во дни своего невольного об'яснения с Уваровым и Бенкендорфом по поводу критического разбора пьесы Н. В. Кукольника „Рука Всевышнего отечество спасла“,—как опасно выступать против оффициального патриотизма, Полевой почти всем своим драматическим произведениям придал тот налет оффициальной народности, который, правда, сделал их тенденциозными, но зато и обеспечил им радушный прием в администрации, цензуре и правительственных театрах. Вот почему в „Уголино“ устами

Руджиеро Полевой так решительно осуждает „вечевой набат“ и так подчеркивает величие крепкой власти, которая должна „как провидение, не слушать воплей мелких, как Божий гром греметь“. Той же тенденцией проникнуты драмы „Купец Иголкин“, где герой своим непоколебимым патриотизмом побеждает даже иноземца Карла XII, и „Дедушка русского флота“ это „произведение ума отечественного“, как выразился один из современников, и „Елена Глинская“, обильно сдобренная патриотическим энтузиазмом Оболенского, и „Солдатское сердце“, где возвеличивается героизм Ф. В. Булгарина и т. д.

Таковы составные элементы псевдоромантической драмы Полевого. Собственно с романтизмом ее сближают только некоторые внешние эффекты, крикливо использованные в современной Полевому мелодраме, и известное пристрастие к чувствительным и мечтательным героям, усвоенное Полевым не столько из романтической, сколько из сентиментальной поэзии. По поводу этой литературной связи Полевого—драматурга с сентиментально-романтической школой приходится вспомнить меткое суждение Белинского, по мнению которого как переведенный Полевым «Гамлет», совершенно не понятный им в своем оригинальном замысле, так и самостоятельная драма Полевого «Уголино», одинаково представляют собою «сатирическую апофеозу романтических душ и мечтательных характеров»; при этом сатира на мечтательность и чувствительность явилась здесь не по воле Полевого, но лишь в силу уродливого изображения им сентиментально-романтических характеров. В особенности такую «пряничную» чувствительность усматривает Белинский в сценах любви между Нино и Вероникой («Уголино»), где влюбленные напоминают Манилова и его жену с их слащавою супружескою нежностью. Еще дальше от сентиментально-романтической драматургии комедии Полевого. За немногими исключениями (ср. напр. драм. быль „Русский человек добро помнит“, построенную в духе т. н. слезной комедии) они близки к шаблонам французского классицизма и в самом лучшем случае не превосходят обычных репертуарных пьес этого рода, исполнявшихся у нас в начале XIX столетия.

При всех своих недостатках пьесы Полевого в свое время имели большой успех, свидетельствующий однако не только об угодливом подчинении автора внутренней политике николаевского времени, но и о слабости демократического сознания его читателей и театральных зрителей. Об этом успехе красноречиво говорит и сам драматург в своих письмах к брату и К. А. Полевой в своих записках. „Гамлет“ Полевого открыл, по мнению его брата, „и публике, и хорошим актерам новый мир“, и „тот, кто первый усвоил русской сцене Шекспира, оказал великую услугу сценическому искусству в России“. Успех „Уголино“, по выражению самого автора, был „неслыханный и неожиданный“: „за билеты была драка“, «театр был набит битком», „плакали дамы, мужчины, гвардейцы“; „говорили громко, что „Уголино“ выше всего“; автора «обнимали, целовали»... Особенно шумно были приняты патриотические пьесы Полевого. Четвертое представление «Дедушки Русского флота», происходившее 18-го ноября 1838 года в присутствии имп. Николая I, Полевой описывает в письме к брату так: „Начался „Дедушка“—все загремело, и когда пошла вторая половина пьесы, —это были просто гром, крик, „ура“! Видно было, что государь наслаждался этим неподдельным голосом народа; он был весел, хлопал, смеялся.—„Полевой дал мне семейный праздник!„—сказал государь потом...—«У автора необыкновенные дарования,—говорил он,—ему надобно писать, писать, писать! Вот что ему писать надобно (он улыбнулся), а не издавать журналы»". Несколько дней спустя гр. Бенкендорф вызвал Полевого к себе, чтобы передать ему высочайшую благодарность, причем „вручил богатый бриллиантовый перстень“. «Весь Петербург заговорил—продолжает Полевой рассказ о своих успехах—все мне сделались теперь друзьями; многие прочили меня просто в гении. «Дедушку» назначили играть по три раза в неделю. Он сделался на-

...ною пьесою. Билетов достать ни в кресла, ни в ложи, невозможно каж... раз, и теперь уже все в „Дедушке“ сделалось изумительно и превосход... Этот успех помирил с Полевым даже и министра народного просвеще... Уварова, который, по мнению К. А. Полевого, первый воздвиг в 1834 г. ...ние на Н. А. Полевого за его резкий отзыв о пьесе Кукольника «Рука ...вышнего»: по свидетельству самого Полевого, Уваров его «обласкал, об'... другом и любимым писателем своим». Аналогичный успех выпал и на ... пьесы «Купец Иголкин», написанной, по признанию автора, «в одни ...». Николай I этот раз приехал на первое представление новой пь'есы. ...торг был ужасный» — пишет Полевой; «три раза, вызвали меня, и ...Иголкина“ давали после того по три раза, кажется, в неделю“.. ...олкин» и «Дедушка» сделались теперь любимыми, национальными пьеса... в Петербурге. 17-го января 1840 года была поставлена в первый раз «Параша Сибирячка». «Успех ее — свидетельствует Полевой — был неслыхан... Играли так превосходно, что все заливалось слезами, и меня вызва... три раза! Сам государь был, а добрая милая обожаемая всеми великая ...гиня Мария Николаевна так была растрогана, что ей сделалось дурно ...сле второго акта, когда Параша выпрашивает прощение отцу своему. ...ренетические рукоплескания потрясали сцену»!.. Подводя в 1842 году итог ...им успехам, Полевой говорил в печати, что он „в течение пяти лет имел ...ть удостоиться за пятнадцать пьес драгоценного ему одобрения зрителей ...ербургских и московских.“ По поводу этого признания Белинский в про..., но убедительной форме раз на всегда раз'яснил причину этого «драго...ного одобрения»: «...Публика нашла по себе сочинителя, а сочинитель на... по себе публику; обе стороны одна другою довольны, обе поняли одна ...угую — зрелище приятное и умилительное!...» В частности, секрет шумно... успеха именно патриотических пьес Полевого был тоже вполне понятен ...ляющему меньшинству его современников. По этому поводу достаточно вспом... суждение о патриотических пьесах «Москвитянина» (за 1843 год), под ...рым в свое время так охотно подписался Белинский. „Все драмы По...го, имевшие успех — читаем здесь —, доказывают, что у нас всякое произ...ние, вовсе чуждое художественного достоинства, но основанное на патри...ческом чувстве, будет всегда иметь успех в нашей публике. Зрители, смот... на такую драму, рукоплещут не пьесе, не автору, а своим собственным ...ствам, которые в них затронуты, а затронуть их в русском народе не ... надобно искусства. Писатели с огромным талантом не посягают на ...ражение таких высоких чувств, боясь уронить их недостатком сил в искус... или вызвать незаслуженное ими рукоплескание; писатели без надежды свой талант не смотрят на то и, во что бы ни было, хотят снискать ...рение. Патриотическая драма, угождающая вкусу народа и любимым его ...ствам, у нас не переводилась (приводятся примеры)... Полевой.. возоб...л этот род во всех его подробностях, с теми же достоинствами и недо...ками. Лица его целиком берутся из прежних драм, выкроены по той же ...ке и говорят тем же самым языком“.

Как романтическая драма, так и мелодрама, претендовавшая на роман...ческие вольности, охотно обращались к историческим темам: это было во... романтической идеализации старины, это гармонировало с на...ционалистическими тенденциями начала XIX столетия и, наконец, это да... простор посредственным драматургам — на фоне мало знакомых, в на... отношении, широкой публике исторических эпох — создавать самые за...нные и внешне-эффектные сцены и положения. Поэтому исторические ...ты преобладают и у Кукольника и у Полевого, хотя они и облекают ...рию в мелодраматическую форму. Но, конечно, как известный род дра...ческого творчества, историческая драма сама по себе заслуживала боль... внимания, чем мелодрама, и должна была выделиться в особую груп... Такую группу исторических драм в собственном смысле слова составля... в 30—40-х годах драматические произведения М. П. Погодина («Марфа,

посадница новгородская», трагедия в стихах, 1830 г. и «Петр I», трагедия в стихах, 1831 г.), А. С. Хомякова («Ермак», трагедия в стихах, М. 1832, «Димитрий Самозванец», трагедия в 5 д. М. 1833) и К. С. Аксакова („Освобождение Москвы в 1612 году“, драма в 5 д. М 1848 г.) От этих авторов, ближе стоявших к научному исследованию русской старины, можно было ожидать более глубокого проникновения в избранную ими историческую эпоху и, во всяком случае, более обоснованного применения излюбленного романтиками колорита места и времени к изображаемым лицам и событиям. Отчасти это так и было. По крайней мере, в «Марфе» Погодина Пушкин увидел «европейское высокое достоинство». „Что за прелесть—пишет он Погодину—сцена послов! Как вы поняли русскую дипломатику! А вече? а посадник? а князь Шуйский? А князья удельные? Я вам говорю, что это достоинства Шекспировские». Трагедией Погодина «Петр I», которую Пушкин, по выражению автора, хвалил, но не так живо, как «Марфу», восхищался известный Квитка, находя все в ней мастерски отделанным: «Завидую—пишет он Погодину—будущим, не далее как детям нашим; они будут и читать и видеть на сцене». Эти восторги однако более нужно отнести на счет любезности критиков Погодина, чем на счет действительных достоинств его исторических драм: они были только в одном отношении выше творений Кукольника и Полевого, что, не гоняясь за мелодраматическими эффектами, ближе стояли и по языку и по обрисовке событий и характеров к той эпохе, которую изображали. Но для этих случайных драматургов, посвящавших свои силы, главным образом, науке, как Погодин, или философии и публицистике, как Хомяков и Аксаков, «Шекспировские достоинства» оказались недоступными. Действующие лица «Ермака», трагедии Хомякова, оказались более близкими к героям греческой и римской древности, чем к русской действительности XVI века; а «думный дворянин» Прокофий Ляпунов в драме К. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» больше напоминает русского славянофила 40-х годов XIX столетия, чем героя смутного времени. Научная эрудиция и публицистическая тенденция придали этим пьесам известную тяжеловатость стиля и содержания, а отсутствие в них мелодраматических прикрас уронили их значение в глазах широкой публики. Вот почему те из них, которые попали на сцену (напр. «Ермак» и „Освобождение Москвы“), очень скоро были сняты с репертуара.

Оценивая одну из пьес Кукольника, Полевой сказал, между прочим, что Кукольнику не дается «поэзия истины», именно истины жизни данного века и его характеров, и он ее заменяет «пиитической надутостью“. Это замечание приложимо не только к Кукольнику, но и к самому Полевому-драматургу, и к другим второстепенным представителям драматургии изучаемой эпохи. «Поэзия истины» не давалась в своей целости ни мелодраме, ни драме исторической, ни т. н. «романтическим» пьесам. Правда, нельзя отрицать того, что, благодаря новым западно-европейским веяниям и собственным великим образцам драматического творчества, данным Пушкиным, Грибоедовым и Гоголем, в это время совершалось уже искание этой истины и постепенное освобождение от «пиитической надутости» но больших достижений в этом направлении рядовая русская драматургия 20—40-х годов не сделала.

Такою представляется историку картина русской драматургии накануне Островского. Возведенная к своим характерным чертам, она дает в своей схеме полное соответствие реакционному николаевскому режиму, общественному застою данной эпохи и начинавшемуся разложению дворянско-помещичьей культуры.

Этот основной тон ее легко проследить по всем кардинальным моментам драматургической архитектоники и связанному с ней содержанию. Источниками этой драматургии с внешней стороны служат обычно наблюдения автора над жизнью почти исключительно высших кругов общества

ва, или поиски в области исторического предания, почти всегда изуродованного в угоду литературным вкусам и оффициальным политическим тенденциям, или вычурные потуги в сфере фантастики, иногда, правда, безыскусственно—народной по происхождению, но всегда до неузнаваемости вы[illegible]шей и утратившей под пером драматурга эпическую конкретность и жизненность; в редких сравнительно случаях источником служит некоторое внимание автора к возникающей общественности средних классов или даже к простонародному быту, но русский крестьянин нашей драмы 20—40-х годов является по-прежнему только театральным пейзаном, а средний человек всегда выходит излишне-чувствительным и ложно-романтичным. Художественная форма драмы изучаемой эпохи в своей основной канве всецело восходит к поэтике придворно-светского классицизма XVIII века с его шаблонной драматической фабулой и композицией, с абстракциями порока или добродетели вместо живых людей и с ходульным, приподнятым стилем вместо живой речи. Мелодрама, сама вышедшая из лаборатории французского классицизма, правда, сообщила драматическому действию внешнюю эффектность и искусственную эмоциональность, но не сделала ее реальнее и не углубила ее в психологическом отношении. Новых форм можно было ждать от сентиментальной и романтической драмы, но та и другая на русской почве, в переводах из Коцебу и в оригинальных попытках Кукольника и Полевого, обратились в пеструю, полную дешевых эффектов и претензий, смесь ложноклассицизма, сентиментализма и романтики и новых достижений в области драматургии дали очень мало. С о д е р ж а н и е драмы 20—40-х годов, взятое в т и п и ч е с к и х о б о б щ е н и я х ж и з н и, тоже очень недалеко ушло от отвлеченных характеров и шаблонных картин в духе классицизма XVIII века, грешивших против исторической и общечеловеческой правды; сентиментализм и романтизм могли дать нашей драме новое содержание, но из области этих направлений наши драматурги типа Кукольника и Полевого не вынесли обновленного драматического жанра, а лишь несколько новых шаблонов для изображения чувствительно-трогательного и эффектно-трагического. С о д е р ж а н и е в смысле идейного освещения жизни или и д е о л о г и и а в т о р а, как уже выше замечено, всецело подчинялось господствующей оффициальной политике и, следовательно, никакой ценности для общественного сознания не имело.

Эти замечания об общем характере драмы 20—40-х годов не касаются, разумеется, таких крупных произведений нашей драматургии, как „Борис Годунов“, „Горе от ума“ и «Ревизор», и даже таких еще незрелых попыток обновления драматургии, как юношеские драмы Белинского и Лермонтова. Грибоедов и Гоголь блестяще преодолели традицию французского классицизма силою своего живого стиля и яркой жизненной типизации русской действительности. Пушкин впервые с большой полнотой и детальностью ввел в русской драме шекспировскую манеру и местный колорит исторического жанра; с юношескими произведениями Белинского и Лермонтова в нашу драматургию вошел высокий пафос шиллеризма и характерная композиция романтической драмы. Самое содержание сатир Грибоедова и Гоголя и протестующих речей героев Белинского и Лермонтова очень далеки, конечно, от соглашательства с николаевской реакцией и, наоборот, своей страстной критикой современного им русского социального строя стоят в резком с нею противоречии. И тем не менее эти драматические произведения лишь маячат над серой поверхностью своей драматургической эпохи, как одинокие вехи, и еще не преодолевают общего характера ее формально-художественной бесцветности и социальной бессознательности.

В эту тусклую драматургическую эпоху А. Н. Островский пришел как смелый реформатор, вооруженный пробуждающимся демократическим сознанием. Своим драматургическим резцом он провел резкую черту демократизации по всем вышеотмеченным моментам драматического творчества. Начав поиски и с т о ч н и к о в для своей драмы в Замоскворечьи, он расши-

рил свои наблюдения на всю среднюю полосу провинциальной России, от купечества перешел к мещанству, от бюрократии к мелкому чиновничеству, от города к деревне с ее убогим предреформенным бытом; во всех случаях его метод экспериментации русской жизни в целях подбора конкретного материала для творчества носил отпечаток сознательной демократизации тем и сюжетов, незнакомой прежним нашим драматургам. В форме своей драмы Островский, как и его современники, вышел из поэтики французского классицизма,—исследователи его творчества без труда указывают в его драматических произведениях следы композиции французской комедии и мелодрамы XVII века; но вместе с тем он с'умел внести в свои пьесы задушевность и обыденную простоту мещанской драматургии, усвоил ей высокую идейность протестующей романтики, приложил к ней—в рамках своего оригинального дарования—литературную манеру шекспиризма, применив к живописанию русских нравов шекспировское «вольное и широкое изображение характеров»; наконец, в своей бытовой драме он нашел место для человечески—значительных мотивов шиллеровской драматургии, именно для высоких движений чувства в духе героев Шиллера и для его страстных возражений против неупорядоченной социальности. Островский однако не стал по своей литературной манере ни русским Шекспиром, ни русским Шиллером, и не претендовал на чужую славу, как это сделал когда-то Сумароков, назвавший себя русским Расином. В своей драматургической форме он остался Островским, и в этом его величайшая заслуга в деле художественной реализации и демократизации русской драмы: синтезировав в своих литературных приемах несколько драматургических манер, он все их подчинил насущным запросам современного ему русского социального быта и придал им бытовую конкретность и широкую, почти общенародную, доступность. Тоже самое нужно сказать и о содержании драм Островского в смысле типизации им русской жизни: население своих сценических картин он довел, как известно, до нескольких сот типических портретов, между которыми, при всем их бытовом и социальном разнообразии, преобладающее по количеству и яркой типизации место занимают средние и низшие слои русского общества, до Островского проникавшие в нашу драматургию с трудом и всегда в театрально-бутафорской переработке, а не в обычном жизненном своем облике; в этом отношении Островский, как демократизатор нашей драмы, вплотную подошел к задаче сценического изображения широких масс народной жизни и частично эту задачу выполнил. Отсюда и идеологическая сторона содержания его драм получает большое значение в истории нашего демократического сознания: как драматург-идеолог Островский интересен для нас не своим расплывчатым славянофильством 40—50-х годов, не своим бесцветным западничеством второй половины его жизни,—он интересен своим демократическим подходом к живописанию современного ему русского социального быта и классовых отношений того времени, потому что «темное царство» русской общественности вскрыто им не только по отношению к купечеству, но и по отношению к другим сословным слоям, а необходимость демократизации нашей жизни осознана им на всем протяжении нашего быта от бюрократических и буржуазных верхов до провинциального захолустья и деревенской обыденщины.

Все эти вопросы в оценке творчества Островского ждут еще подробного исследования, но демократический сдвиг в нашей драматургии под пером Островского заранее должен быть признан несомненным фактом.

И если в настоящее время мы стоим перед задачей создания драматургии и театра для широких трудящихся масс, то Островский—драматург должен быть учтен при решении этой задачи не только как начинатель этого культурного дела, но и как методолог, раскрывающий пути к его завершению.

С. Я. ВОЛЬФСОН.

Г. В. Плеханов—народник.

Активное участие Г. В. Плеханова в революционном движении начинается зимой 1875-6 года.

То было время, непосредственно следовавшее за полицейским разгромом, в значительной степени ликвидировавшим «хождение в народ», в которое отлилось революционное движение 1873-4 годов. За периодом величайшего энтузиазма, когда увлеченная бурным революционным порывом, молодежь «шла в народ», наступили месяцы мучительной рефлексии, вызванной не столько обрушившимися на революционеров репрессиями, сколько сознанием того, что „народ" остался чуждым движению, что он при первом представившемся случае доставлял смутьянов по начальству.

Тысячи молодых энтузиастов, недавно твердивших:

> «Весь пыл отдай без разделенья
> Несчастным братьям на служенье;
> Где слышишь стон—туда иди!
> Иди, дели с рабом его труды, страданья,
> Страдай больнее всех...»—,

после разгрома народнической армии, сопровождавшегося тупо-безучастным, а иногда и злорадно-враждебным отношением крестьянской массы к тем, кто шел делить с ней ее труды, страданья, переживали настроение, близкое к отчаянью:

> — А ветра нет, как нет... Повисли паруса...
> Нет пытки тяжелей стоять перед врагом,
> С ним рваться в бой и знать, что тщетны все усилья;
> И в бешенстве тупом, подстреленным орлом,
> Бесплодно поднимать подстреленные крылья!...

Уцелевшие остатки народнической армии после разгрома начали стягиваться в крупные городские центры, главным образом в Петербург *).

Здесь в небольших революционных кружках, наряду с жестокой самокритикой, неустанно обсуждался вопрос об изменении методов революционной работы, о перестройке поредевших рядов. Большинство народников склонялось к мысли о необходимости отказаться от проповеди социализма среди крестьян, о замене летучей пропаганды прочным внедрением в крестьянскую толщу путем организации длительных поселений в деревнях.

Находясь в городах, народники пришли в соприкосновение с рабочими. То было время, когда в рабочей среде наметилось довольно значительное оживление. Несмотря на то, что середина 70-х годов характеризуется общим под'емом в русской промышленности, все же в это время начало развиваться в Питере стачечное движение. Высокая промышленная кон'юнктура не мешала питерским фабрикантам периодически нажимать на рабо-

*) Следует отметить, что полицейский разгром коснулся города не в меньшей мере, чем деревни. Стягивание народников в городские центры было обусловлено общей необходимостью перестройки рядов.

чих с целью ухудшить условия работы, изменить в свою пользу условия найма. Рабочие в таких случаях переходили к необходимой обороне, и в результате нередко возникали стачки, оканчивавшиеся почти всегда победой рабочих.

Стихийное рабочее движение, однако, не повлияло на народников в смысле переоценки их отношения к рабочему классу. Как таковой, пролетариат для них попрежнему не существовал. Они продолжали смотреть на него, как на один из второстепенных, вспомогательных отрядов по отношению к крестьянству—единственному мощному фактору революции и социализма в России. Поэтому, сталкиваясь с рабочими-революционерами, народники старались использовывать влияние этих передовых одиночек, не для революционизирования того класса, к которому они принадлежали, а главным образом для работы в крестьянстве. Эти попытки, однако, окончились совершенной неудачей *).

В процессе обсуждения петербургскими народниками новых методов работы и реорганизации революционной деятельности, поглотившем зиму 1875-6 г., и выкристаллизовался новый народнический кружок, назвавшийся весной 1876 года „Северной группой революционеров-народников“ и вошедший в историю под знаменитым именем „Земля и Воля“. В числе организаторов этого чрезвычайно конспиративного кружка (за сугубую конспиративность его членов прозвали троглодитами) был наряду с такими известными революционерами, как М. А. Натансон, О. В. Аптекман, А. Л. Михайлов, Осинский, Д. А. Лизогуб, и молодой Плеханов.

Правоверный народник, Плеханов, конечно, думал лишь о работе в деревне, о поселении среди народа и т. д. Вынужденный, однако, до поры до времени, оставаться в Питере, он использовывал время для сближения с рабочими, первые встречи с которыми произвели на него, как мы уже говорили, неизгладимое впечатление. Отношения Плеханова к рабочим в это время носят на себе печать той двойственности, которая так мастерски охарактеризована им самим в его воспоминаниях:

— С одной стороны, в своих программах, мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты, а с другой стороны—мы все-таки считали нужным „заниматься с рабочими“ и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные „поселения в народе“. Но идя к рабочим не то, чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл идеей рабочего сословия **).

Со своей стороны питерский пролетариат, в головы лучших представителей которого уже проникли лучи классового сознания, который выдвинул из своей среды Халтуриных, Алексеевых, Малиновских—не шел на помочах у народнической интеллигенции. Он пользовался время от времени ее услугами, использовывал интеллигента при практической надобности, получал у него те или иные знания, но сплошь и рядом настойчиво проявлял свою классовую самостоятельность. Одним из проявлений этой самостоятельности и была возникшая в среде рабочих зимой 1876 года мысль об организации в Питере противоправительственной рабочей демонстрации. Рабо-

*) Плеханов вспоминает:—Когда сложившееся в 1876 году общество «Земля и Воля» стало заводить свои революционные поселения в народе, нам удалось склонить к переезду в Саратовскую губернию некоторых петербургских рабочих. Это были испытанные люди, искренно преданные народническим идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но их попытки устроиться в деревне не привели ни к чему... Как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был на лицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно крестьянскому делу.(Русский рабочий в рев. движ. Собр. соч. т. III, стр. 135).

**) Русский рабочий в рев. движ. Собр. соч , т III стр. 139.

чие хотели показать, что они умеют во всяком случае демонстрировать не хуже, чем интеллигенция, которая за несколько месяцев пред тем организовала демонстрацию на похоронах студента Чернышева, арестованного по делу 193-х, народники сначала отнеслись к мысли о демонстрации скептически и сомневались в ее успехе. Однако, им пришлось уступить давлению рабочих, да и сама по себе идея импозантной демонстрации в твердыне самодержавия не могла не задеть их за живое: „бунтарская жилка заговорила в каждом из нас и мы сдались“ *).

Демонстрация, состоявшаяся 6 декабря, отлилась в форму, не совсем соответствовавшую той, которая была намечена ее организаторами. Рабочих явилось всего человек 250,—то были почти сплошь члены бунтарских кружков, за то в большом числе привалила учащаяся молодежь. Плеханову, бывшему одним из организаторов демонстрации, пришлось стать и ее центральной фигурой.

1876 года, 6-го декабря, в понедельник,—гласит „обвинительный акт по делу о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге“—Казанский собор был переполнен молящимися, в числе которых резко отделялись по своей внешности, поведению и отсутствию благоговения, молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, в храм каким-то посторонним молитве побуждением... Городовой Есипенко собирался уже отправиться с докладом к приставу о сборище молодежи в соборе, но был оттиснут ею от двери, в которую она выходила скученною массою... В это время из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, горячась и размахивая руками. Молодой человек говорил... о гнете правительства, его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский, Долгушин, Нечаев и др., о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках „браво“, „браво“ и аплодисментах столпившейся около говорившего молодежи: В тот же момент был выкинут над этой толпой красный флаг с надписью „Земля и Воля“ **).

Молодой человек, о котором говорит обвинительный акт, и имя которого так и осталось неизвестным суду, был никто иной, как Георгий Валентинович Плеханов ***).

Г. В., говоря о себе в третьем лице, вспоминает о демонстрации:

— Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего „Ребята-держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции“,—командовал Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: «Да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля»!..

Нагрянувшая полиция при поддержке сбежавшихся дворников набросилась на демонстрантов. Счастливая случайность избавила Плеханова от ареста. Находчивый Митрофанов сдернул с Г. В. шапку, надел на него какую то фуражку, закутал башлыком его голову и в таком виде вывел его из толпы. Между полицией и участниками демонстрации произошла жестокая свалка, окончившаяся ранениями обоих сторон и арестом нескольких десятков демонстрантов. 21 участник демонстрации был предан суду особого присутствия правительствующего сената, и из них 18 приговорено к каторге и ссылке****).

---

*) Ibid стр. 149.

**) Правительственный Вестник 1877 год №№ 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 31. Перепечатано В. Базилевским (Богучарским) в его сборнике «Госуд. преступления в России в XIX веке Т. II.

***) Сестра Г. В. Варвара Валентиновна передает со слов его товарища В. В. Шора, что речь на демонстрации должен был произнести кто-то другой, но за неявкой назначенного лица, обязанность оратора принял на себя Г. В.

****) К каторжным работам в рудниках и крепостях на срок от 15 лет были приговорены: Архип Боголюбов, Иван Гервасий, Александр Бибергаль, Михаил Чернявв-

Казанская демонстрация, как первый активный и гласный протест, вышедший из недр питерского рабочего класса против деспотического режима, сыграл огромную роль в деле революционизирования народного сознания. Весть о демонстрации проникла в медвежьи углы России, а рабочие еще долго распевали на фабриках и заводах о том:

«Как на площади Соборной
«В столице русского царя
«Земли и Воли флаг народный
«Взвился шестого декабря».

Демонстрация оказала серьезное влияние на ее участников,—в первую голову и на самого Плеханова. «Казанская демонстрация»,—гововорит Г. В.—«была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации. Понятия эти были в то время еще слишком отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революцион. деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к „агитации," а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать. Мы не забыли этого урока»...

Вскоре после Казанской демонстрации, бывшей его первым боевым крещением в огне революции, Плеханову пришлось бежать за рубеж, дабы спастись от полиции, которая неустанно разыскивала таинственного блондина с Казанской площади. Это было в январе 1877 года.

Нелегально перейдя границу—совместно с женой своей М. А. Смирновой—Г. В. направился в Берлин. Очутившись в центре германского рабочего движения, Плеханов, верный своему бакунизму, с великолепным презрением игнорировал жизнь германского пролетариата и его партии. Он умудрился отыскать в Берлине каким-то образом занесенную в германскую столицу русскую крестьянскую артель и проводил время в ее среде, да среди проживавших в Берлине студентов из России. Из Берлина Г. В. уехал в Женеву, где попал в среду французских эмигрантов—коммунаров, бывших в большинстве ярыми сторонниками Прудона и Бакунина и принадлежавших к Юрской федерации. Плеханов не сживается однако со своими новыми знакомыми. У него созревает мысль направиться в Америку, обучиться там образцовому ведению сельского хозяйства, а затем вернуться в Россию, чтобы вооруженным сельско-хозяйственными знаниями пойти в народ. Народник до мозга костей, он везде оставался верным себе.

Вскоре, однако, Плеханов изменяет свое первоначальное решение и направляется из Женевы в Париж, где по слухам назревали события в связи с все усиливающейся реакцией. В своем революционно-романтическом увлечении Плеханов думает уже о том, что ему удастся сразиться на баррикадах Парижа за дело свободы. До баррикад, однако, не дошло.. Плеханов принял лишь участие в грандиозной республиканской манифестации, состоявшейся в день взятия Бастилии. Ко времени его пребывания в Париже относится знакомство Г. В. с П. Л. Лавровым и с П. Н. Ткачевым *). После семимесячного пребывания за границей, Г. В. вернулся в Россию, здесь он целиком уходит в революционную работу, превращается в «профессионального» революционера.

Прибыв в конце июля 1877 года в Россию, Плеханов направился в Саратов, где народовольцами было организовано поселение. Связавшись с

ский, Евгений Бочаров, Фелиция Шефтель; к ссылке: Фалин, Новаковский, Николаевская, Ильяшенко, Иванова, Гуревич, Потапов, Геллер, Попов, Громов, Григорьев, Тимофеев.

*) В своей статье „От народничества к марксизму", помещенной в № 2—3 журнала «Под знаменем марксизма» за 1923 г. тов. В. Ваганян говорит, что Плеханов познакомился с П. Л. Лавровым в 1880 году. Это неверно. Их знакомство относится к первой поездке Плеханова в Париж, имевшей место в 1878 г.

местными рабочими и учащимися, Плеханов быстро завоевал себе популярность. «Рабочие»—рассказывает его соратник по работе в Саратове О. В. Аптекман, были прямо в восхищении от него, высоко ценили, гордились им.»*) Плехановым было в это время составлено и нечто вроде программы народничества, в краткой и яркой форме излагавшей основные принципы, из которых исходили в своей деятельности народники. Но несмотря на осязательные результаты его революционной работы в городе, она не удовлетворяла Плеханова: его тянуло в деревню,—поближе к крестьянской массе. Однако, внешние обстоятельства несколько раз помешали осуществлению его намерения.

Вот эпизод из жизни Плеханова в Саратове, курьезный сам по себе, но могущий в свое время оказаться достаточно печальным для Г. В.:

—Как-то, узнав об открывшейся в г. Аткарске Саратовской губ. вакансии народного учителя, Плеханов решил занять это место, дабы таким образом внедриться в народ. Не имея собственного документа, Плеханов, находившийся на нелегальном положении, воспользовался документом Александра Михайлова, к тому времени еще незапятнанного в глазах полиции.

Явившись в Аткарск, Плеханов представил в заседание училищного совета свои документы, а сам остался ожидать результатов в приемной. Священник, член училищного совета, ознакомившись с бумагами Плеханова, заорал во все горло: «Да он сын Дмитрия Михайлова, моего большого приятеля... как же! Дмитрий Михайлов мой большой приятель, ...почтенный человек.» Восхищенный своим открытием, он выскочил в приемную с криком: «Михайлов! Михайлов, где же тут Михайлов?» «Оратор» спокойно отозвался: «Я — Михайлов». Батюшка удивился; как он вырос, «молодцом стал», он, батюшка, помнит де его еще мальчиком,—и с неподдельным живым интересом стал расспрашивать его о родителях, общих знакомых и прочих, прочих курских делах...—«Ладно, ладно, молодой человек,—воскликнул экспансивный «батюшка», получив от Плеханова все нужные ему сведения,—буду за вас хлопатать!..» и ринулся в училищный совет. К сожалению, хлопоты благожелательного „батюшки" не увенчались успехом: все уверения его, что Михайлов—отец и прекрасный чловек, и лучший его приятель разбились об упорство исправника, твэрдившеео одно: «Ну так что же знакомый, что хороший человек? Отец-то хорош,га сын, может быть, и пропагандист...» И уперся исправник, как бык!—несогласен и несогласен!**)

Плеханов был вынужден вернуться в Саратов, где возобновил занятия с рабочими и учащимися. Вскоре, однако, произошел провал одного из землевольческих общежитий. Плеханов попал в полицейскую засаду и был арестован. Освобожденный на день под подписку, он поспешил, конечно, скрыться.

Из Саратова Плеханов вернулся в Петербург. Здесь быстро проявилась его кипучая натура, его ораторский талант (Партийная кличка его недаром была «Оратор»), его безграничный революционный энтузиазм и редкие ораторские способности. Те из товарищей Плеханова, которые в глубине души радовались неудачам постигшим его при попытках хождения в народ, были правы, когда говорили себе: «Деревня не его стихия. Он бы только завял там. Его арена—город, с его широкими общественными запросами, с его умственным движением»... То, что это было так, показали уже первые месяцы возобновленной Плехановым в Петербурге революционной работы.

Время возвращения Плеханова в Питер совпало с некоторым оживлением в стране. Знаменитый процесс 193-х, памятный выстрел Веры Засулич, смелое столкновение Ковальского с жандармами—все это волновало страну, будировало общественное мнение, создавало атмосферу благоприятную для революционных выступлений. Особенно болезненно реагировала на происходящее вокруг учащаяся молодежь петербургских высших учебных за-

*) О. В. Аптекман. Две дорогие тени. Былое 1921 г. № 16 стр. 4.
**) О. В.. Аптекман. Ibid.

ведений. Приехав в Питер, Плеханов сразу окунается в гущу волнующегося студенчества.*) Он же является автором проекта известного «адреса» министру юстиции Палену, в котором студенчество заявляло представителю правительства резкий протест против жандармской инквизиции.

Но несравненно большее значение, нежели деятельность Плеханова среди студентов, имело возобновление им порванных было связей с рабочими. Мы говорили уже выше, что опыт Казанской демонстрации не прошел бесследным для Г. В., что он извлек из него соответствующий урок. Урок этот заключался прежде всего в уяснении того факта, что агитация среди рабочей массы не должна носить отвлеченного, абстрактного характера, а должна быть конкретной, развивающейся на почве практических запросов и насущных потребностей рабочих. Оставаясь в течение двух лет—с небольшими перерывами—в Петербурге, развернув широкую агитацию среди рабочих, будучи одной из центральных фигур при вспыхивающих на питерских заводах и фабриках стачках, Плеханов остается неизменным проводником принципа, усвоенного им в результате Казанской демонстрации: агитация среди рабочих должна быть связана с их жизненными интересами и повседневными требованиями.

В 78-ом, 79-ом годах мы встречаем Плеханова в качестве активного участника большинства рабочих волнений на петербургских фабриках и заводах. В январе 78 года он принимает участие в демонстрации рабочих Васильевского патронного завода, вызванной взрывом пороха, жертвой которого пало несколько рабочих. Он вместе с толпой рабочих отбивает у полицейских выступавшего на демонстрации рабочего. В марте он выступает одним из руководителей стачки, стихийно возникшей на Новой Бумагопрядильне в связи с понижением заработной „поштучной" платы. Немного спустя мы его видим в той же роли на фабрике Торнтона. Забастовка на фортепианной фабрике Беккера (август), табачной—Мигри и Шапшал (сентябрь) прядильной—Кёнига (ноябрь), вторичная забастовка на Новой Бумагопрядильне, забастовка у Шау, забастовка у Мальцева—Плеханов не пропускает ни одного из этих рабочих выступлений, он—их неизменный участник, крепящий союз бунтовщиков Казанской площади с рабочей массой. Он, конечно, не единственный бунтарь, ведущий работу среди петербургского пролетариата. С ним вместе—О. В. Аптекман, М. Р. Попов, Н. С. Тютчев, Преображенский и др., но „справедливость требует сказать,—свидетельствует Аптекман,—что *первую скрипку* всегда играл Плеханов".

Приемы агитационной работы Плеханова среди рабочих, относящиеся к рассматриваемому периоду, достойны быть внимательно изученными; они представляли собою нечто новое в революционной деятельности народников. Участвуя в рабочих волнениях, Плеханов всегда старался использовать данный конкретный случай для внедрения в сознание рабочих общего недовольства существующим порядком. Он был твердо уверен при этом, что рабочая масса „от бунта за пятикопеечную прибавку постепенно будет переходить к более и более широкому протесту, пока не исполнит, наконец, завета своих дедов и прадедов, завета всей русской истории, пока не возьмет в свои могучие трудовые руки красного знамени Земли и Воли" **).

В качестве характерного примера остановимся на участии Плеханова на забастовке у Торнтона, воспользовавшись для этого ценными свидетельскими показаниями М. Р. Попова—ближайшего товарища Г. В. по руководству забастовкой ***).

---

*) В «Справке на Г. В. Плеханова», составленной по материалам, собранным департаментом полиции коллежским советником С. Васильевым, говорится: «по показанию Степана Ширяева в 1878 и 79 г.г. Плеханов агитировал в среде с-петербургской учащейся молодежи особенно между студентами медико-хирургической академии; на одной из сходок П. сильно агитировал в пользу студенческой демонстрации».

**) Волнения в среде фабричного населения. „Земля и Воля", № 4. 20. II. 1879 г.

***) См. М. Р. Попов. К истории рабочего движения в конце семидесятых годов. Голос минувшего 1920—1. Стр. 72—84.

В начале весны 78-го года началась частичная забастовка на фабрике Торнтона. Плеханов с Поповым поспешили направиться на фабрику. Здесь они столкнулись с разноголосицей в рабочей среде. Одни из рабочих были сторонниками стачки, другие выступали против нее. Посреди споров выступил Плеханов. Он начал так: „Господа, даром ничего не дается"... В этой речи выставлялась выпукло и ярко та мысль, что рабочие—свободно договаривающаяся сторона; крепостничество с барщиной кануло в вечность; что задача рабочих—отучить своих хозяев от привычки смотреть на них, как на своих крепостных; в манифесте ясно сказано—отныне труд свободен.

Все это было произнесено сильно и энергично. Что же касается того, что стачки законом воспрещаются, то это затуманилось тем, что „богатому сам чорт службу служит", что, конечно, за деньги они найдут охотников, которые сумеют и законное дело сделать незаконным. „Поверьте мне,—говорил Плеханов,—я хоть и не пророк, но не нужно быть и пророком, чтобы предсказать, что и это ваше вполне законное желание, не давать себя в обиду,—они назовут бунтом. Но вы этим не смущайтесь; мы постараемся вывести ваше дело на свет божий, мы будем печатать о ходе вашей стачки в газетах. В крайнем случае, если понадобится, можно будет подать прошение,—по моему лучше не государю, а наследнику, он, говорят, более расположен к простому человеку; насколько это верно,—бог знает, но все надо еще посоветоваться с адвокатами". Закончил он так: „Господа, мы не хотим лгать вам и не станем вас уверять, что вы в этот же раз победите; может быть вам придется и покориться; но мы твердо верим, что рабочие, в конце концов, выйдут победителями, верим, что труд победит капитал".

„Мне остается сказать еще только вот что,—так закончил свою речь Плеханов.—Вы заметили: я все время говорил вам: мы, да мы, а не я. Есть много, господа, людей, которые готовы работать и жертвовать своей жизнью для блага русского народа, для блага русского рабочего. А пока, господа, прощайте. Я вам сказал наш совет, ваше дело принять его или отвергнуть". Эта речь произвела сильное впечатление. Непринужденное и дружное: Благодарим покорно, благодарим—было ответом *).

В течение нескольких дней Плеханову с товарищами удалось добиться расширения забастовки, охватившей всю фабрику...

Неудивительно, конечно, что при той активности, которую проявлял в это время Плеханов, слежка за ним со стороны полиции становилась все более энергичной. «Этого мерзавца нужно поймать», твердил по его адресу небезызвестный петербургский градоначальник Зуров.

«Мерзавец» воистину не давал покоя III-му отделению. Опубликованные после революции в журнале «Былое» (№ 15, 1920 г.) донесения филеров III-му отделению пестрят приметами таинственного крамольника; устанавливается его фамилия (Плутанов, Брюханов, Плюганов), за ним организуется слежка, нередко приводящая к курьезным недоразумениям, основанным на сходстве Плеханова то с каким-то статским советником, то с другим столь же благонамеренным обывателем.

Установив, наконец, фамилию неуловимого смутьяна, полиция в поисках его не раз тревожила и мирную семью Г. В., проживавшую тогда в Тамбове.

К матери его неоднократно являлись агенты III отделения, учиняли допросы и обыски; у квартиры, где жили Плехановы, часто шныряли шпики, а Гудаловку жандармы даже называли «гнездом преступников»**). Эти полицейские налеты, кстати сказать, и все возрастающая тревога за участь беззаветно-любимого сына окончательно подорвали и без того хрупкое здоровье Марии Федоровны***).

*) Ibid. стр. 74.

**) См. А. Френчер. На родине Г. В. Плеханова. Пролетарская революция, № 8, 1922 г. Стр. 39—40.

***) М. Ф Плеханова скончалась 4 декабря 1881 г. в возрасте 49 лет. В остав-

Плеханов, однако, оставался неуловимым, и вся энергия полицейских ищеек, направлявшаяся на поиски его, оставалась бесплодной. Его находчивость и изобретательность помогли ему ускользнуть из полицейских лап и в тот единственный раз, когда он очутился в руках полиции.

Арестованный по делу о беспорядках на Новой Бумагопрядильне, Плеханов, будучи доставлен в полицейский участок, сразу аттаковал находившихся там чинов полиции:—«Это право же возмутительно. Идем спокойно по улице и вот, извольте посмотреть, попадаем в участок. Господин квартальный надзиратель, распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне дали стакан свежей воды». Какой-то полицейский испуганно убегает и возвращается со стаканом воды... Так Плеханов действовал все время, повергнув в чрезвычайное смущение арестовавших его полицейских. Дожидаясь допроса, Плеханов узнал от какого-то одновременно арестованного псковского мещанина, что полицейские предложили ему показать на других находившихся в участке лиц, что они, мол, раздавали рабочим прокламации, за что обещали мещанину немедленное освобождение. В руки Плеханова попал сильнейший козырь и он, конечно, не преминул его использовать.

Ночью арестованных отвезли для допроса к полицийместеру. Плеханов сразу заявил ему, что его подчиненные арестовывают стоящих вне подозрения людей и, мало того, подбивают обывателей к лжесвидетельству. В доказательство этого Плеханов ссылался на злополучного мещанина и вопрошал полицийместера: «Ну, что Вы, Ваше Высокопревосходительство, скажете на это»? Полицийместер был, повидимому, сконфужен энергичным натиском Плеханова и косолапостью своих подчиненных. Он вызвал к себе мещанина, опросил его, рассмотрел пред‘явленный Плехановым паспорт на имя какого-то потомственного почетного гражданина и распорядился отпустить настойчивого клиента на свободу. Это было в то время, когда не один шпик разыскивал Г. В. по всему Питеру и далеко за его пределами *).

Три первых года своей активной политической деятельности Плеханов провел в теснейшем соприкосновении с питерским пролетариатом. Так поступая, Плеханов действовал не в силу принципиальных соображений, а попросту подчиняясь силе сложившихся обстоятельств. Наоборот, как правоверный народник, Плеханов смотрел на свою работу, как на нечто с чем волей-неволей приходится мириться—на безрыбьи, мол, и рак рыба. Потерпела неудачу попытка развернуть революционную деятельность среди крестьянской массы, этого главного и основного носителя освобождения страны, приходится время от времени удовлетворяться перенесением этой деятельности в среду рабочих, которые могут быть не бесполезными как подсобный революционный отряд...

По мере того, однако, как Плеханов углублялся в толщу питерского рабочего класса, срастался с ним в процессе революционной работы, к нему присматривался и его изучал, он начал незаметно для самого себя переоценивать ценности. Начиная Митрофановым и кончая Халтуриным, пред Плехановым прошла целая галлерея рабочих. Плеханов видал их на сходках и собраниях, в агитации и пропаганде, на уличных демонстрациях и в стычках с полицией, в семейном быту и на скамье подсудимых, в общении с товарищами и с интеллигенцией—каждая встреча с этими людьми, каждое соприкосновение с представителями этого нового, недавно еще таинственного мира, производили на Плеханова неизменно сильное впечатление, толкали его мысль в какую-то новую сторону. Плеханов, конечно, учитывал,

---

ленном ею духовном завещании она писала „...благоприобретенное мною имение мое... я предоставляю в полную собственность и в вечное владение трем дочерям моим... каждой по равной части, но с тем что... если возвратится из неизвестной отлучки сын мой Георгий Валентинов Плеханов и будет прощен Правительством, то дочери мои... должны будут выплатить ему—Георгию Плеханову—четвертую часть стоимости всего полученного ими недвижимого имения моего».

*) Об этом эпизоде подробно рассказано арестованным одновременно с Г. В. Н. Васильевым. (Н. Васильев. В 70-ые годы. Мир Божий 1906 г. VII).

что та высокая степень культурности, политической сознательности и, наконец, организационных навыков, которую он встречал у Митрофановых и Халтуриных и которая обусловила собою создание такой мощной организации, как Северо-Русский Рабочий Союз, является достоянием единиц. Но наличие такой *верхушки* служило показателем пробуждения всей *массы*; эти передовые одиночки были плотью от плоти и костью от костей ее, подобно тому как плотью от плоти российского рабочего класса был его авангард, через каких нибудь сорок лет осуществивший то дело, о котором на заре российского рабочего движения смутно мечтали те единицы, с которыми столкнулся Плеханов.

Тот факт, что Плеханову—волей обстоятельств—пришлось провести первые годы своей политической деятельности в пролетарской среде, оказал исключительное влияние на все развитие его миросозерцания. Если в миросозерцании Плеханова—народника уже очень рано, на втором - третьем году его народнической деятельности, появились трещины, вначале еще еле заметные, но впоследствии заполнившиеся марксистским содержанием и приведшие Плеханова к крушению всего его народнического кредо, то это является результатом не книжного, теоретического воздействия, а урока, непосредственно извлеченного из жизни: здесь бытие более чем когда-либо определило собою сознание одаренного и ищущего революционера. Были попытки в нашей тощей плехановской литературе об'яснить некоторые отступления Плеханова в народническую фазу его развития от народнической догмы влиянием, оказанным на него «Капиталом» Маркса, который стал известным ему уже очень рано. Я считаю, однако, это влияние преувеличенным. Плеханов — народник слишком поверхностно ознакомился с «Капиталом», чтобы марксов труд мог оказать какое либо серьезное влияние на его миросозерцание. Не приходится, думается нам, говорить, как это делает Л. Г. Дейч, о том, что Плеханов в эту пору, довольно основательно изучил «Капитал»; тов. Дейч сам указывает, что все изучение «Капитала» поглотило у Г. В. дней десять. Разве можно говорить о серьезном изучении марксова труда в каких-нибудь полторы недели даже при исключительных плехановских способностях, особенно если вспомнить что Плеханов в то время был лишен и соответствующей политико-экономической подготовки?... Если в политическом символе веры Плеханова очень рано начал намечаться тот перелом, который впоследствии привел его от народничества к марксизму, то повторяю, *корней этого перелома раньше и прежде всего надо искать во влиянии, оказанном на Плеханова питерским рабочим классом*. Подтверждение этому можно найти в словах самого Г. В., который уже в 1879 году в № 4 «Земли и Воли» обронил чрезвычайно характерную фразу. «Вопрос о городском рабочем», писал он тогда, «принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей». Случайность столкнула Плеханова на первых порах его политической деятельности плечо к плечу с фабрично-заводским рабочим, которого с таким великолепным презрением третировала народническая догматика. Жизнь заставила молодого революционера, обладавшего заостренным политическим чутьем, оценить весь общественный смысл появления рабочей фигуры на русской исторической сцене, но народническая теория продолжала еще безраздельно властвовать над его головой. Мертвый еще крепко держал живого.

В своих воспоминаниях о «Русском рабочем в революционном движении» Плеханов говорит, что постоянно мелькавшие в воображении народников тени Разина и Пугачева, определяли линию их поведения в гораздо большей степени, чем ход экономического развития. То же приблизительно можно сказать и о самом Г. В. Плеханове. Тени Разина и Пугачева и от него заслоняли фигуру того рабочего, с которым он столкнулся волей обстоятельств. Начав учитывать и правильно оценивать роль пролетария в

российском революционном процессе, Плеханов все же продолжал оставаться правоверным народником.

Разве не характерны в качестве иллюстраций к сказанному те лекции, с которыми Плеханов выступал весной 1878 года пред питерской рабочей аудиторией,—лекции, содержащие апологию бунтарскому началу, воплощенному в Разине—Пугачеве—Булавине? Разве летом 1878 года, лишь только на далеком Дону замелькала тень Пугачева, Плеханов не помчался туда, чтобы обратиться к «Славному Войску Донскому» с проповедью бунта? Разве он не заявлял в своих корреспонденциях с Дона, что «ни в какой другой части населения нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей, как среди казаков»?...*) Плеханов сросся с революционным движением рабочего класса, рано научился ценить его, но он возмущался всякий раз, когда это движение выходило из народнического русла. Он сразу учел, примерно, все значение такого факта, как возникновение „Северно-Русского Рабочего Союза", но в то же время он был жестоко смущен, когда рабочие включили в программу своей организации требование политической свободы, что с бунтарско-народнической точки зрения было великой ересью. „В ней—о, ужас!",—вспоминает Г. В. о своем отношении к программе Союза,—„прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие „буржуазную" свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении курицы, высидевшей утят..."**).

Зимой 1878—79 годов Плеханов, уже почерпнувший внушительный опыт из общения с рабочей массой и обогативший свой ум некоторыми, хотя пока еще скромными, знаниями марксизма (беглое знакомство с „Капиталом", марксистские статьи Зибера; элементы экономического материализма, содержащиеся в сочинениях Бакунина) продолжает все еще оставаться ортодоксальным народником. Народническая ортодоксальность Г. В. в это время находится еще вне всякого сомнения, хотя на его печатных выступлениях, относящихся к рассматриваемому периоду, и лежит налет чего-то нового, не позволяющий ставить эти выступления наряду с таковыми его ближайших товарищей. В этом нас убеждают статьи Плеханова «Об чем спор», «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», «Поземельная община и ее вероятное будущее». Первая из указанных статей относится к самому концу 1878 года***), вторая—к началу 1879 года****), третья, наконец, к началу 1880 года*****).

В статье „Об чем спор" Плеханов выступает как восторженный апологет общинного начала, оптимист по отношению к крестьянскому быту Руси и ее общинным устоям, с враждебностью относящийся к тем, кто подобно беллетристам—народникам допускает скептические нотки в рассуждениях о крестьянском быте. Статья соткана из трафаретных народнических положений, пропитана идеализацией живущего «миром», действующего «скопом» русского крестьянства; она грешит свойственным бунтарям-бакунистам неумением оценить роль рабочего в революционной борьбе, но все же, как я уже сказал, в ней есть что-то новое, что-то свое, пока еще быть-может не совсем окристаллизовавшееся, не идущее дальше намека. Плеханов уже тогда гораздо лучше других народников разбирался в том, какую роль играет экономический фактор в общественной жизни—экономические отношения данного народа он считает «самым лучшим реагентом для узнания степени развития социальных чувств в этом обществе».

---

*) Письмо второе из Каменской станции „Земля и Воля" № 4. 20. II т. 1879.

**) Русский рабочий в революцион. движении. Т. III стр. 184.

***) Помещено в «Неделе» за 1878 год (декабрь)—№ 52.

****) Помещено в «Земле и Воле» за 1879 год (январь и февраль)—№№ 3 и 4.

*****) Помещено в «Русском Богатстве» за 1880 год (январь)—№ 1.

„Об чем спор"—первая статья Плеханова (если не говорить о первых пробах пера—корреспонденциях), и в этом первом своем печатном выступлении будущий идеолог марксизма, тогда еще обоими ногами стоявший на народнической позиции, делает первый робкий и чуть заметный шаг в сторону экономического материализма.

Тот же уклон делается более явным в двух других статьях. В статье „Закон эволюционного развития общества" Г. В. иронизирует по адресу тех революционеров, которые полагают, что „метафизическая сущность—пропаганда" способна изменять по произволу ход истории, для которых мысль является всем—жизнь ничем. Этим утопическим мнениям он противополагает марксову концепцию, согласно которой «социализм является сам собою из хода экономического развития западно-европейских обществ», и которая показывает, „как самая форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений". В своих рассуждениях о судьбе общины Плеханов исходит как из верховного и несомненного принципа из марксового положения о том, что ни одно общество не может перескочить через естественные фазы своего развития. Автор статьи „Закон экономического развития общества» очень хорошо знает, что «те или другие формы общественных отношений устанавливаются не «общественным договором», а экономической необходимостью". Уклон в сторону экономического материализма, как видит читатель, весьма осязательный.

В статье же „Поземельная община и ее вероятное будущее" Плеханов заявляет, что причина возникновения в первобытном обществе частной собственности на движимость заключается в свойствах первобытных орудий и обуславливаемой ими организации труда. Он считает общим правилом, что „не родственные отношения определяют собою экономические, а, наоборот, характер первых целиком зависит от последних" и т. д.

Достойны серьезного внимания и рассуждения Плеханова о роли личности в истории, имеющиеся в статье „Закон экономического развития общества" и пронизанные твердым убеждением в том, что „история создается народом, а не единицами," что „личности гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала в оппозиционную, а затем, мало-помалу, в революционную энергию масс".

При всем том, рассматриваемые статьи являются в своей сущности ортодоксально-народническими. Те небольшие экономическо-материалистические извилины, которые в них имеются, отнюдь не изменяют их общего бунтарски-народнического направления.

Плеханов выступает в них, как я уже говорил, ярым защитником общинных устоев, аппологетом народнических взглядов на русский исторический процесс. Вывод, к которому он приходит, анализируя историческое прошлое Запада и историческое настоящее России, гласит: „В принципе первобытной общины, как она существует... в России, мы не видим никаких противоречий, которые осуждали бы ее на гибель"*). «Пока за земельную общину», говорит Плеханов, «держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать нашего крестьянства ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса»**).

Более того, если внедрение капитализма на Западе признается Плехановым явлением прогрессивным, так как он там сменил низшую форму, построенную на том же принципе индивидуализма, на котором базируется и капитализм—мануфактуру, то пришествие капитализма в Россию он считает явлением регрессивным.—«У нас же капитализм вытеснит собою поземельную общину, т. е. такую форму кооперации, которая построена на гораздо более высоком принципе. И никакая «социализация труда» на фабриках не

---

*) Закон экономического развития. Т. 1., стр. 61.
**) Ibidem.

вознаградит того положительного упадка социальных чувств и привычек, который произойдет вследствие этого радикального изменения в отношениях народных масс к их главному орудию труда—земле... *Мы не видим основательности в тех соображениях, в силу которых заключают, что Россия не может миновать капиталистической продукции*». (Подчеркнуто мною—С. В.*) Это ли не ортодоксальное народничество?

Несколько осторожнее, хотя все же в полном согласии с народнической догмой, Плеханов рассуждает об общине в статье «Поземельная община и ее вероятное будущее». Он указывает в этой статье, что «земельный коллективизм не всегда способен устоять под напором враждебных ему влияний; в частности же, в русской общине мы замечаем признаки искажения ее коренного принципа и даже—таких случаев, к счастью, немного—полного ее разрушения. Но мы все таки говорим, что поземельная община может иметь прочное будущее при благоприятном стечении обстоятельств»**).

Такое благоприятное стечение обстоятельств Плеханов и констатирует в России. Здесь община—господствующая форма землевладения. Необходимо обеспечить положительное отношение к ней крестьянской массы и интеллигенции. «В таком случае община может продержаться до того времени, когда явится необходимость и возможность интенсивной культуры земли, а значит и употребления таких орудий и способов труда, которые потребуют общинной эксплоатации общинного поля. Свойства орудий труда, состояние земледельческой техники,—эти единственные самопроизвольные причины неустойчивости первобытного коллективизма, станут с тех пор могучими стимулами его роста и развития. Коллективизм труда и владения его орудиями сделается экономически необходимым, а потому и неизбежным, и будущее поземельной общины получит твердую реальную основу"***).

Плеханов в рассматриваемую пору—типичный бакунист, мечущий гром и молнию в государственное начало, „Главные усилия", проповедует он, «должны быть направлены на устранение развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей воле»****).

Научившись, как мы уже подчеркивали, правильно учитывать роль рабочего класса в российском революционном движении, считая, что „наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения", Плеханов все же продолжал рассматривать его сквозь призму крестьянофильского бунтарства. И потому рабочий для Плеханова ценен постолько, поскольку он не сбросил с себя крестьянской сермяги, поскольку его питают корни, уходящие в деревенскую глубь, поскольку он не переварился в фабричном котле «В огромном большинстве случаев», твердит он в утешение себе и во славу народнической теории, «всё это те же крестьяне, что и в деревне». Фабрика является для них только видом отхожего промысла и отвлечение их от деревни, хотя бы на целые годы, не уничтожает, однако, их деревенских связей и симпатий. Вопрос аграрный, вопрос об общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочего, как и крестьянам. Словом это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства» *****).

Итак, мы видим, Плеханов вплоть до 1880 года оставался правоверным народником. Ортодоксальное народничество Г. В. изредка лишь усложнялось лишь тем, что его теоретические выступления давали некоторый уклон в сторону экономического материализма. Тогда, когда в народнически-бун-

---

*) Ibidem стр. 62.
**) Поземельная община и ее вероятное будущее. Т. I стр 105
***) Ibidem стр 106—7.
****) Закон экономического развития общества Т. I стр. 106.
*****) Ibidem, стр. 69.

тарском сознании Плеханова начинали бродить некоторые идеи, заимствованные у Маркса, это приводило его к большой теоретической путанице.

Он тогда пытался противоестественно сочетать марксизм с крестьянофильским народничеством, роднил гениального Маркса с убогим Дюрингом, относя их к одной «блестящей плеяде»...

При всем этом, первые статьи Плеханова представляют собою весьма яркое явление на общем фоне народнической публицистики конца семидесятых годов. В них уже чувствуется стиль будущего творца «Монистического взгляда», они написаны человеком крепкой логической мысли, умеющим делать большие и широкие обобщения. Встречаетесь вы в этих статьях и с меткой язвительной насмешкой (по адресу, например, русских либералов «вольтерианцев-крепостников», оперирующих в своих классовых целях аргументами от Маркса), а иногда и с мыслью, брошенной как будто невзначай, но поражающей вас своей прозорливостью. В качестве такого примера прозорливости, граничащей с гениальностью, я бы сослался на высказанную Плехановым в статье «Закон экономического развития общества» мысль о том, что социальный переворот в России будет прочным лишь при союзе пролетариата с крестьянством,—мысль которую претворяла в жизнь революционная Россия наших дней.

Таким был Плеханов в первых своих печатных выступлениях. Знакомясь с ними, вы с полным убеждением повторяете слова одного из друзей юности и соратников Плеханова в рассматриваемую эпоху: «Плеханов—готов, окристаллизовался, как законченная духовная личность. Жизнь, работа мысли обогатят его ум знанием, но ничего не прибавят к особенностям его духовной организации: его своеобразный познавательный аппарат с его своеобразными приемами познавания, усвоения и диалектики был уже готов» *).

Всю незаурядную силу своей индивидуальности, Плеханов проявил в той новой фазе, в которую вступило наше революционное движение с середины 1879 года.

Уж в 78-ом году в землевольческой среде начинает пускать корни идея террористической борьбы с режимом. Среди руководящих кругов организации зреет разочарование в применявшейся до сих пор революционной тактике, берется под сомнение возможность осуществить дело революции *через народ*, возможность привить народной массе революционное начало. Чем же об'ясняется кризис, охвативший к этому времени народническое сознание? В своем предисловии к русскому изданию Туна Плеханов говорит:

—Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать почти ребяческих надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что социальную революцию сделать очень легко, и что она очень скоро совершится... Но известно, что подобная легкомысленная «вера» представляет собою нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Разбилась она и у наших тогдашних революционеров **).

Потеряв веру в революционность народа, разочаровавшись в идее «хождения» в народ, устройстве в нем поселений и т. д., народники естественно, обращали свою мысль на поиски новых путей, изыскивали более целесообразные и плодотворные методы революционной борьбы. В качестве основного из таких новых методов и выдвинулся террор.

Мысль о необходимости отвечать на правительственные репрессии вооруженной рукой отдельных революционеров, о необходимости мстить правительству, уничтожать его более ненавистных агентов и тем самым дезор-

---

*) О. Аптекман. Две дорогие тени. Былое 1921. № 16 стр. 7.

**) А. Тун. История революционного движения в России. Птг. 1920. Пред. Г. В. Плеханова. стр. 37.

ганизовывать весь аппарат власти—эта мысль с средины 78-го года все более завладевает умами народников и постепенно начинает претворяться в дело. Революционная летопись 78—79 годов пестрит большим количеством крупных и мелких террористических актов. *Террор, таким образом, явился не продуктом теоретической мысли, не результатом априорного програмного построения,—он стихийно народился, как мероприятие, осуществления которого требовала от народников сама жизнь.* Правда, в народнической среде проявилась и оппозиция по отношению к новому методу борьбы, а иногда дело доходило и до чрезвычайно резких столкновений между сторонниками террора и защитниками старой народнической тактики. Из таких столкновений наиболее известна дискуссия землевольцев, имевшая место в марте 78 года в Петербурге по вопросу об организации покушения на Александра II, которую многие склонны даже считать фактическим началом раскола землевольческой организации. На время в «Земле и Воле» создалось своеобразное состояние неустойчивого внутрипартийного равновесия. К весне 1879 года общество «Земля и Воля» было организацией наполовину бунтарской и наполовину террористической. «Те из его членов —рассказывает Плеханов,—которые остались верны старой программе, жили большей частью „в народе", „в поселениях", раскинувшихся в разных местах нижнего и среднего Поволжья, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Большинство же живших в Петербурге землевольцев с ревностью новообращенных стояло за террористическую деятельность» *)... Мало по малу позиция террористов все укреплялась, положение же сторонников старой тактики—„деревенщиков" становилось все менее устойчивым—они чувствовали, что идея террора завладела умами революционной молодежи, что „хождение в народ" теряет в ее глазах свое былое обаяние. К середине 79-го года идея террора была безусловно доминирующей в народнической среде. И когда в июне собрался в Воронеже партийный с'езд, то ему пришлось не столько решать вопросы о терроре, сколько его санкционировать: дело шло об оформлении тактики, фактически уже признанной, стихийно внедрившейся в практику общества.

Если на Воронежском с'езде и развернулась дискуссия по вопросу о терроре, то обсуждали вопрос не столько о самом решении, которое уже заранее предвосхищалось, сколько о формулировке его; спор велся, так сказать, не в принципиальной, качественной, а лишь в количественной плоскости. Явившиеся в Воронеж после предварительного совещания в Липецке компактной массой, образовавшей основное ядро с'езда, «террористы» ставили вопрос о терроре прямолинейно, решительно, не затушевывая острых углов. «Деревенщики», не переходя в резкую оппозицию, старались лишь договориться с террористами, создать компромисс, при котором старая тактика уживалась бы с новой, терроризм не исключал бы бунтарства, при чем этот компромисс фиксировался даже в процентных отношениях: устанавливалась доля партийных средств, предназначавшаяся для дезорганизаторски—террористических целей и доля уходящая на поселенческо—бунтарские цели.

Резким, но единственным диссонансом, прозвучало на с'езде выступление Плеханова, решительно обрушившегося на тот путь, который с'езд освящал своими решениями, и клеймившего постановления с'езда в энергичных выражениях вплоть до называния его «изменой делу народа».

То обстоятельство, что подавляющее большинство с'езда сразу выявило себя террористическим, солидаризовавшись с известной статьей Н. А. Морозова, восторженно провозгласившего политическое убийство—осуществлением революции в настоящем, повидимому явилось для Плеханова неожиданным и заставило его поставить пред с'ездом вопрос о терроре ребром.

---

*) Русский раб. в рев. движ. Т. III стр. 200

Сам Морозов так вспоминает об имевшем место на с'езде после прочтения им своей статьи:

—Вы слышали, господа, сказал Плеханов. Это ли наша программа? Наступило тяжелое молчание, продолжавшееся с пол-минуты. Но вдруг оно было прервано одобрительным возгласом Фроленко, воскликнувшим, что именно так и нужно писать передовые статьи в революционных органах.

—Плеханов побледнел, как полотно, и сказал взволнованным голосом: „Неужели, господа, вы все так думаете?“—Не нашлось ни одного голоса, который осудил бы мою статью...

—Плеханов некоторое время стоял молча. Отношение деревенщиков—членов Земли и Воли к новому направлению было для него, очевидно совершенно неожиданно. В таком случае, господа, сказал он глухим и печальным голосом,—здесь мне больше нечего делать. Прощайте!“ Он медленно повернулся и начал удаляться в глубь леса. Мне показалось, что он с усилием держится на ногах.

—Разрыв с привычным товарищем по деятельности был слишком тяжел. Вот он идет, мелькнуло у меня в голове, куда-то в глубину леса, одинокий, без сторонников... Что с ним будет, что он будет делать?...

—Господа! Нужно его возвратить—воскликнула Вера Фигнер.

Нет,—ответил Александр Михайлов взволнованным голосом, —как это ни тяжело, но мы не должны возвращать его.

—Четыре из петербургских сторонников Плеханова, особенно резко возражавшие против покушения Соловьева, вскочили со своих мест, чтобы итти за ним, но потом снова сели, тихо переговариваясь между собою. Ни один из них не удалился с собрания вслед за Плехановым. Кто-то предложил решить голосованием, считать ли теперь Плеханова принадлежащим к организации. Значительное большинство высказалось за то, что его нужно считать добровольно выбывшим из „Земли и Воли“... *)

Как мы видим, занятая Плехановым позиция решительного протеста против новой тактики „Земли и Воли“, была позицией блестящего одиночества. Об этом наряду с Морозовым свидетельствуют многие участники с'езда. М. В. Фроленко даже прямо говорит о „полюбовном решении всех вопросов на с'езде, лишь слегка нарушенном выступлением Плеханова“ **).

Спрашивается, где же были предпосылки занятой Плехановым непримиримой по отношению к террору позиции? Каковы были мотивы, заставлявшие его хранить твердокаменную преданность народнической позиции и давшие ему силу на Воронежском с'езде в ответ на восклицание Софьи Перовской:

„Удержите этого безумца, куда он уходит от нас“?—сказать:

„Нет, мне с вами не по дороге, я должен порвать с вами, несмотря на то, что мы были связаны теснейшими узами“?.

Итак, почему были порваны теснейшие узы?. Отвечая на этот вопрос, надо раньше всего иметь в виду, что отношение Плеханова к террору отнюдь не было огульно—отрицательным—Плеханов был лишь противником *политического одиночного* террора. Но в то же время он признавал полную закономерность террора *стачечного*—экономического террора рабочей массы, защищающей свои права в борьбе с эксплуататором—работодателем. Он доказывал, что „ни один мыслящий человек не упрекнет рабочую организацию за неразборчивость в средствах, когда на террор правительства, закрепощающего рабочего фабриканту, карающего как уголовное преступление, всякую попытку рабочих к улучшению своего положения... когда на белый террор такого правительства, она ответит наконец, красным***)

---

*) Николай Морозов. Возникновение „Народной Воли“. Былое 1906 г. № 12 стр. 17—18.

**) М. В. Фроленко. Липецкий и Воронежский с'езды. Былое. 1907 года № 1-13 стр. 85—6.

***) Закон экономического развития общества. Земля и Воля 15 января 1879 г. № 3.

На вопрос о терроре, — укажем здесь кстати, — Плеханов никогда не давал абстрактных, отвлеченных ответов. Он всегда подходил к ним по *диалектически*. Известен, напр., случай, когда Плеханов накануне революции 1905 года поставил в Совете РСДРП вопрос о целесообразности террора и о соглашении на этой почве с с-рами. Соглашение было сорвано ультиматумом Мартова и Аксельрода... *) Известно также выражение Плеханова о том, что он „пути людей 1-го марта“ предпочитает „путь людей 93-года“... Но вернемся к Плеханову эпохи после Воронежского с'езда...

Террористическая кампания, открытая „Землей и Волей“, знаменовала в глазах Плеханова раньше всего вступление на путь политической борьбы, что для него было тогда недопустимым покушением на чистоту народнического кредо. Признать террор—значит отказаться от социальной борьбы—так поставил перед собой вопрос Плеханов и находил подтверждение своей мысли в выступлениях крайних сторонников террористической тактики, провозгласивших устами Желябова что во имя дезорганизации правительства и достижения политической свободы, допустимо отложить классовую борьбу. „Сосредоточить все силы на терроре, значило направить их целиком на борьбу за ту политическую свободу, которую предавал анафеме каждый правоверный бакунист и народник“ **). Плеханов потому так ожесточенно восстал против террора, что террор это проявление политической борьбы, а вести политическую борьбу значит „вынимать из огня каштаны для либералов“,—в политических свободах нуждается буржуазия, мечтающая о пришествии капитализма, народу же, живущему на общинных устоях, до политической свободы нет дела...

Практические результаты, которых, по мнению Плеханова, можно было бы ожидать от террора, должны были быть ничтожными:—„даже полная удача самого главного „дезорганизаторского“ плана приведет не к перемене политической системы, а к вставке трех палочек вместо двух при имени «Александр». Террористическая тактика, считал Плеханов, раньше всего дезорганизует самую революционную партию. Она отвлечет симпатии легко воспламеняющейся революционной молодежи от кропотливой и систематической работы в народе, направив их по руслу яркой и захватывающей террористической борьбы, он уб'ет тем самым дело внедрения в народную массу, дело «поселений» среди народа. Далее террор несет с собой ослабление деятельности среди рабочей массы. «Рабочее дело»,—вспоминает Плеханов о том времени, когда начала доминировать идея террора—«никем не отрицалось в принципе. Но на деле посвящавшиеся ему силы и средства стали убывать очень и очень заметно. Многие молодые революционеры, начавшие свою деятельность «занятием с рабочими», оставили это свое занятие под влиянием проповедывавших «дезорганизацию правительства» землевольцев» ***). Террор обострял борьбу с правительством, но он суживал арену, на которой она велась. Он заменял массовое движение единоборческой схваткой между революционной интеллигенцией и правительством.

Таковы были мотивы, обусловившие оппозицию Плеханова террористической тактике и приведшие его в Воронеже к разрыву с партией. Разрыв, повидимому, явился для Г. В. неожиданным,—будущее рисовалось ему в самых неясных и мрачных очертаниях:

— Я уехал из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что народничество, казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом социализма, погибает, главным образом, благодаря не-

---

*) См Л. Мартов. История российской социал-демократии. Птг.—Москва 1923 Стр. 85.

**) О социальной демократии в России. Письмо к польским издателям Туна. 1893.

***) Русский рабочий... Т. III. Стр. 201.

логичности самих народников, я сознавал, что один в поле не воин, и с тоской спрашивал себя: что же мне остается делать?.. *)

В Киеве, свидевшись с приехавшим туда М Р. Поповым, Плеханов узнал, что в Питер прибыли из-за границы В. И. Засулич, Лев Дейч и Яков Стефанович, причем все эти землевольцы неудовлетворены позицией, которую партия заняла в Воронеже. Г. В., почуяв в приехавших своих единомышленников, поспешил в Петербург. Здесь в самом деле ему удалось установить совпадение точек зрения прибывшей группы и его личной на вопрос о терроре. Вскоре возникла мысль о создании противниками новой тактики «Земли и Воли» своей самостоятельной народнической фракции. Мысль эта окрепла под влиянием происходивших после Воронежа в землевольческой организации трений между двумя частями организации: той, которая выступала застрельщиком террористической тактики и той, которая пыталась сочетать неизбежное применение террора с верностью традиционному бунтарству. Все это, как известно, привело к расколу «Земли и Воли». К началу октября 1879 года место расколовшейся «Земли и Воли» заняли две самостоятельные народнические организации: верную решениям Воронежа «Народную Волю» и хранящий бунтарскую традицию «Черный передел».

Идеологом и руководителем последнего—был Г. В. Плеханов **).

В январе 1880 года вышел из печати первый номер органа новой группы, носивший то же название—«Черный Передел». В этом номере были помещены три статьи Г. В., имеющие отчасти декларативный характер и устанавливающие точку зрения чернопередельцев на задачи революционной партии в связи с расколом «Земли и Воли».

В своих статьях Плеханов выступает защитником традиционного народничества, правоверного бунтарства в том виде, как оно было теоретически обосновано Плехановым в «Земле и Воле». Статьи Плеханова в «Черном Переделе» могут быть без всяких колебаний взяты за одну скобку с его статьями в „Земле и Воле“, на которых мы подробнее уже останавливались. В «Черном Переделе» Плеханов разрабатывает те же мысли, которые были им высказаны в «Земле и Воле». Мы встречаемся здесь со знакомыми уже из первых статей Плеханова его взглядами на народнический процесс, видим тот же, что и в них, уклон в сторону экономического материализма. Мы сказали бы даже, что этот уклон теперь стал более явным и благодаря этому статьи Плеханова, помещенные в № 1 «Черного Передела», таят в себе еще более противоречий, нежели его предыдущие выступления. Но мы никоим образом не согласимся с тем, что «Черным Переделом» Плеханов сделал какой-то шаг назад в теоретическом смысле по отношению к своим статьям в «Земле и Воле», как это утверждает, например, тов. В. Ваганян в статье «От народничества к марксизму ***). Ничего попятного, по сравнению с мыслями, высказанными им ранее, в чернопередельческих статьях Г. В. не найдешь. Если Плеханов твердил здесь о разрушении государственной организации, о праве свободного занятия земли «куда топор, коса и соха ходят» и т. д., и т. д., то ведь ту же дань он не менее щедро платил бунтарству и бакунизму тогда, когда выступал под знаменем «Земли и Воли». Однако свято веря, что только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществимую в России часть социалистической доктрины ****), Плеханов в то же время высказал в «Черном Переделе» ряд

---

*) Почему и как мы разошлись с ред. „Вестник Нар. Воли“. Искра 1903. № 54.

**) В группу «Черный Передел» кроме Плеханова вошел еще 21 человек—В. К. Игнатов, О. В. Аптекман, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Лев Гартман, Е. Н. Ковальская, Ю. Преображенский, О. Николаев, П. Короткевич, Яков Стефанович, М. Крылова, Е. Козлова, Е. Шевырева, Н. Щедрин, Переплетчиков, П. В. Приходько, Козлов, И. П. Пьянков и Александр Жарков.

***) Под Знаменем Марксизма 1923 г. № 2—3, стр. 185.

****) Черный Передел. Сборник, изданный Госиздатом. Птг. 1923 г., стр. 121.

мыслей, значительно приближающих его к материалистическому пониманию общественной жизни. Пусть эти мысли не отличались достаточной чеканностью, пусть в них иногда оставалось что-то недоговоренное, а иногда из них делался ложный вывод,—для нас существенно установить, что процесс усвоения Плехановым экономического материализма (пока мы можем говорить только об *экономическом* материализме), который мы отметили, говоря о его статьях в «Земле и Воле» не только не приостановился ко времени его выступлений в «Черном Переделе», но, наоборот, значительно усилился. В доказательство мы позволим процитировать некоторые места из статей Г. В., помещенных в № 1 «Черного Передела». „Экономические отношения в обществе», пишет он в одной из них, «признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада»*). «Экономические отношения», заявляет он в другом месте, «служат субстанцией для всех остальных категорий человеческих отношений»**). Таких мыслей, конечно, еще далеко недостаточно для того, чтобы назвать высказывающего их марксистом, в особенности тогда, когда мысли такого рода переплетаются с анархо-бунтарскими рассуждениями. Говорить о марксизме Плеханова в чернопередельческий период его развития, отнюдь не приходится. Но приведенные места показательны в более ограниченном отношении: они позволяют нам считать, что Плеханов-чернопеределец находился уже на пути к марксизму. Требовалось, однако, наступление некоторых об'ективных условий, дабы эта потенциальная возможность была реализована. Эти условия наступили, когда Плеханов очутился за рубежом.

В передовой статье, помещенной в № 2 „Черного Передела" и написанной уже за пределами России, а также в заявлении и в письме, опубликованном в № 3, Плеханов пытается поставить и разрешить тот вопрос, который вскоре стал центральным пунктом его расхождения с народничеством—вопрос о социализме и политической борьбе. При постановке этого вопроса Плеханов обнаружил значительную эволюцию, совершенную им в плоскости решения этой проблемы.

Он возмущается одной мыслью о том, что чернопередельцам можно приписать огульное отрицание борьбы за политическую свободу. „Не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку оплакивать падение деспотизма в России... Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место" ***). Плеханов лишь подчеркивает, что экономический вопрос является самым жгучим и существенным для трудящихся масс и что этим должна определяться позиция революционной партии. Отказываясь от преследования задач экономической революции, социалистическая интеллигенция теряет всякую почву в народе. Поэтому, передавая издание „Черного Передела" в другие руки, Плеханов предостерегает партию „от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства ****). Однако, он тут же не менее предостерегающе заявляет: „Черный Передел", думаем мы, лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в России". (Заявление прежних издателей „Черного Передела").

Наконец в одновременно составленном им письме в редакцию „Черного Передела" Г. В. так формулирует задачи, стоящие, по его мнению, пред русскими социалистами:

— Задача «Черного передела» может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих

*) Ibidem, стр. 112.

**) Ibidem, стр. 114.

***) Ibidem, стр. 188.

****) Ibidem. стр. 238.

усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, пред'являемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы... Исходя одинаково из народной среды, эти два рода требований будут находиться в неразрывной связи, и связь их послужит ручательством тому, что переворот совершится в интересах не одних только высших классов. *)

Уже в эту пору Плеханов начинает протаптывать тропинку, которая впоследствии приведет его к «Социализму и политической борьбе».

В «Черном Переделе» Плеханов яснее своих товарищей проявляет и понимание начавшегося классового пролетарского пробуждения. «Говорить ли о городских рабочих?»—спрашивает он,—«повторять ли что Малиновские, Обнорские, Петры Алексеевы, Петерсоны и т. д служат наглядным доказательством плодотворности нашей деятельности в рабочей среде? Лет 20—25 тому назад группа рабочих социалистов в России была бы «чудом родины своей», а в начале 80 г. г., нам пришлось услышать об аресте тайной типографии петербургских рабочих и о готовившемся к изданию социалистическом рабочем листке».**)

В статье, помещенной в № 2 «Черного Передела», Плеханов обнаружил такое четкое понимание наличия в России капиталистического процесса, которое представляло собою серьезнейшее отклонение от народнической догмы. Указывая на то, что главный интерес революции сосредоточится на аграрном вопросе, он продолжает:

— Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам. Распределение наших сил должно сообразоваться с этим органическим процессом. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России***).

Говоря выше о выступлениях Плеханова в «Земле и Воле», мы обратили внимание читателя на одну брошенную им мысль, вся гениальная прозорливость которой выступает в свете нашей великой революции—мысль о том, что коренной переворот в России может быть плодотворным, если он будет базироваться на союзе пролетариата с крестьянством. Теперь мы хотим подчеркнуть еще одну мысль Г. В., высказанную им в «Черном Переделе» и столь же блестяще оправданную победой октябрьской революции—мысль о братском союзе народностей, закрепощенных царизмом, как гарантию прочности революционного преобразования страны:

— Лишь федеративный принцип в политической организации освободившегося народа, только полное устранение принудительного начала, на котором основаны современные государства, и свободная организация снизу вверх—сможет гарантировать нормальный ход развития народной жизни... Этнографический состав населения русского государства постоянно заставляет считаться с ним даже и в современной нам практике: Малороссия, Белоруссия, Польша, Кавказ, Финляндия, Бессарабия—каждая из этих составных частей Российской империи имеет свои народные особенности, требует самобытного, автономного развития.****)

Еще более решительно выступает Плеханов в № 3 «Черного Передела», где в «заявлении прежних издателей», он провозглашает.

---

*) Ibidem стр. 241.

**) Ibidem, стр. 191.

***) Ibidem, стр. 195.

****) Черный Передел № 1. От редакции. Ibid. Стр. 105.

— Распадение Российской империи на самостоятельные организмы по естественным ее областям пусть будет откликом на зов, раздающийся с другой стороны—«Всероссийский земский собор!»...

Если мы выше назвали гениально-прозорливой мысль о том, что социальная революция в России должна осуществляться на рабоче-крестьянской базе, то мысль о союзе национальностей, как залоге революционного дела, может претендовать на тот же эпитет.

«Черный Передел» на первых же шагах постигла крупная внешняя неудача. 28 января 1880 г. была арестована типография «Черного Передела», заканчивающая набор первого номера.*)

Арестованный наборщик Александр Жарков выдал участников органа, он собирался «выловить» также Плеханова и Тихомирова, но этого ему не удалось—он был убит. Провал типографии, повлекший гибель пяти работников, был, конечно, сильнейшим ударом по молодой организации.

Но надо сказать, что к выпуску первого номера «Черный Передел» был уже расшатан причинами более глубокого характера, нежели предательская измена.

С самого же своего возникновения «Черый Передел» не нашел массового отклика в среде революционной молодежи. Проповедь систематического воздействия на народ с целью подготовить его к восстанию, которое смутно брезжило где-то в туманной дали, не находило себе почвы в общественных условиях эпохи. Молодежь искала непосредственного выхода своему чувству возмущения режимом, разряда своей революционной энергии, естественно, что ее симпатии склонялись в сторону «Народной Воли», которая вела героический поединок с ненавистной властью. Более того, от «Черного Передела» отрывались один за другим и его недавние сторонники. Ушел к народовольцам Лев Гартман, за ним последовал М. Р. Попов. Уже через пару месяцев после ее возникновения организация «Черного Передела» очутилась в каком то безвоздушном пространстве.

Удар извне, полученный организацией, находящейся в таком трагическом положении, решил ее участь.

Усилившиеся к концу 79-го года репрессии и поиски руководящего ядра организации поставили пред последней вопрос об от'езде ее наиболее скомпрометированных членов за-границу. Плеханов в это время жил в Питере, проживая на Графском переулке по паспорту дворянина Семашко. До поры до времени квартира Плеханова была вне подозрений, но вскоре за нею началась слежка. На состоявшемся в самом конце 79-го года совете партии было постановлено что Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович должны отправиться за рубеж. Скрепя сердце, Г. В. подчинился партийному решению.

Характерный эпизод, каких в жизни Плеханова было немало:

— При от'езде на вокзале в него стал пристально всматриваться жандарм. Г. В., предвидя надвигающуюся грозу, сохранил полное самообладание и, подойдя к жандарму, сказал ему: «Ну-ка снеси мне чемодан в вагон». Военная выправка и твердость безапеляционного тона Г. В. возымели свое действие, и опешивший жандарм, подхватив чемодан, отнес его в вагон...**)

С от'ездом Плеханова и его товарищей «Черный Передел» фактически самоликвидировался; в течение 80—81 года группа не столько жила, сколько агонировала.

Значит ли это, что «Черный Передел» с момента его появления на свет был обречен гибели, что он бесплодно жил и столь же бесплодно исчез? Когда через 30 слишком лет после ликвидации «Черного Передела» Плеха-

*) Номер этот был впоследствии издан за-границей.

**) А. А. Френчер. На родине Г. В. Плеханова. Пролет, революция. 1922 г. № 8. Стр. 40.

нов уже в качестве одного из вождей международного марксизма задался этим вопросом, он ответил:

— О чернопередельцах принято говорить, что их направление было мертворожденным. Но из него развилась русская социал-демократия, давшая чрезвычайно веские доказательства своей жизненности... Если «чернопередельческая» организация умерла, то умерла родами, произведя на свет такое направление, которое самый заклятый враг его не решился бы назвать мертворожденным...*)

---

*) Неудачная история «Партии Народной Воли». Современный Мир. 1912 V.